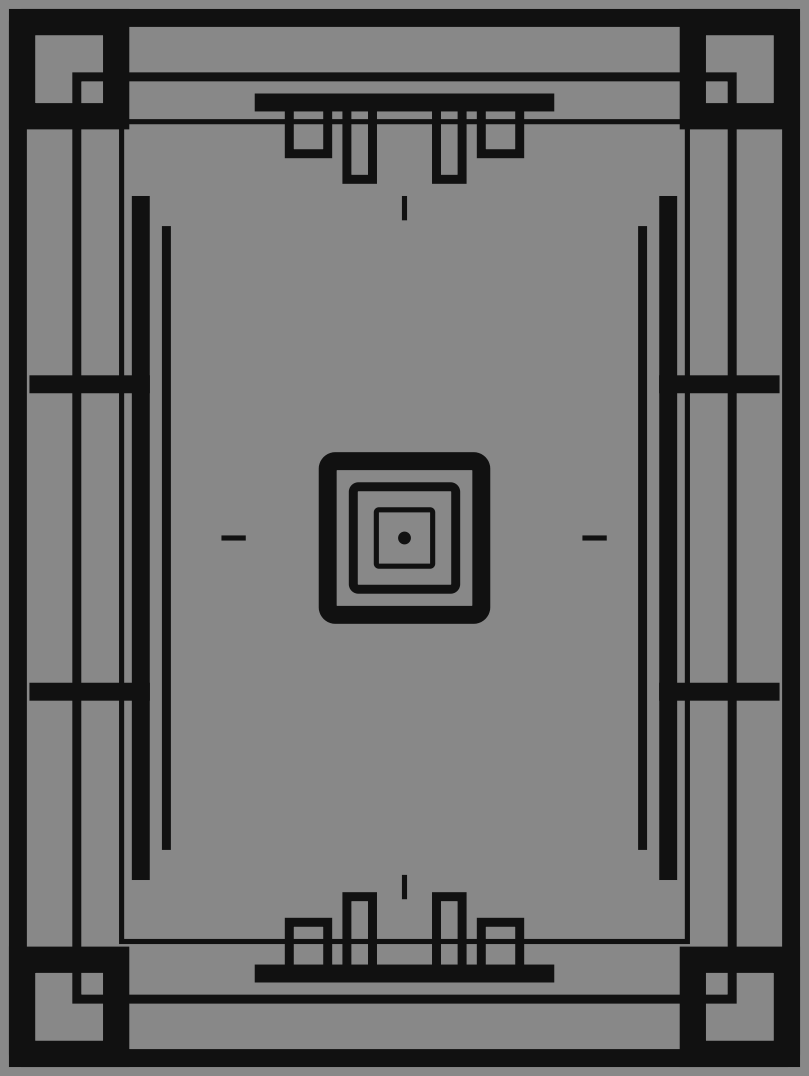

Война миров - английский и русский параллельные тексты

Герберт Уэллс

Аннотация

Аннотация

Наиболее известный роман английского писателя-фантаста, творчество которого открыло новый этап в развитии жанра научной фантастики. Однажды на территорию Соединенного Королевства упали один за другим несколько капсул-снарядов, которые были выпущены из огромной марсианской пушки. Попытка землян открыть их обернулась сущим кошмаром… И началась Война миров. Книга Герберта Уэллса впервые рассказала жителям Земли о том, какова на самом деле Красная планета, и вслед за английским писателем тема Войны миров захватила умы миллионов людей…

The War of the Worlds by H.	Герберт Джордж Уэллс
G.	Война миров
Wells [1898]	Часть первая
THE COMING OF THE MARTIANS CHAPTER ONE THE EVE OF THE WAR	"Прибытие марсиан"

No one would have believed in the last years of the nineteenth century that this world was being watched keenly and closely by intelligences greater than man's and yet as mortal as his own; that as men busied themselves about their various concerns they were scrutinised and studied, perhaps almost as narrowly as a man with a microscope might scrutinise the transient creatures that swarm and multiply in a drop of water.	1. Накануне войны Никто не поверил бы в последние годы девятнадцатого столетия, что за всем происходящим на Земле зорко и внимательно следят существа более развитые, чем человек, хотя такие же смертные, как и он; что в то время, как люди занимались своими делами, их исследовали и изучали, может быть, так же тщательно, как человек в микроскоп изучает эфемерных тварей, кишащих и размножающихся в капле воды.

With infinite complacency men went to and fro over this globe about their little affairs, serene in their assurance of their empire over matter.	С бесконечным самодовольством сновали люди по всему земному шару, занятые своими делишками, уверенные в своей власти над материей.
It is possible that the infusoria under the microscope do the same.	Возможно, что инфузория под микроскопом ведет себя так же.
No one gave a thought to the older worlds of space as sources of human danger, or thought of them only to dismiss the idea of life upon them as impossible or improbable.	Никому не приходило в голову, что более старые миры вселенной - источник опасности для человеческого рода; самая мысль о какой-либо жизни на них казалась недопустимой и невероятной.

It is curious to recall some of the mental habits of those departed days.	Забавно вспомнить некоторые общепринятые в те дни взгляды.
At most terrestrial men fancied there might be other men upon Mars, perhaps inferior to themselves and ready to welcome a missionary enterprise.	Самое большее, допускалось, что на Марсе живут другие люди, вероятно, менее развитые, чем мы, но, во всяком случае, готовые дружески встретить нас как гостей, несущих им просвещение.

Yet across the gulf of space, minds that are to our minds as ours are to those of the beasts that perish, intellects vast and cool and unsympathetic, regarded this earth with envious eyes, and slowly and surely drew their plans against us.	А между тем через бездну пространства на Землю смотрели глазами, полными зависти, существа с высокоразвитым, холодным, бесчувственным интеллектом, превосходящие нас настолько, насколько мы превосходим вымерших животных, и медленно, но верно вырабатывали свои враждебные нам планы.
And early in the twentieth century came the great disillusionment.	На заре двадцатого века наши иллюзии были разрушены.

The planet Mars, I scarcely need remind the reader, revolves about the sun at a mean distance of 140,000,000 miles, and the light and heat it receives from the sun is barely half of that received by this world.	Планета Марс - едва ли нужно напоминать об этом читателю - вращается вокруг Солнца в среднем на расстоянии 140 миллионов миль и получает от него вдвое меньше тепла и света, чем наш мир.

It must be, if the nebular hypothesis has any truth, older than our world; and long before this earth ceased to be molten, life upon its surface must have begun its course.	Если верна гипотеза о туманностях, то Марс старше Земли; жизнь на его поверхности должна была возникнуть задолго до того, как Земля перестала быть расплавленной.

The fact that it is scarcely one seventh of the volume of the earth must have accelerated its cooling to the temperature at which life could begin.	Масса его в семь раз меньше земной, поэтому он должен был значительно скорее охладиться до температуры, при которой могла начаться жизнь.
It has air and water and all that is necessary for the support of animated existence.	На Марсе есть воздух, вода и все необходимое для поддержания жизни.

Yet so vain is man, and so blinded by his vanity, that no writer, up to the very end of the nineteenth century, expressed any idea that intelligent life might have developed there far, or indeed at all, beyond its earthly level.	Но человек так тщеславен и так ослеплен своим тщеславием, что никто из писателей до самого конца девятнадцатого века не высказывал мысли о том, что на этой планете могут обитать разумные существа, вероятно, даже опередившие в своем развитии людей.

Nor was it generally understood that since Mars is older than our earth, with scarcely a quarter of the superficial area and remoter from the sun, it necessarily follows that it is not only more distant from time's beginning but nearer its end.	Также никто не подумал о том, что так как Марс старше Земли, обладает поверхностью, равной четвертой части земной, и дальше отстоит от Солнца, то, следовательно, и жизнь на нем не только началась гораздо раньше, но уже близится к концу.
The secular cooling that must someday overtake our planet has already gone far indeed with our neighbour.	Неизбежное охлаждение, которому когда-нибудь подвергнется и наша планета, у нашего соседа, без сомнения, произошло уже давно.

Its physical condition is still largely a mystery, but we know now that even in its equatorial region the midday temperature barely approaches that of our coldest winter.	Хотя мы почти ничего не знаем об условиях жизни на Марсе, нам все же известно, что даже в его экваториальном поясе средняя дневная температура не выше, чем у нас в самую холодную зиму.
Its air is much more attenuated than ours, its oceans have shrunk until they cover but a third of its surface, and as its slow seasons change huge snowcaps gather and melt about either pole and periodically inundate its temperate zones.	Его атмосфера гораздо более разрежена, чем земная, а океаны уменьшились и покрывают только треть его поверхности; вследствие медленного круговорота времен года около его полюсов скопляются огромные массы льда и затем, оттаивая, периодически затопляют его умеренные пояса.

That last stage of exhaustion, which to us is still incredibly remote, has become a present-day problem for the inhabitants of Mars.	Последняя стадия истощения планеты, для нас еще бесконечно далекая, стала злободневной проблемой для обитателей Марса.
The immediate pressure of necessity has brightened their intellects, enlarged their powers, and hardened their hearts.	Под давлением неотложной необходимости их ум работал более напряженно, их техника росла, сердца ожесточались.

And looking across space with instruments, and intelligences such as we have scarcely dreamed of, they see, at its nearest distance only 35,000,000 of miles sunward of them, a morning star of hope, our own warmer planet, green with vegetation and grey with water, with a cloudy atmosphere eloquent of fertility, with glimpses through its drifting cloud wisps of broad stretches of populous country and narrow, navy-crowded seas.	И, глядя в мировое пространство, вооруженные такими инструментами и знаниями, о которых мы только можем мечтать, они видели невдалеке от себя, на расстоянии каких-нибудь 35 миллионов миль по направлению к Солнцу, утреннюю звезду надежды - нашу теплую планету, зеленую от растительности и серую от воды, с туманной атмосферой, красноречиво свидетельствующей о плодородии, с мерцающими сквозь облачную завесу широкими просторами населенных материков и тесными, заполненными флотилиями судов, морями.

And we men, the creatures who inhabit this earth, must be to them at least as alien and lowly as are the monkeys and lemurs to us.	Мы, люди, существа, населяющие Землю, должны были казаться им такими же чуждыми и примитивными, как нам - обезьяны и лемуры.
The intellectual side of man already admits that life is an incessant struggle for existence, and it would seem that this too is the belief of the minds upon Mars.	Разумом человек признает, что жизнь - это непрерывная борьба за существование, и на Марсе, очевидно, думают так же.

Their world is far gone in its cooling and this world is still crowded with life, but crowded only with what they regard as inferior animals.	Их мир начал уже охлаждаться, а на Земле все еще кипит жизнь, но это жизнь каких-то низших тварей.
To carry warfare sunward is, indeed, their only escape from the destruction that, generation after generation, creeps upon them.	Завоевать новый мир, ближе к Солнцу, - вот их единственное спасение от неуклонно надвигающейся гибели.

And before we judge of them too harshly we must remember what ruthless and utter destruction our own species has wrought, not only upon animals, such as the vanished bison and the dodo, but upon its inferior races.	Прежде чем судить их слишком строго, мы должны припомнить, как беспощадно уничтожали сами люди не только животных, таких, как вымершие бизон, и птица додо , но и себе подобных представителей низших рас.
The Tasmanians, in spite of their human likeness, were entirely swept out of existence in a war of extermination waged by European immigrants, in the space of fifty years.	Жители Тасмании, например, были уничтожены до последнего за пятьдесят лет истребительной войны, затеянной иммигрантами из Европы.

Are we such apostles of mercy as to complain if the Martians warred in the same spirit?	Разве мы сами уж такие поборники милосердия, что можем возмущаться марсианами, действовавшими в том же духе?
The Martians seem to have calculated their descent with amazing subtlety--their mathematical learning is evidently far in excess of ours--and to have carried out their preparations with a well-nigh perfect unanimity.	Марсиане, очевидно, рассчитали свой спуск с удивительной точностью - их математические познания, судя по всему, значительно превосходят наши - и выполнили свои приготовления изумительно согласованно.

Had our instruments permitted it, we might have seen the gathering trouble far back in the nineteenth century.	Если бы наши приборы были более совершенны, то мы могли бы заметить надвигающуюся грозу еще задолго до конца де- вятнадцатого столетия.
Men like Schiaparelli watched the red planet--it is odd, by-the-bye, that for countless centuries Mars has been the star of war--but failed to interpret the fluctuating appearances of the markings they mapped so well.	Такие ученые, как Скиа- парелли, наблюдали крас- ную планету - любопыт- но, между прочим, что в течение долгих веков Марс считался звездой войны, - но им не удава- лось выяснить причину периодического появле- ния на ней пятен, кото- рые они умели так хоро- шо заносить на карты.

All that time the Martians must have been getting ready.	А все эти годы марсиане, очевидно, вели свои приготовления.
During the opposition of 1894 a great light was seen on the illuminated part of the disk, first at the Lick Observatory, then by Perrotin of Nice, and then by other observers.	Во время противостояния, в 1894 году, на освещенной части планеты был виден сильный свет, замеченный сначала обсерваторией в Ликке, затем Перротеном в Ницце и другими наблюдателями.
English readers heard of it first in the issue of Nature dated August 2.	Английские читатели впервые узнали об этом из журнала "Нэйчер" от 2 августа.

I am inclined to think that this blaze may have been the casting of the huge gun, in the vast pit sunk into their planet, from which their shots were fired at us.	Я склонен думать, что это явление означало отливку в глубокой шахте гигантской пушки, из которой марсиане потом обстреливали Землю.
Peculiar markings, as yet unexplained, were seen near the site of that outbreak during the next two oppositions.	Странные явления, до сих пор, впрочем, не объясненные, наблюдались вблизи места вспышки во время двух последующих противостояний.
The storm burst upon us six years ago now.	Гроза разразилась над нами шесть лет назад.

As Mars approached opposition, Lavelle of Java set the wires of the astronomical exchange palpitating with the amazing intelligence of a huge outbreak of incandescent gas upon the planet.	Когда Марс приблизился к противостоянию, Лавелль с Явы сообщил астрономам по телеграфу о колоссальном взрыве раскаленного газа на планете.
It had occurred towards midnight of the twelfth; and the spectroscope, to which he had at once resorted, indicated a mass of flaming gas, chiefly hydrogen, moving with an enormous velocity towards this earth.	Это случилось двенадцатого августа около полуночи; спектроскоп, к помощи которого он тут же прибег, обнаружил массу горящих газов, главным образом водорода, двигавшуюся к Земле с ужасающей быстротой.

This jet of fire had become invisible about a quarter past twelve.	Этот поток огня перестал быть видимым около четверти первого.
He compared it to a colossal puff of flame suddenly and violently squirted out of the planet, "as flaming gases rushed out of a gun."	Лавелль сравнил его с колоссальной вспышкой пламени, внезапно вырвавшегося из планеты, "как снаряд из орудия".
A singularly appropriate phrase it proved.	Сравнение оказалось очень точным.

Yet the next day there was nothing of this in the papers except a little note in the Daily Telegraph, and the world went in ignorance of one of the gravest dangers that ever threatened the human race.	Однако в газетах на следующий день не появилось никакого сообщения об этом, если не считать небольшой заметки в "Дейли телеграф", и мир пребывал в неведении самой серьезной из всех опасностей, когда-либо угрожавших человечеству.
I might not have heard of the eruption at all had I not met Ogilvy, the well-known astronomer, at Ottershaw.	Вероятно, и я ничего бы не узнал об извержении, если бы не встретился в Оттершоу с известным астрономом Оджилви.

He was immensely excited at the news, and in the excess of his feelings invited me up to take a turn with him that night in a scrutiny of the red planet.	Он был до крайности взволнован сообщением и пригласил меня этой ночью принять участие в наблюдениях за красной планетой.

In spite of all that has happened since, I still remember that vigil very distinctly: the black and silent observatory, the shadowed lantern throwing a feeble glow upon the floor in the corner, the steady ticking of the clockwork of the telescope, the little slit in the roof--an oblong profundity with the stardust streaked across it.	Несмотря на все последовавшие бурные события, я очень ясно помню наше ночное бдение: черная, безмолвная обсерватория, завешенный фонарь в углу, бросающий слабый свет на пол, мерное тикание часового механизма в телескопе, небольшое продольное отверстие в потолке, откуда зияла бездна, усеянная звездной пылью.
Ogilvy moved about, invisible but audible.	Почти невидимый Оджилви бесшумно двигался около прибора.

Looking through the telescope, one saw a circle of deep blue and the little round planet swimming in the field.	В телескоп виден был темно-синий круг а плававшая в нем маленькая круглая планета.
It seemed such a little thing, so bright and small and still, faintly marked with transverse stripes, and slightly flattened from the perfect round.	Она казалась такой крохотной, блестящей, с едва заметными поперечными полосами, со слегка неправильной окружностью.
But so little it was, so silvery warm--a pin's-head of light!	Она была так мала, с булавочную головку, и лучилась теплым серебристым светом.

It was as if it quivered, but really this was the telescope vibrating with the activity of the clockwork that kept the planet in view.	Она словно дрожала, но на самом деле это вибрировал телескоп под действием часового механизма, державшего планету в поле зрения.
As I watched, the planet seemed to grow larger and smaller and to advance and recede, but that was simply that my eye was tired.	Во время наблюдения звездочка то уменьшалась, то увеличивалась, то приближалась, то удалялась, но так казалось просто от усталости глаза.
Forty millions of miles it was from us--more than forty millions of miles of void.	Нас отделяли от нее 40 миллионов миль - больше 40 миллионов миль пустоты.
Few people realise the immensity of vacancy in which the dust of the material universe swims.	Немногие могут представить себе всю необъятность той бездны, в которой плавают пылинки материальной вселенной.

Near it in the field, I remember, were three faint points of light, three telescopic stars infinitely remote, and all around it was the unfathomable darkness of empty space.	Вблизи планеты, я помню, виднелись три маленькие светящиеся точки, три телескопические звезды, бесконечно удаленные, а вокруг - неизмеримый мрак пустого пространства.
You know how that blackness looks on a frosty starlight night.	Вы знаете, как выглядит эта бездна в морозную звездную ночь.
In a telescope it seems far profounder.	В телескоп она кажется еще глубже.

And invisible to me because it was so remote and small, flying swiftly and steadily towards me across that incredible distance, drawing nearer every minute by so many thousands of miles, came the Thing they were sending us, the Thing that was to bring so much struggle and calamity and death to the earth.	И невидимо для меня, вследствие удаленности и малой величины, неуклонно и быстро стремясь ко мне через все это невероятное пространство, с каждой минутой приближаясь на многие тысячи миль; неслось то, что марсиане послали к нам, то, что должно было принести борьбу, бедствия и гибель на Землю.
I never dreamed of it then as I watched; no one on earth dreamed of that unerring missile.	Я и не подозревал об этом, наблюдая планету; никто на Земле не подозревал об этом метко пущенном метательном снаряде.

That night, too, there was another jetting out of gas from the distant planet.	В эту ночь снова наблюдался взрыв на Марсе.

I saw it.	Я сам видел его.
A reddish flash at the edge, the slightest projection of the outline just as the chronometer struck midnight; and at that I told Ogilvy and he took my place.	Появился красноватый блеск и чуть заметное вздутие на краю в то самое мгновение, когда хронометр показывал полночь. Я сообщил об этом Оджилви, и он сменил меня.

The night was warm and I was thirsty, and I went stretching my legs clumsily and feeling my way in the darkness, to the little table where the siphon stood, while Ogilvy exclaimed at the streamer of gas that came out towards us.	Ночь была жаркая, и мне захотелось пить; ощупью, неловко ступая в темноте, я двинулся к столику, где стоял сифон, как вдруг Оджилви вскрикнул, увидев несшийся к нам огненный поток газа.
That night another invisible missile started on its way to the earth from Mars, just a second or so under twenty-four hours after the first one.	В эту ночь новый невидимый снаряд был выпущен с Марса на Землю - ровно через сутки после первого, с точностью до одной секунды.

I remember how I sat on the table there in the blackness, with patches of green and crimson swimming before my eyes.	Помню, как я сидел на столе в темноте; красные и зеленые пятна плыли у меня перед глазами.
I wished I had a light to smoke by, little suspecting the meaning of the minute gleam I had seen and all that it would presently bring me.	Я искал огня, чтобы закурить. Я совсем не придавал значения этой мгновенной вспышке и не задумывался над тем, что она должна повлечь за собой.
Ogilvy watched till one, and then gave it up; and we lit the lantern and walked over to his house.	Оджилви делал наблюдения до часу ночи; в час он окончил работу; мы зажгли фонарь и отправились к нему домой.

Down below in the darkness were Ottershaw and Chertsey and all their hundreds of people, sleeping in peace.	Погруженные во мрак, лежали Оттершоу и Чертси, где мирно спали сотни жителей.
He was full of speculation that night about the condition of Mars, and scoffed at the vulgar idea of its having inhabitants who were signalling us.	Оджилви в эту ночь высказывал разные предположения относительно условий жизни на Марсе и высмеивал вульгарную гипотезу о том; что его обитатели подают нам сигналы.
His idea was that meteorites might be falling in a heavy shower upon the planet, or that a huge volcanic explosion was in progress.	Он полагал, что на планету посыпался целый град метеоритов или что там происходит громадное вулканическое извержение.

He pointed out to me how unlikely it was that organic evolution had taken the same direction in the two adjacent planets.	Он доказывал мне, как маловероятно, чтобы эволюция организмов проходила одинаково на двух, пусть даже и близких, планетах.
"The chances against anything manlike on Mars are a million to one," he said.	- Один шанс против миллиона за то, что Марс обитаем, - сказал он.
Hundreds of observers saw the flame that night and the night after about midnight, and again the night after; and so for ten nights, a flame each night.	Сотни наблюдателей видели пламя каждую полночь, в эту и последующие десять ночей - по одной вспышке.
Why the shots ceased after the tenth no one on earth has attempted to explain.	Почему взрывы прекратились после десятой ночи, этого никто не пытался объяснить.

It may be the gases of the firing caused the Martians inconvenience.	Может быть, газ от выстрелов причинял какие нибудь неудобства марсианам.

Dense clouds of smoke or dust, visible through a powerful telescope on earth as little grey, fluctuating patches, spread through the clearness of the planet's atmosphere and obscured its more familiar features.	Густые клубы дыма, или пыли, замеченные в самый сильный земной телескоп, в виде маленьких серых, переливчатых пятен мелькали в чистой атмосфере планеты и затемняли ее знакомые очертания.

Even the daily papers woke up to the disturbances at last, and popular notes appeared here, there, and everywhere concerning the volcanoes upon Mars.	Наконец даже газеты заговорили об этих явлениях, там и сям стали появляться популярные заметки относительно вулканов на Марсе.
The seriocomic periodical Punch, I remember, made a happy use of it in the political cartoon.	Помнится, юмористический журнал "Панч" очень остроумно воспользовался этим для политической карикатуры.

And, all unsuspected, those missiles the Martians had fired at us drew earthward, rushing now at a pace of many miles a second through the empty gulf of space, hour by hour and day by day, nearer and nearer.	А между тем незримые марсианские снаряды летели к Земле через бездну пустого пространства со скоростью нескольких миль в секунду, приближаясь с каждым часом, с каждым днем.
It seems to me now almost incredibly wonderful that, with that swift fate hanging over us, men could go about their petty concerns as they did.	Мне кажется теперь диким, как это люди могли заниматься своими мелкими делишками, когда над ними уже нависла гибель.

I remember how jubilant Markham was at securing a new photograph of the planet for the illustrated paper he edited in those days.	Я помню, как радовался Маркхем, получив новый фотографический снимок планеты для иллюстрированного журнала, который он тогда редактировал.
People in these latter times scarcely realise the abundance and enterprise of our nineteenth-century papers.	Люди нынешнего, более позднего времени с трудом представляют себе обилие и предприимчивость журналов в девятнадцатом веке.
For my own part, I was much occupied in learning to ride the bicycle, and busy upon a series of papers discussing the probable developments of moral ideas as civilisation progressed.	Я же в то время с большим рвением учился ездить на велосипеде и читал груду журналов, обсуждавших дальнейшее развитие нравственности в связи с прогрессом цивилизации.

One night (the first missile then could scarcely have been 10,000,000 miles away) I went for a walk with my wife.	Однажды вечером (первый снаряд находился тогда за 10 миллионов миль от нас) я вышел прогуляться вместе с женой.
It was starlight and I explained the Signs of the Zodiac to her, and pointed out Mars, a bright dot of light creeping zenithward, towards which so many telescopes were pointed.	Небо было звездное, и я объяснял ей знаки Зодиака и указал на Марс, на яркую точку света около зенита, куда было направлено столько телескопов.
It was a warm night.	Вечер был теплый.
Coming home, a party of excursionists from Chertsey or Isleworth passed us singing and playing music.	Компания экскурсантов из Чертси или Айлворта, возвращаясь домой, прошла мимо нас с пением и музыкой.

There were lights in the upper windows of the houses as the people went to bed.	В верхних окнах домов светились огни, люди ложились спать.
From the railway station in the distance came the sound of shunting trains, ringing and rumbling, softened almost into melody by the distance.	Издалека, с железнодорожной станции, доносился грохот маневрировавших поездов, смягченный расстоянием и, звучавший почти мелодично.

My wife pointed out to me the brightness of the red, green, and yellow signal lights hanging in a framework against the sky.	Жена обратила мое внимание на красные, зеленые и желтые сигнальные огни, горевшие на фоне ночного неба.

It seemed so safe and tranquil. CHAPTER TWO THE FALLING STAR	Все казалось таким спокойным и безмятежным. 2.
Then came the night of the first falling star.	Падающая звезда Затем наступила ночь первой падающей звезды.
It was seen early in the morning, rushing over Winchester eastward, a line of flame high in the atmosphere.	Ее заметили на рассвете; она неслась над Винчестером, к востоку, очень высоко, чертя огненную линию.
Hundreds must have seen it, and taken it for an ordinary falling star.	Сотни людей видели ее и приняли за обыкновенную падающую звезду.
Albin described it as leaving a greenish streak behind it that glowed for some seconds.	По описанию Элбина, она оставляла за собой зеленоватую полосу, горевшую несколько секунд.

Denning, our greatest authority on meteorites, stated that the height of its first appearance was about ninety or one hundred miles.	Деннинг, наш величайший авторитет по метеоритам, утверждал, что она стала заметна уже на расстоянии девяноста или ста миль.
It seemed to him that it fell to earth about one hundred miles east of him.	Ему показалось, что она упала на Землю приблизительно за сто миль к востоку от того места, где-он находился.

I was at home at that hour and writing in my study; and although my French windows face towards Ottershaw and the blind was up (for I loved in those days to look up at the night sky), I saw nothing of it.	В этот час я был дома и писал в своем кабинете; но хотя мое окно выходило на Оттершоу и штора была поднята (я любил смотреть в ночное небо), я ничего не заметил.
Yet this strangest of all things that ever came to earth from outer space must have fallen while I was sitting there, visible to me had I only looked up as it passed.	Однако этот метеорит, самый необычайный из всех когда-либо падавших на Землю из мирового пространства, должен был упасть, когда я сидел за столом, и я мог бы увидеть его, если бы взглянул на небо.

Some of those who saw its flight say it travelled with a hissing sound. I myself heard nothing of that.	Некоторые, видевшие его полет, говорят, что он летел со свистом, но сам я этого не слышал.
Many people in Berkshire, Surrey, and Middlesex must have seen the fall of it, and, at most, have thought that another meteorite had descended.	Многие жители Беркшира, Сэррея и Миддлсэкса видели его падение, и почти все подумали, что упал новый метеорит.
No one seems to have troubled to look for the fallen mass that night.	В эту ночь, кажется, никто не поинтересовался взглянуть на упавшую массу.

But very early in the morning poor Ogilvy, who had seen the shooting star and who was persuaded that a meteorite lay somewhere on the common between Horsell, Ottershaw, and Woking, rose early with the idea of finding it.	Бедняга Оджилви, наблюдавший метеорит и убежденный, что он упал где-нибудь на пустоши между Хорселлом, Оттершоу и Уокингом, поднялся рано утром и отправился его разыскивать.
Find it he did, soon after dawn, and not far from the sand pits.	Уже рассвело, когда он нашел метеорит неподалеку от песчаного карьера.

An enormous hole had been made by the impact of the projectile, and the sand and gravel had been flung violently in every direction over the heath, forming heaps visible a mile and a half away.	Он увидел гигантскую воронку, вырытую упавшим телом, и кучи песка и гравия, громоздившиеся среди вереска и заметные за полторы мили.

The heather was on fire eastward, and a thin blue smoke rose against the dawn.	Вереск загорелся и тлел, прозрачный голу-бой дымок клубился на фоне утреннего неба.

The Thing itself lay almost entirely buried in sand, amidst the scattered splinters of a fir tree it had shivered to fragments in its descent.	Упавшее тело зарылось в песок, среди разметанных щепок разбитой им при падении сосны.
The uncovered part had the appearance of a huge cylinder, caked over and its outline softened by a thick scaly dun-coloured incrustation.	Выступавшая наружу часть имела вид громадного обгоревшего цилиндра; его очертания были скрыты толстым чешуйчатым слоем темного нагара.
It had a diameter of about thirty yards.	Цилиндр был около тридцати ярдов в диаметре.

He approached the mass, surprised at the size and more so at the shape, since most meteorites are rounded more or less completely.	Оджилви приблизился к этой массе, пораженный ее объемом и особенно формой, так как обычно метеориты бывают более или менее шарообразны.
It was, however, still so hot from its flight through the air as to forbid his near approach.	Однако цилиндр был так сильно раскален от полета сквозь атмосферу, что к нему еще нельзя было подойти достаточно близко.
A stirring noise within its cylinder he ascribed to the unequal cooling of its surface; for at that time it had not occurred to him that it might be hollow.	Легкий шум, слышавшийся изнутри цилиндра, Оджилви приписал неравномерному охлаждению его поверхности.

He remained standing at the edge of the pit that the Thing had made for itself, staring at its strange appearance, astonished chiefly at its unusual shape and colour, and dimly perceiving even then some evidence of design in its arrival.	В это время ему не приходило в голову, что цилиндр может быть полым. Оджилви стоял на краю образовавшейся ямы, изумленный необычайной формой и цветом цилиндра, начиная смутно догадываться о его назначении.
The early morning was wonderfully still, and the sun, just clearing the pine trees towards Weybridge, was already warm.	Утро было необычайно тихое; солнце, только что осветившее сосновый лес около Уэйбриджа, уже пригревало.

He did not remember hearing any birds that morning, there was certainly no breeze stirring, and the only sounds were the faint movements from within the cindery cylinder.	Оджилви говорил, что он не слышал пения птиц в это утро, не было ни малейшего ветерка и только из покрытого нагаром цилиндра раздавались какие-то звуки.
He was all alone on the common.	На пустоши никого не было.
Then suddenly he noticed with a start that some of the grey clinker, the ashy incrustation that covered the meteorite, was falling off the circular edge of the end.	Вдруг он с удивлением заметил, что слой нагара, покрывавший метеорит, с верхнего края цилиндра стал отваливаться.

It was dropping off in flakes and raining down upon the sand.	Кусочки шлака падали на песок, точно хлопья снега или капли дождя.
A large piece suddenly came off and fell with a sharp noise that brought his heart into his mouth.	Внезапно отвалился и с шумом упал большой кусок; Оджилви не на шутку испугался.
For a minute he scarcely realised what this meant, and, although the heat was excessive, he clambered down into the pit close to the bulk to see the Thing more clearly.	Еще ничего не подозревая, он спустился в яму и, несмотря на сильный жар, подошел вплотную к цилиндру, чтобы получше его разглядеть.

He fancied even then that the cooling of the body might account for this, but what disturbed that idea was the fact that the ash was falling only from the end of the cylinder.	Астроном все еще думал, что странное явление вызвано охлаждением тела, но этому противоречил тот факт, что нагар спадал только с края цилиндра.

And then he perceived that, very slowly, the circular top of the cylinder was rotating on its body.	И вдруг Оджилви заметил, что круглая вершина цилиндра медленно вращается.

It was such a gradual movement that he discovered it only through noticing that a black mark that had been near him five minutes ago was now at the other side of the circumference.	Он обнаружил это едва заметное вращение только потому, что черное пятно, бывшее против него пять минут назад, находилось теперь в другой точке окружности.
Even then he scarcely understood what this indicated, until he heard a muffled grating sound and saw the black mark jerk forward an inch or so.	Все же он не вполне понимал, что это значит, пока не услышал глухой скребущий звук и не увидел, что черное пятно продвинулось вперед почти на дюйм.
Then the thing came upon him in a flash.	Тогда он наконец догадался, в чем дело.
The cylinder was artificial--hollow--with an end that screwed out!	Цилиндр был искусственный, полый, с отвинчивающейся крышкой!

Something within the cylinder was unscrewing the top!	Кто-то внутри цилиндра отвинчивал крышку!
"Good heavens!" said Ogilvy. "There's a man in it--men in it!	- Боже мой! - воскликнул Оджилви. - Там внутри человек!
Half roasted to death!	Эти люди чуть не изжарились!
Trying to escape!"	Они пытаются выбраться!
At once, with a quick mental leap, he linked the Thing with the flash upon Mars.	Он мгновенно сопоставил появление цилиндра со взрывом на Марсе.

The thought of the confined creature was so dreadful to him that he forgot the heat and went forward to the cylinder to help turn.	Мысль о заключенном в цилиндре существе так ужаснула Оджилви, что он позабыл про жар и подошел к цилиндру еще ближе, чтобы помочь отвернуть крышку.
But luckily the dull radiation arrested him before he could burn his hands on the still-glowing metal.	Но, к счастью, пышущий жар удержал его вовремя, и он не обжегся о раскаленный металл.
At that he stood irresolute for a moment, then turned, scrambled out of the pit, and set off running wildly into Woking.	Он постоял с минуту в нерешительности, потом вылез из ямы и со всех ног побежал к Уокингу.
The time then must have been somewhere about six o'clock.	Было около шести часов.

He met a waggoner and tried to make him understand, but the tale he told and his appearance were so wild--his hat had fallen off in the pit--that the man simply drove on.	Ученый встретил возчика и попытался объяснить ему, что случилось, но говорил так бессвязно и у него был такой дикий вид - шляпу он потерял в яме, - что тот просто проехал мимо.
He was equally unsuccessful with the potman who was just unlocking the doors of the public-house by Horsell Bridge.	Так же неудачливо обратился он к трактирщику, который только что отворил дверь трактира у Хорселлского моста.
The fellow thought he was a lunatic at large and made an unsuccessful attempt to shut him into the taproom.	Тот подумал, что это сбежавший сумасшедший, и попытался было затащить его в распивочную.

That sobered him a little; and when he saw Henderson, the London journalist, in his garden, he called over the palings and made himself understood.	Это немного отрезвило Оджилви, и, увидев Г ендерсона, лондонского журналиста, копавшегося у себя в садике, он окликнул его через забор и постарался говорить как можно толковей.

"Henderson," he called, "you saw that shooting star last night?"	- Гендерсон, - начал Оджилви, - прошлую дочь вы видели падающую звезду?
"Well?" said Henderson.	-Ну?
"It's out on Horsell Common now."	- Она на Хорселлской пустоши.
"Good Lord!" said Henderson. "Fallen meteorite!	-Боже мой! - воскликнул Гендерсон. - Упавший метеорит!

That's good."	Это интересно.
"But it's something more than a meteorite.	- Но это не простой метеорит.
It's a cylinder--an artificial cylinder, man!	Это цилиндр, искусственный цилиндр.
And there's something inside."	И в нем что-то есть.
Henderson stood up with his spade in his hand.	Гендерсон выпрямился с лопатой в руке.
"What's that?" he said.	- Что такое? - переспросил он.
He was deaf in one ear.	Он был туговат на одно ухо.
Ogilvy told him all that he had seen.	Оджилви рассказал все, что видел.

Henderson was a minute or so taking it in.	Гендерсон с минуту соображал.
Then he dropped his spade, snatched up his jacket, and came out into the road.	Потом бросил лопату, схватил пиджак и вышел на дорогу.
The two men hurried back at once to the common, and found the cylinder still lying in the same position.	Оба поспешно направились к метеориту. Цилиндр лежал все в том же положении.
But now the sounds inside had ceased, and a thin circle of bright metal showed between the top and the body of the cylinder.	Звуков изнутри не было слышно, а между крышкой и корпусом цилиндра блестела тонкая металлическая нарезка.

Air was either entering or escaping at the rim with a thin, sizzling sound.	Воздух или вырывался наружу, или входил внутрь с резким свистом.
They listened, rapped on the scaly burnt metal with a stick, and, meeting with no response, they both concluded the man or men inside must be insensible or dead.	Они стали прислушиваться, постучали палкой по слою нагара и, не получив ответа, решили, что человек или люди, заключенные внутри, либо потеряли сознание, либо умерли.
Of course the two were quite unable to do anything.	Конечно, вдвоем они ничего не могли сделать.

They shouted consolation and promises, and went off back to the town again to get help.	Они прокричали несколько ободряющих слов, пообещав вернуться, и поспешили в город за помощью.
One can imagine them, covered with sand, excited and disordered, running up the little street in the bright sunlight just as the shop folks were taking down their shutters and people were opening their bedroom windows.	Возбужденные и растрепанные, запачканные песком, они бежали в ярком солнечном свете по узкой улице в тот утренний час, когда лавочники снимают ставни витрин, а обыватели раскрывают окна своих спален.
Henderson went into the railway station at once, in order to telegraph the news to London.	Г ендерсон прежде всего отправился на железнодорожную станцию, чтобы сообщить новость по телеграфу в Лондон.

The newspaper articles had prepared men's minds for the reception of the idea.	Г азеты уже подготовили читателей к тому, чтобы услышать эту сенсационную новость.

By eight o'clock a number of boys and unemployed men had already started for the common to see the "dead men from Mars."	К восьми часам толпа мальчишек и зевак направлялась к пустоши, чтобы посмотреть на "мертвецов с Марса".
That was the form the story took.	Такова была первая версия о происшедшем.
I heard of it first from my newspaper boy about a quarter to nine when I went out to get my Daily Chronicle.	Я впервые услыхал об этом от своего газетчика в четверть девятого, когда вышел купить номер "Дейли кроникл".

I was naturally startled, and lost no time in going out and across the Ottershaw bridge to the sand pits. CHAPTER THREE ON HORSELL COMMON	Разумеется, я был крайне поражен и немедленно пошел через Оттершоу-бридж к песчаному карьеру. 3. На Хорселлской пустоши
I found a little crowd of perhaps twenty people surrounding the huge hole in which the cylinder lay.	Около огромной воронки, где лежал цилиндр, я застал человек двадцать.
I have already described the appearance of that colossal bulk, embedded in the ground.	Я уже говорил, как выглядел этот колоссальный зарывшийся в землю снаряд.

The turf and gravel about it seemed charred as if by a sudden explosion.	Дерн и гравий вокруг него обуглились, точно от внезапного взрыва.
No doubt its impact had caused a flash of fire.	Очевидно, при ударе цилиндра вспыхнуло пламя.
Henderson and Ogilvy were not there.	Гендерсона и Оджилви там не было.
I think they perceived that nothing was to be done for the present, and had gone away to breakfast at Henderson's house.	Вероятно, они решили, что пока ничего сделать нельзя, и ушли завтракать к Гендерсону.

There were four or five boys sitting on the edge of the Pit, with their feet dangling, and amusing themselves--until I stopped them--by throwing stones at the giant mass.	На краю ямы, болтая ногами, сидело четверо или пятеро мальчишек; они забавлялись (пока я не остановил их), бросая камешки в чудовищную махину.
After I had spoken to them about it, they began playing at "touch" in and out of the group of bystanders.	Потом, выслушав меня, они начали играть в пятнашки, бегая вокруг взрослых.

Among these were a couple of cyclists, a jobbing gardener I employed sometimes, a girl carrying a baby, Gregg the butcher and his little boy, and two or three loafers and golf caddies who were accustomed to hang about the railway station.	Среди собравшихся были два велосипедиста, садовник-поденщик, которого я иногда нанимал, девушка с ребенком на руках, мясник Грегг со своим сынишкой, несколько гуляк и мальчиков, прислуживающих при игре в гольф и обычно снующих возле станции.
There was very little talking.	Говорили мало.
Few of the common people in England had anything but the vaguest astronomical ideas in those days.	В то время в Англии немногие из простонародья имели представление об астрономии.

Most of them were staring quietly at the big table like end of the cylinder, which was still as Ogilvy and Henderson had left it.	Большинство зрителей спокойно смотрело на плоскую крышку цилиндра, которая находилась в том же положении, в каком ее оставили Оджилви и Гендерсон.
I fancy the popular expectation of a heap of charred corpses was disappointed at this inanimate bulk. Some went away while I was there, and other people came.	Я думаю, все были разочарованы, найдя вместо обуглившихся тел неподвижную громаду цилиндра, некоторые уходили домой, вместо них подходили другие.

I clambered into the pit and fancied I heard a faint movement under my feet.	Я спустился в яму, и мне показалось, что я ощущаю слабое колебание под ногами.
The top had certainly ceased to rotate.	Крышка была неподвижна.

It was only when I got thus close to it that the strangeness of this object was at all evident to me.	Только подойдя совсем близко к цилиндру, я обратил внимание на его необычайный вид.
At the first glance it was really no more exciting than an overturned carriage or a tree blown across the road.	На первый взгляд он казался не более странным, чем опрокинувшийся экипаж или дерево, упавшее на дорогу.
Not so much so, indeed.	Пожалуй, даже меньше.
It looked like a rusty gas float.	Больше всего он был похож на ржавый газовый резервуар, погруженный в землю.

It required a certain amount of scientific education to perceive that the grey scale of the Thing was no common oxide, that the yellowish-white metal that gleamed in the crack between the lid and the cylinder had an unfamiliar hue.	Только человек, обладающий научными познаниями, мог заметить, что серый нагар на цилиндре был не простой окисью, что желтовато-белый металл, поблескивавший под крышкой, был необычного оттенка.
"Extra-terrestrial" had no meaning for most of the onlookers.	Слово "внеземной" большинству зрителей было непонятно.
At that time it was quite clear in my own mind that the Thing had come from the planet Mars, but I judged it improbable that it contained any living creature.	Я уже не сомневался, что цилиндр упал с Марса, но считал невероятным, чтобы в нем находилось какое-нибудь живое существо.

I thought the unscrewing might be automatic.	Я предполагал, что развинчивание происходит автоматически.
In spite of Ogilvy, I still believed that there were men in Mars.	Несмотря на слова Оджилви, я был уверен, что на Марсе живут люди.
My mind ran fancifully on the possibilities of its containing manuscript, on the difficulties in translation that might arise, whether we should find coins and models in it, and so forth.	Моя фантазия разыгралась: возможно, что внутри запрятав какой-нибудь манускрипт; сумеем ли мы его перевести, найдем ли там монеты, разные вещи?
Yet it was a little too large for assurance on this idea.	Впрочем, цилиндр был, пожалуй, слишком велик для этого.
I felt an impatience to see it opened.	Меня разбирало нетерпение посмотреть, что там внутри.

About eleven, as nothing seemed happening, I walked back, full of such thought, to my home in Maybury.	Около одиннадцати, видя, что ничего особенного не происходит, я вернулся домой в Мэйбэри.
But I found it difficult to get to work upon my abstract investigations.	Но я уже не мог приняться за свои отвлеченные исследования.
In the afternoon the appearance of the common had altered very much.	После полудня пустырь стал неузнаваем.
The early editions of the evening papers had startled London with enormous headlines:	Ранний выпуск вечерних газет поразил весь Лондон:
"A MESSAGE RECEIVED FROM MARS." "REMARKABLE STORY FROM WOKING,"	"ПОСЛАНИЕ С МАРСА" "НЕБЫВАЛОЕ СОБЫТИЕ В УОКИНГЕ"

and so forth. In addition, Ogilvy's wire to the Astronomical Exchange had roused every observatory in the three kingdoms.	- гласили заголовки, набранные крупным шрифтом. Кроме того, телеграмма Оджилви Астрономическому обществу всполошила все британские обсерватории.
There were half a dozen flies or more from the Woking station standing in the road by the sand pits, a basket-chaise from Chobham, and a rather lordly carriage. Besides that, there was quite a heap of bicycles.	На дороге у песчаной ямы стояли полдюжины пролеток со станции, фаэтон из Чобхема, чья-то карета, уйма велосипедов.

In addition, a large number of people must have walked, in spite of the heat of the day, from Woking and Chertsey, so that there was altogether quite a considerable crowd--one or two gaily dressed ladies among the others.	Много народу, несмотря на жаркий день, пришло пешком из Уокинга и Чертси, так что собралась порядочная толпа, было даже несколько разряженных дам.
It was glaringly hot, not a cloud in the sky nor a breath of wind, and the only shadow was that of the few scattered pine trees.	Стояла удушливая жара; на небе ни облачка, ни малейшего ветра, и тень можно было найти только под редкими соснами.

The burning heather had been extinguished, but the level ground towards Ottershaw was blackened as far as one could see, and still giving off vertical streamers of smoke.	Вереск уже не горел, но равнина чуть не до самого Оттершоу почернела и дымилась.
An enterprising sweet-stuff dealer in the Chobham Road had sent up his son with a barrow-load of green apples and ginger beer.	Предприимчивый хозяин бакалейной лавочки на Чобхемской дороге прислал своего сына с ручной тележкой, нагруженной зелеными яблоками и бутылками с имбирным лимонадом.

Going to the edge of the pit, I found it occupied by a group of about half a dozen men-- Henderson, Ogilvy, and a tall, fair-haired man that I afterwards learned was Stent, the Astronomer Royal, with several workmen wielding spades and pickaxes.	Подойдя к краю воронки, я увидел в ней группу людей: Гендерсона, Оджилви и высокого белокурого джентльмена (как я узнал после, это был Стэнт, королевский астроном); несколько рабочих, вооруженных лопатами и кирками, стояло тут же.
Stent was giving directions in a clear, high-pitched voice.	Стэнт отчетливо и громко давал указания.

He was standing on the cylinder, which was now evidently much cooler; his face was crimson and streaming with perspiration, and something seemed to have irritated him.	Он взобрался на крышку цилиндра, которая, очевидно, успела остыть. Лицо у него раскраснелось, пот катился градом по лбу и щекам, и он явно был чем-то раздражен.
A large portion of the cylinder had been uncovered, though its lower end was still embedded.	Большая часть цилиндра была откопана, хотя нижний конец все еще находился в земле.
As soon as Ogilvy saw me among the staring crowd on the edge of the pit he called to me to come down, and asked me if I would mind going over to see Lord Hilton, the lord of the manor.	Оджилви увидел меня в толпе, обступившей яму, подозвал и попросил сходить к лорду Хилтону, владельцу этого участка.

The growing crowd, he said, was becoming a serious impediment to their excavations, especially the boys.	Все увеличивающаяся толпа, говорил он, особенно мальчишки, мешают работам.
They wanted a light railing put up, and help to keep the people back.	Нужно отгородиться от публики и отдалить ее.

He told me that a faint stirring was occasionally still audible within the case, but that the workmen had failed to unscrew the top, as it afforded no grip to them.	Он сообщил мне, что из цилиндра доносится слабый шум и что рабочим не удалось отвинтить крышку, так как не за что ухватиться.

The case appeared to be enormously thick, and it was possible that the faint sounds we heard represented a noisy tumult in the interior.	Стенки цилиндра, по-видимому, очень толсты и, вероятно, приглушают доносившийся оттуда шум.
I was very glad to do as he asked, and so become one of the privileged spectators within the contemplated enclosure.	Я был очень рад исполнить его просьбу, надеясь таким образом попасть в число привилегированных зрителей при предстоящем вскрытии цилиндра.

I failed to find Lord Hilton at his house, but I was told he was expected from London by the six o'clock train from Waterloo; and as it was then about a quarter past five, I went home, had some tea, and walked up to the station to waylay him. CHAPTER FOUR THE CYLINDER OPENS	Лорда Хилтона я не застал дома, но узнал, что его ожидают из Лондона с шестичасовым поездом: так как было только четверть шестого, то я зашел домой выпить стакан чаю, а потом отправился на станцию, чтобы перехватить Хилтона на дороге. 4. Цилиндр открывается
When I returned to the common the sun was setting.	Когда я вернулся на пустошь, солнце уже садилось.

Scattered groups were hurrying from the direction of Woking, and one or two persons were returning.	Публика из Уокинга все прибывала, домой возвращались только двое-трое.
The crowd about the pit had increased, and stood out black against the lemon yellow of the sky--a couple of hundred people, perhaps.	Толпа вокруг воронки все росла, чернея на лимонно-желтом фоне неба; собралось более ста человек.
There were raised voices, and some sort of struggle appeared to be going on about the pit.	Что-то кричали; около ямы происходила какая-то толкотня.
Strange imaginings passed through my mind.	Меня охватило тревожное предчувствие.

As I drew nearer I heard Stent's voice:	Приблизившись, я услышал голос Стэнта:
"Keep back!	- Отойдите!
Keep back!"	Отойдите!
A boy came running towards me.	Пробежал какой-то мальчуган.
"It's a-movin'," he said to me as he passed; "a-screwin' and a-screwin' out.	- Оно движется, - сообщил он мне, - все вертится да вертится.
I don't like it.	Мне это не нравится.
I'm a-goin' 'ome, I am."	Я лучше пойду домой.
I went on to the crowd.	Я подошел ближе.

There were really, I should think, two or three hundred people elbowing and jostling one another, the one or two ladies there being by no means the least active.	Толпа была густая - человек двести-триста; все толкались, наступали друг другу на ноги. Нарядные дамы проявляли особенную предприимчивость.
"He's fallen in the pit!" cried some one.	- Он упал в яму! - крикнул кто-то.
"Keep back!" said several.	- Назад, назад! - раздавались голоса.
The crowd swayed a little, and I elbowed my way through.	Толпа немного отхлынула, и я протолкался вперед.

Every one seemed greatly excited.	Все были сильно взволнованы.

I heard a peculiar humming sound from the pit.	Я услышал какой-то странный, глухой шум, доносившийся из ямы.
"I say!" said Ogilvy; "help keep these idiots back. We don't know what's in the confounded thing, you know!"	- Да осадите же наконец этих идиотов! - крикнул Оджилви. - Ведь мы не знаем, что в этой проклятой штуке!
I saw a young man, a shop assistant in Woking I believe he was, standing on the cylinder and trying to scramble out of the hole again. The crowd had pushed him in.	Я увидел молодого человека, кажется, приказчика из Уокинга, который влез на цилиндр, пытаясь выбраться из ямы, куда его столкнула толпа.
The end of the cylinder was being screwed out from within.	Верхняя часть цилиндра отвинчивалась изнутри.

Nearly two feet of shining screw projected.	Было видно около двух футов блестящей винтовой нарезки.
Somebody blundered against me, and I narrowly missed being pitched onto the top of the screw.	Кто-то, оступившись, толкнул меня, я по- шатнулся, и меня чуть было не скинули на вращающуюся крыш- ку.
I turned, and as I did so the screw must have come out, for the lid of the cylinder fell upon the gravel with a ringing concussion.	Я обернулся, и, по- ка смотрел в другую сторону, винт, долж- но быть, вывинтился весь и крышка цилин- дра со звоном упала на гравий.
I stuck my elbow into the person behind me, and turned my head towards the Thing again.	Я толкнул локтем ко- го-то позади себя и снова повернулся к цилиндру.

For a moment that circular cavity seemed perfectly black.	Круглое пустое отверстие казалось совершенно черным.
I had the sunset in my eyes.	Заходящее солнце било мне прямо в глаза.
I think everyone expected to see a man emerge--possibly something a little unlike us terrestrial men, but in all essentials a man.	Все, вероятно, ожидали, что из отверстия покажется человек; может быть, не совсем похожий на нас, земных людей, но все же подобный нам.
I know I did.	По крайней мере, я ждал этого.

But, looking, I presently saw something stirring within the shadow: greyish billowy movements, one above another, and then two luminous disks--like eyes.	Но, взглянув, я увидел что-то копошащееся в темноте - сероватое, волнообразное, движущееся; блеснули два диска, похожие на глаза.
Then something resembling a little grey snake, about the thickness of a walking stick, coiled up out of the writhing middle, and wriggled in the air towards me--and then another.	Потом что-то вроде серой змеи, толщиной в трость, стало выползать кольцами из отверстия и двигаться, извиваясь, в мою сторону - одно, потом другое.
A sudden chill came over me.	Меня охватила дрожь.
There was a loud shriek from a woman behind.	Позади закричала какая-то женщина.

I half turned, keeping my eyes fixed upon the cylinder still, from which other tentacles were now projecting, and began pushing my way back from the edge of the pit.	Я немного повернулся, не спуская глаз с цилиндра, из которого высовывались новые щупальца, и начал проталкиваться подальше от края ямы.

I saw astonishment giving place to horror on the faces of the people about me.	На лицах окружавших меня людей удивление сменилось ужасом.
I heard inarticulate exclamations on all sides.	Со всех сторон послышались крики.
There was a general movement backwards.	Толпа попятилась.
I saw the shopman struggling still on the edge of the pit.	Приказчик все еще не мог выбраться из ямы.

I found myself alone, and saw the people on the other side of the pit running off, Stent among them.	Скоро я остался один и видел, как убегали люди, находившиеся по другую сторону ямы, в числе их был и Стэнт.
I looked again at the cylinder, and ungovernable terror gripped me.	Я снова взглянул на цилиндр и оцепенел от ужаса.
I stood petrified and staring.	Я стоял, точно в столбняке, и смотрел.
A big greyish rounded bulk, the size, perhaps, of a bear, was rising slowly and painfully out of the cylinder.	Большая сероватая круглая туша, величиной, пожалуй, с медведя, медленно, с трудом вылезала из цилиндра.
As it bulged up and caught the light, it glistened like wet leather.	Высунувшись на свет, она залоснилась, точно мокрый ремень.

Two large dark-coloured eyes were regarding me steadfastly.	Два больших темных глаза пристально смотрели на меня.
The mass that framed them, the head of the thing, was rounded, and had, one might say, a face.	У чудовища была круглая голова и, если можно так выразиться, лицо.
There was a mouth under the eyes, the lipless brim of which quivered and panted, and dropped saliva.	Под глазами находился рот, края которого двигались и дрожали, выпуская слюну.
The whole creature heaved and pulsated convulsively.	Чудовище тяжело дышало, и все его тело судорожно пульсировало.
A lank tentacular appendage gripped the edge of the cylinder, another swayed in the air.	Одно его тонкое щупальце упиралось в край цилиндра, другим оно размахивало в воздухе.

Those who have never seen a living Martian can scarcely imagine the strange horror of its appearance.	Тот, кто не видел живого марсианина, вряд ли может представить себе его страшную, отвратительную внешность.

The peculiar V-shaped mouth with its pointed upper lip, the absence of brow ridges, the absence of a chin beneath the wedgelike lower lip, the incessant quivering of this mouth, the Gorgon groups of tentacles, the tumultuous breathing of the lungs in a strange atmosphere, the evident heaviness and painfulness of movement due to the greater gravitational energy of the earth--above all, the extraordinary intensity of the immense eyes	Треугольный рот, с выступающей верхней губой, полнейшее отсутствие лба, никаких признаков подбородка под клинообразной нижней губой, непрерывное подергивание рта, щупальца, как у Г оргоны, шумное дыхание в непривычной атмосфере, неповоротливость и затрудненность в движениях - результат большей силы притяжения Земли, - в особенности же огромные пристальные глаза - все это было омерзительно до тошноты.

There was something fungoid in the oily brown skin, something in the clumsy deliberation of the tedious movements unspeakably nasty.	Маслянистая темная кожа напоминала скользкую поверхность гриба, неуклюжие, медленные движения внушали невыразимый ужас.
Even at this first encounter, this first glimpse, I was overcome with disgust and dread.	Даже при первом впечатлении, при беглом взгляде я почувствовал смертельный страх и отвращение.

Suddenly the monster vanished.	Вдруг чудовище исчезло.
It had toppled over the brim of the cylinder and fallen into the pit, with a thud like the fall of a great mass of leather.	Оно перевалилось через край цилиндра и упало в яму, шлепнувшись, точно большой тюк кожи.

I heard it give a peculiar thick cry, and forthwith another of these creatures appeared darkly in the deep shadow of the aperture.	Я услыхал своеобразный глухой звук, и вслед за первым чудовищем в темном отверстии показалось второе.
I turned and, running madly, made for the first group of trees, perhaps a hundred yards away; but I ran slantingly and stumbling, for I could not avert my face from these things.	Мое оцепенение внезапно прошло, я повернулся и со всех ног побежал к деревьям, находившимся в каких-нибудь ста ярдах от цилиндра; но бежал я боком и то и дело спотыкался, потому что не мог отвести глаз от этих чудовищ.

There, among some young pine trees and furze bushes, I stopped, panting, and waited further developments.	Там, среди молодых сосен и кустов дрока, я остановился, задыхаясь, и стал ждать, что будет дальше.
The common round the sand pits was dotted with people, standing like myself in a half-fascinated terror, staring at these creatures, or rather at the heaped gravel at the edge of the pit in which they lay.	Простиравшаяся вокруг песчаной ямы пустошь была усеяна людьми, подобно мне, с любопытством и страхом наблюдавшими за чудовищами, вернее, за кучей гравия на краю ямы, в которой они лежали.
And then, with a renewed horror, I saw a round, black object bobbing up and down on the edge of the pit.	И вдруг я заметил с ужасом что-то круглое, темное, высовывающееся из ямы.

It was the head of the shopman who had fallen in, but showing as a little black object against the hot western sun.	Это была голова свалившегося туда продавца, казавшаяся черной на фоне заката.
Now he got his shoulder and knee up, and again he seemed to slip back until only his head was visible.	Вот показались его плечи и колено, но он снова соскользнул вниз, виднелась одна голова.
Suddenly he vanished, and I could have fancied a faint shriek had reached me.	Потом он скрылся, и мне послышался его слабый крик.
I had a momentary impulse to go back and help him that my fears overruled.	Первым моим движением было вернуться, помочь ему, но я не мог преодолеть страха.

Everything was then quite invisible, hidden by the deep pit and the heap of sand that the fall of the cylinder had made.	Больше я ничего не увидел, все скрылось в глубокой яме и за грудами песка, взрытого упавшим цилиндром.
Anyone coming along the road from Chobham or Woking would have been amazed at the sight--a dwindling multitude of perhaps a hundred people or more standing in a great irregular circle, in ditches, behind bushes, behind gates and hedges, saying little to one another and that in short, excited shouts, and staring, staring hard at a few heaps of sand.	Всякий, кто шел бы по дороге из Чобхема или Уокинга, был бы удивлен таким необычайным зрелищем: около сотни людей рассыпались в канавах, за кустами, за воротами и изгородями и молча, изредка обмениваясь отрывистыми восклицаниями, во все глаза смотрели на кучи песка.

The barrow of ginger beer stood, a queer derelict, black against the burning sky, and in the sand pits was a row of deserted vehicles with their horses feeding out of nosebags or pawing the ground. CHAPTER FIVE THE HEAT-RAY	Брошенный бочонок с имбирным лимонадом чернел на фоне пламенеющего неба, а у песчаного карьера стояли пустые экипажи; лошади ели овес из своих торб и рыли копытами землю. 5. Тепловой луч

After the glimpse I had had of the Martians emerging from the cylinder in which they had come to the earth from their planet, a kind of fascination paralysed my actions.	Вид марсиан, выползавших из цилиндра, в котором они явились на Землю со своей планеты, казалось, зачаровал и парализовал меня.

I remained standing knee-deep in the heather, staring at the mound that hid them.	Я долго стоял среди кустов вереска, доходивших мне до колена, и смотрел на груды песка.
I was a battleground of fear and curiosity.	Во мне боролись страх и любопытство.
I did not dare to go back towards the pit, but I felt a passionate longing to peer into it.	Я не решался снова приблизиться к яме, но мне очень хотелось заглянуть туда.
I began walking, therefore, in a big curve, seeking some point of vantage and continually looking at the sand heaps that hid these new-comers to our earth.	Поэтому я начал кружить, отыскивая более удобный наблюдательный пункт и не спуская глаз с груды песка, за которой скрывались пришельцы с Марса.

Once a leash of thin black whips, like the arms of an octopus, flashed across the sunset and was immediately withdrawn, and afterwards a thin rod rose up, joint by joint, bearing at its apex a circular disk that spun with a wobbling motion.	Один раз в сиянии заката показались три каких-то черных конечности, вроде щупалец осьминога, но тотчас же скрылись; потом поднялась тонкая коленчатая мачта с каким-то круглым, медленно вращающимся и слегка колеблющимся Диском наверху.
What could be going on there?	Что они там делают?
Most of the spectators had gathered in one or two groups--one a little crowd towards Woking, the other a knot of people in the direction of Chobham.	Зрители разбились на две группы: одна, побольше, - ближе к Уокингу, другая, поменьше, -к Чобхему.

Evidently they shared my mental conflict.	Очевидно, они колебались, так же как и я.
There were few near me.	Невдалеке от меня стояло несколько человек.
One man I approached--he was, I perceived, a neighbour of mine, though I did not know his name--and accosted.	Я подошел к одному - это был мой сосед, я не знал, как его зовут, но попытался с ним заговорить.
But it was scarcely a time for articulate conversation.	Однако момент для разговора был неподходящий.
"What ugly brutes!" he said. "Good God! What ugly brutes!" He repeated this over and over again.	- Что за чудовища! - сказал он. - Боже, какие они страшные! - Он повторил это несколько раз.

"Did you see a man in the pit?" I said; but he made no answer to that.	- Видели вы человека в яме? - спросил я, но он ничего не ответил.
We became silent, and stood watching for a time side by side, deriving, I fancy, a certain comfort in one another's company.	Мы молча стояли рядом и пристально смотрели, чувствуя себя вдвоем более уверенно.
Then I shifted my position to a little knoll that gave me the advantage of a yard or more of elevation and when I looked for him presently he was walking towards Woking.	Потом я встал на бугор высотой около ярда, чтобы удобнее было наблюдать. Оглянувшись, я увидел, что мои сосед пошел по направлению к Уокингу.

The sunset faded to twilight before anything further happened.	Солнце село, сумерки сгустились, а ничего нового не произошло.
The crowd far away on the left, towards Woking, seemed to grow, and I heard now a faint murmur from it.	Толпа налево, ближе к Уокингу, казалось, увеличилась, и я услышал ее неясный гул.

The little knot of people towards Chobham dispersed.	Группа людей по дороге к Чобхему рассеялась.
There was scarcely an intimation of movement from the pit.	В яме как будто все замерло.

It was this, as much as anything, that gave people courage, and I suppose the new arrivals from Woking also helped to restore confidence.	Зрители мало-помалу осмелели. Должно быть, новоприбывшие из Уокинга приободрили толпу.
At any rate, as the dusk came on a slow, intermittent movement upon the sand pits began, a movement that seemed to gather force as the stillness of the evening about the cylinder remained unbroken.	В полумраке на песчаных буграх началось медленное прерывистое движение, - казалось, царившая кругом тишина успокаивающе подействовала на людей.

Vertical black figures in twos and threes would advance, stop, watch, and advance again, spreading out as they did so in a thin irregular crescent that promised to enclose the pit in its attenuated horns.	Черные фигуры, по двое и по трое, двигались, останавливались и снова двигались, растягиваясь тонким неправильным полумесяцем, рога которого постепенно охватывали яму.
I, too, on my side began to move towards the pit.	Я тоже стал подвигаться к яме.
Then I saw some cabmen and others had walked boldly into the sand pits, and heard the clatter of hoofs and the gride of wheels.	Потом я увидел, как кучера покинутых экипажей и другие смельчаки подошли к Яме, и услышал стук копыт и скрип колес.
I saw a lad trundling off the barrow of apples.	Мальчик из лавки покатил тележку с яблоками.

And then, within thirty yards of the pit, advancing from the direction of Horsell, I noted a little black knot of men, the foremost of whom was waving a white flag.	Затем в тридцати ярдах от ямы я заметил черную кучку людей, идущих от Хорселла; впереди кто-то нес развевающийся белый флаг.
This was the Deputation.	Это была делегация.
There had been a hasty consultation, and since the Martians were evidently, in spite of their repulsive forms, intelligent creatures, it had been resolved to show them, by approaching them with signals, that we too were intelligent.	В городе, наскоро посовещавшись, решили, что марсиане, несмотря на свою безобразную внешность, очевидно, разумные существа, и надо сигнализировать им, что и мы тоже существа разумные.

Flutter, flutter, went the flag, first to the right, then to the left.	Флаг, развеваясь по ветру, приближался - сначала справа от меня, потом слева.
It was too far for me to recognise anyone there, but afterwards I learned that Ogilvy, Stent, and Henderson were with others in this attempt at communication.	Я стоял слишком далеко, чтобы разглядеть кого-нибудь, но позже узнал, что Оджилви, Стэнт и Г ендерсон вместе с другими принимали участие в этой попытке завязать сношения с марсианами.
This little group had in its advance dragged inward, so to speak, the circumference of the now almost complete circle of people, and a number of dim black figures followed it at discreet distances.	Делегация, казалось, притягивала к себе почти сомкнувшееся кольцо публики, и много неясных темных фигур следовало за ней на почтительном расстоянии.

Suddenly there was a flash of light, and a quantity of luminous greenish smoke came out of the pit in three distinct puffs, which drove up, one after the other, straight into the still air.	Вдруг сверкнул луч света, и светящийся зеленоватый дым взлетал над ямой тремя клубами, поднявшимися один за другим в неподвижном воздухе.

This smoke (or flame, perhaps, would be the better word for it) was so bright that the deep blue sky overhead and the hazy stretches of brown common towards Chertsey, set with black pine trees, seemed to darken abruptly as these puffs arose, and to remain the darker after their dispersal.	Этот дым (слово "пламя", пожалуй, здесь более уместно) был так ярок, что темно-синее небо наверху и бурая, простиравшаяся до Чертси, подернутая туманом пустошь с торчащими кое-где соснами вдруг стали казаться совсем черными.
At the same time a faint hissing sound became audible.	В этот же миг послышался какой-то слабый шипящий звук.

Beyond the pit stood the little wedge of people with the white flag at its apex, arrested by these phenomena, a little knot of small vertical black shapes upon the black ground.	На краю воронки стояла кучка людей с белым флагом, оцепеневших от изумления, маленькие черные силуэты вырисовывались на фоне неба над черной землей.
As the green smoke arose, their faces flashed out pallid green, and faded again as it vanished.	Вспышка зеленого дыма осветила на миг их бледно-зеленоватые лица.

Then slowly the hissing passed into a humming, into a long, loud, droning noise. Slowly a humped shape rose out of the pit, and the ghost of a beam of light seemed to flicker out from it.	Шипение перешло сперва в глухое жужжание, потом в громкое непрерывное гудение; из ямы вытянулась горбатая тень, и сверкнул луч какого-то искусственного света.
Forthwith flashes of actual flame, a bright glare leaping from one to another, sprang from the scattered group of men.	Языки пламени, ослепительный огонь перекинулись на кучку людей.
It was as if some invisible jet impinged upon them and flashed into white flame.	Казалось, невидимая струя ударила в них и вспыхнула белым сиянием.

It was as if each man were suddenly and momentarily turned to fire.	Мгновенно каждый из них превратился как бы в горящий факел.
Then, by the light of their own destruction, I saw them staggering and falling, and their supporters turning to run.	При свете пожиравшего их пламени я видел, как они шатались и падали, находившиеся позади разбегались в разные стороны.
I stood staring, not as yet realising that this was death leaping from man to man in that little distant crowd.	Я стоял и смотрел, еще не вполне сознавая, что это смерть перебегает по толпе от одного к другому.
All I felt was that it was something very strange.	Я понял только, что произошло нечто странное.

An almost noiseless and blinding flash of light, and a man fell headlong and lay still; and as the unseen shaft of heat passed over them, pine trees burst into fire, and every dry furze bush became with one dull thud a mass of flames.	Почти бесшумная ослепительная вспышка света -и человек падает ничком и лежит неподвижно. От невидимого пламени загорались сосны, потрескивая, вспыхивал сухой дрок.
And far away towards Knaphill I saw the flashes of trees and hedges and wooden buildings suddenly set alight.	Даже вдалеке, у Нэп-Хилла, занялись деревья, заборы, деревянные постройки.

It was sweeping round swiftly and steadily, this flaming death, this invisible, inevitable sword of heat.	Эта огненная смерть, этот невидимый неотвратимый пылающий меч наносил мгновенные, меткие удары.
I perceived it coming towards me by the flashing bushes it touched, and was too astounded and stupefied to stir.	По вспыхнувшему кустарнику я понял, что он приближается ко мне, но я был слишком поражен и ошеломлен, чтобы спасаться бегством.

I heard the crackle of fire in the sand pits and the sudden squeal of a horse that was as suddenly stilled.	Я слышал гудение огня в песчаном карьере и внезапно оборвавшееся ржание лошади.

Then it was as if an invisible yet intensely heated finger were drawn through the heather between me and the Martians, and all along a curving line beyond the sand pits the dark ground smoked and crackled.	Как будто чей-то невидимый раскаленный палец двигался по пустоши между мной и марсианами, вычерчивая огненную кривую, и повсюду кругом темная земля дымилась и шипела.
Something fell with a crash far away to the left where the road from Woking station opens out on the common.	Что-то с грохотом упало вдалеке, где-то слева, там, где выходит на пустошь дорога к уокингской станции.
Forth-with the hissing and humming ceased, and the black, dome-like object sank slowly out of sight into the pit.	Шипение и гул прекратились, и черный куполообразный предмет медленно опустился в яму и скрылся.

All this had happened with such swiftness that I had stood motionless, dumbfounded and dazzled by the flashes of light.	Это произошло так быстро, что я все еще стоял неподвижно, пораженный и ослепленный блеском огня.
Had that death swept through a full circle, it must inevitably have slain me in my surprise.	Если бы эта смерть описала полный круг, она неизбежно испепелила бы и меня.
But it passed and spared me, and left the night about me suddenly dark and unfamiliar.	Но она скользнула мимо и меня пощадила. Окружающая темнота стала еще более жуткой и мрачной.

The undulating common seemed now dark almost to blackness, except where its roadways lay grey and pale under the deep blue sky of the early night.	Холмистая пустошь казалась черной, только полоска шоссе серела под темно-синим небом.
It was dark, and suddenly void of men.	Люди исчезли.
Overhead the stars were mustering, and in the west the sky was still a pale, bright, almost greenish blue.	Вверху мерцали звезды, а на западе светилась бледная зеленоватая полоса.

The tops of the pine trees and the roofs of Horsell came out sharp and black against the western afterglow.	Вершины сосен и крыши Хорселла четко выступали на вечернем небе.
The Martians and their appliances were altogether invisible, save for that thin mast upon which their restless mirror wobbled.	Марсиане и их орудия были невидимы, только на тонкой мачте беспрерывно вращалось зеркало.
Patches of bush and isolated trees here and there smoked and glowed still, and the houses towards Woking station were sending up spires of flame into the stillness of the evening air.	Тлели деревья, кое-где дымился кустарник, а в неподвижном вечернем воздухе над домами близ станции Уокинг поднимались столбы пламени.

Nothing was changed save for that and a terrible astonishment.	Все осталось таким же, как было, словно и не пролетал этот смерч огня.
The little group of black specks with the flag of white had been swept out of existence, and the stillness of the evening, so it seemed to me, had scarcely been broken.	Кучка черных фигурок с белым флагом была уничтожена, но мне казалось, что за весь этот вечер никто и не пытался нарушить тишину.
It came to me that I was upon this dark common, helpless, unprotected, and alone.	Вдруг я понял, что стою здесь, на темной пустоши, один, беспомощный, беззащитный.
Suddenly, like a thing falling upon me from without, came--fear.	Точно что-то обрушилось на меня... Страх!

With an effort I turned and began a stumbling run through the heather.	С усилием я повернулся и побежал, спотыкаясь, по вереску.
The fear I felt was no rational fear, but a panic terror not only of the Martians, but of the dusk and stillness all about me.	Страх, охвативший меня, был не просто страхом. Это был безотчетный ужас и перед марсианами, и перед царившими вокруг мраком и тишиной.
Such an extraordinary effect in unmanning me it had that I ran weeping silently as a child might do.	Мужество покинуло меня, и я бежал, всхлипывая, как ребенок.
Once I had turned, I did not dare to look back.	Оглянуться назад я не решался.

I remember I felt an extraordinary persuasion that I was being played with, that presently, when I was upon the very verge of safety, this mysterious death--as swift as the passage of light--would leap after me from the pit about the cylinder and strike me down. CHAPTER SIX THE HEAT-RAY IN THE CHOBHAM ROAD	Помню, у меня было такое чувство, что мной кто-то играет, что вот теперь, когда я уже почти в безопасности, таинственная смерть, мгновенная, как вспышка огня, вдруг выпрыгнет из темной ямы, где лежит цилиндр, и уничтожит меня на месте. 6. Тепловой луч на Чобхемской дороге
It is still a matter of wonder how the Martians are able to slay men so swiftly and so silently.	До сих пор еще не объяснено, каким образом марсиане могут умерщвлять людей так быстро и так бесшумно.

Many think that in some way they are able to generate an intense heat in a chamber of practically absolute non-conductivity.	Многие предполагают, что они как-то концентрируют интенсивную теплоту в абсолютно не проводящей тепло камере.
This intense heat they project in a parallel beam against any object they choose, by means of a polished parabolic mirror of unknown composition, much as the parabolic mirror of a lighthouse projects a beam of light.	Эту конденсированную теплоту они бросают параллельными лучами на тот предмет, который они избрали целью, при посредстве полированного параболического зеркала из неизвестного вещества, подобно тому как параболическое зеркало маяка отбрасывает снопы света.
But no one has absolutely proved these details.	Но никто не сумел убедительно это доказать.

However it is done, it is certain that a beam of heat is the essence of the matter.	Несомненно одно: здесь действуют тепловые лучи.
Heat, and invisible, instead of visible, light.	Тепловые невидимые лучи вместо видимого света.
Whatever is combustible flashes into flame at its touch, lead runs like water, it softens iron, cracks and melts glass, and when it falls upon water, incontinently that explodes into steam.	Все, что только может гореть, превращается в языки пламени при их прикосновении; свинец растекается, как жидкость; железо размягчается; стекло трескается я плавится, а когда они падают на воду, она мгновенно превращается в пар.

That night nearly forty people lay under the starlight about the pit, charred and distorted beyond recognition, and all night long the common from Horsell to Maybury was deserted and brightly ablaze.	В эту ночь около сорока человек лежали под звездами близ ямы, обугленные и обезображенные до неузнаваемости, и всю ночь пустошь между Хорселлом и Мэйбэри была безлюдна и над ней пылало зарево.
The news of the massacre probably reached Chobham, Woking, and Ottershaw about the same time.	В Чобхеме, Уокинге и Оттершоу, вероятно, в одно и то же время узнали о катастрофе.

In Woking the shops had closed when the tragedy happened, and a number of people, shop people and so forth, attracted by the stories they had heard, were walking over the Horsell Bridge and along the road between the hedges that runs out at last upon the common.	В Уокинге лавки уже были закрыты, когда это произошло, и группы людей, заинтересованных слышанными рассказами, шли по Хорселлскому мосту и по дороге, окаймленной изгородями, направляясь к пустоши.

You may imagine the young people brushed up after the labours of the day, and making this novelty, as they would make any novelty, the excuse for walking together and enjoying a trivial flirtation.	Молодежь, окончив дневную работу, воспользовалась этой новостью, конечно, как предлогом пойти погулять и пофлиртовать.
You may figure to yourself the hum of voices along the road in the gloaming. . . .	Вы можете представить себе, какой гул голосов раздавался на темной дороге...

As yet, of course, few people in Woking even knew that the cylinder had opened, though poor Henderson had sent a messenger on a bicycle to the post office with a special wire to an evening paper.	В Уокинге лишь немногие знали, что цилиндр открылся, хотя бедняга Г ендерсон отправил посыльного на велосипеде в почтовую контору со специальной телеграммой для вечерней газеты.

As these folks came out by twos and threes upon the open, they found little knots of people talking excitedly and peering at the spinning mirror over the sand pits, and the newcomers were, no doubt, soon infected by the excitement of the occasion.	Когда гуляющие по двое и по трое выходили на открытое место, то видели людей, возбужденно что-то говоривших и посматривающих на вращающееся над песчаным карьером зеркало; волнение их, без сомнения, передавалось и вновь пришедшим.

By half past eight, when the Deputation was destroyed, there may have been a crowd of three hundred people or more at this place, besides those who had left the road to approach the Martians nearer.	Около половины девятого, незадолго до гибели делегации, близ ямы собралась толпа человек в триста, если пс больше, не считая тех, которые свернули с дороги, чтобы подойти поближе к марсианам.
There were three policemen too, one of whom was mounted, doing their best, under instructions from Stent, to keep the people back and deter them from approaching the cylinder.	Среди них находились три полисмена, причем один конный; они старались, согласно инструкциям Стэнта, осадить толпу и не подпускать ее к цилиндру.

There was some booing from those more thoughtless and excitable souls to whom a crowd is always an occasion for noise and horse-play.	Не обошлось, конечно, без протеста со стороны горячих голов, для которых всякое сборище является поводом пошуметь и побалагурить.
Stent and Ogilvy, anticipating some possibilities of a collision, had telegraphed from Horsell to the barracks as soon as the Martians emerged, for the help of a company of soldiers to protect these strange creatures from violence.	Как только марсиане показались из своего цилиндра, Стэнт и Оджилви, предупреждая возможность столкновения, телеграфировали из Хорселла в казармы с просьбой прислать роту солдат для того, чтобы оградить эти странные существа от насилия.

After that they returned to lead that ill-fated advance.	После этого они вернулись во главе злополучной делегации.
The description of their death, as it was seen by the crowd, tallies very closely with my own impressions: the three puffs of green smoke, the deep humming note, and the flashes of flame.	Находившиеся в толпе люди впоследствии описывали их смерть - они видели то же, что и я: три клуба зеленого дыма, глухое гудение и вспышки пламени.
But that crowd of people had a far narrower escape than mine.	Однако толпе зрителей грозила большая опасность, чем мне.

Only the fact that a hummock of heathery sand intercepted the lower part of the Heat-Ray saved them.	Их спас только песчаный, поросший вереском холм, задержавший часть тепловых лучей.
Had the elevation of the parabolic mirror been a few yards higher, none could have lived to tell the tale.	Если бы параболическое зеркало было поднято на несколько ярдов выше, не осталось бы ни одного живого свидетеля.
They saw the flashes and the men falling and an invisible hand, as it were, lit the bushes as it hurried towards them through the twilight.	Они видели, как вспыхивал огонь, как падали люди, как невидимая рука, зажигавшая кустарники, быстро приближалась к ним в сумерках.

Then, with a whistling note that rose above the droning of the pit, the beam swung close over their heads, lighting the tops of the beech trees that line the road, and splitting the bricks, smashing the windows, firing the window frames, and bringing down in crumbling ruin a portion of the gable of the house nearest the corner.	Потом со свистом, заглушившим гул из ямы, луч сверкнул над их головами; вспыхнули вершины буков, окаймлявших дорогу; в доме, ближайшем к пустоши, треснули кирпичи, разлетелись стекла, занялись оконные рамы и обрушилась часть крыши.
In the sudden thud, hiss, and glare of the igniting trees, the panic-stricken crowd seems to have swayed hesitatingly for some moments.	Когда затрещали и загудели пылающие деревья, охваченная паникой толпа несколько секунд нерешительно топталась на месте.

Sparks and burning twigs began to fall into the road, and single leaves like puffs of flame.	Искры и горящие сучья падали на дорогу, кружились огненные листья.
Hats and dresses caught fire.	Загорались шляпы и платья.
Then came a crying from the common.	С пустоши послышался пронзительный крик.
There were shrieks and shouts, and suddenly a mounted policeman came galloping through the confusion with his hands clasped over his head, screaming.	Крики и вопли сливались в оглушительный гул. Конный полисмен, схватившись руками за голову, проскакал среди взбудораженной толпы, громко крича.

"They're coming!" a woman shrieked, and incontinently everyone was turning and pushing at those behind, in order to clear their way to Woking again. They must have bolted as blindly as a flock of sheep.	- Они идут! - крикнул женский голос, и, нажимая на стоявших позади, люди стали прокладывать себе дорогу к Уокингу, Толпа разбегалась вслепую, как стадо баранов.
Where the road grows narrow and black between the high banks the crowd jammed, and a desperate struggle occurred.	Там, где дорога становилась уже и темнее, между высокими насыпями, произошла отчаянная давка.

All that crowd did not escape; three persons at least, two women and a little boy, were crushed and trampled there, and left to die amid the terror and the darkness. CHAPTER SEVEN HOW I REACHED HOME	Не обошлось без жертв: трое - две женщины и один мальчик - были раздавлены и затоптаны; их оставили умирать среди ужаса и мрака. 7. Как я добрался до дому
For my own part, I remember nothing of my flight except the stress of blundering against trees and stumbling through the heather.	Что касается меня, то я помню только, что натыкался на деревья и то и дело падал, пробираясь сквозь кустарник.

All about me gathered the invisible terrors of the Martians; that pitiless sword of heat seemed whirling to and fro, flourishing overhead before it descended and smote me out of life.	Надо мною навис невидимый ужас; безжалостный тепловой меч марсиан, казалось, замахивался, сверкая над моей головой, и вот-вот должен был обрушиться и поразить меня.

I came into the road between the crossroads and Horsell, and ran along this to the crossroads.	Я выбрался на дорогу между перекрестком и Хорселлом и побежал к перекрестку.

At last I could go no further; I was exhausted with the violence of my emotion and of my flight, and I staggered and fell by the wayside. That was near the bridge that crosses the canal by the gasworks.	В конце концов я изнемог от волнения и быстрого бега, пошатнулся и упал у дороги, невдалеке от моста через канал у газового завода.
I fell and lay still.	Я лежал неподвижно.
I must have remained there some time.	Пролежал я так, должно быть, довольно долго.
I sat up, strangely perplexed.	Я приподнялся и сел в полном недоумении.
For a moment, perhaps, I could not clearly understand how I came there.	С минуту я не мог понять, как я сюда попал.

My terror had fallen from me like a garment.	Я стряхнул с себя недавний ужас, точно одежду.
My hat had gone, and my collar had burst away from its fastener.	Шляпа моя исчезла, и воротничок соскочил с запонки.
A few minutes before, there had only been three real things before me--the immensity of the night and space and nature, my own feebleness and anguish, and the near approach of death.	Несколько минут назад передо мной были только необъятная ночь, пространство и природа, моя беспомощность, страх и близость смерти.
Now it was as if something turned over, and the point of view altered abruptly.	И теперь все сразу переменилось, и мое настроение было совсем другим.

There was no sensible transition from one state of mind to the other.	Переход от одного душевного состояния к другому совершился незаметно.
I was immediately the self of every day again- -a decent, ordinary citizen.	Я стал снова самим собой, таким, каким я бывал каждый день, - обыкновенным скромным горожанином.
The silent common, the impulse of my flight, the starting flames, were as if they had been in a dream.	Безмолвная пустошь, мое бегство, летучее пламя -все казалось мне сном.
I asked myself had these latter things indeed happened?	Я спрашивал себя: было ли это на самом деле?
I could not credit it.	Мне просто не верилось, что это произошло наяву.

I rose and walked unsteadily up the steep incline of the bridge.	Я встал и пошел по крутому подъему моста.
My mind was blank wonder.	Голова плохо работала.
My muscles and nerves seemed drained of their strength. I dare say I staggered drunkenly.	Мускулы и нервы расслабли... Я пошатывался, как пьяный.
A head rose over the arch, and the figure of a workman carrying a basket appeared.	С другой стороны изогнутого аркой моста показалась чья-то голова, и появился рабочий с корзиной.
Beside him ran a little boy.	Рядом с ним шагал маленький мальчик.

He passed me, wishing me good night.	Рабочий прошел мимо, пожелав мне доброй ночи.
I was minded to speak to him, but did not.	Я хотел заговорить с ним и не мог.

I answered his greeting with a meaningless mumble and went on over the bridge.	Я только ответил на его приветствие каким-то бессвязным бормотанием и пошел дальше по мосту.
Over the Maybury arch a train, a billowing tumult of white, firelit smoke, and a long caterpillar of lighted windows, went flying south-- clatter, clatter, clap, rap, and it had gone.	На повороте к Мэйбэри поезд - волнистая лента белого искрящегося дыма и длинная вереница светлых окон - пронесся к югу: тук-тук... тук-тук... и исчез.

A dim group of people talked in the gate of one of the houses in the pretty little row of gables that was called Oriental Terrace.	Еле различимая в темноте группа людей разговаривала у ворот одного из домов, составлявших так называемую "Восточную террасу".
It was all so real and so familiar.	Все это было так реально, так знакомо!
And that behind me!	А то - там, в поле?..
It was frantic, fantastic!	Невероятно, фантастично!
Such things, I told myself, could not be.	"Нет, - подумал я, - этого не могло быть".

Perhaps I am a man of exceptional moods. I do not know how far my experience is common.	Наверное, я человек особого склада и мои ощущения не совсем обычны.
At times I suffer from the strangest sense of detachment from myself and the world about me; I seem to watch it all from the outside, from somewhere inconceivably remote, out of time, out of space, out of the stress and tragedy of it all.	Иногда я страдаю от странного чувства отчужденности от самого себя и от окружающего мира. Я как бы извне наблюдаю за всем, откуда-то издалека, вне времени, вне пространства, вне житейской борьбы с ее трагедиями.
This feeling was very strong upon me that night.	Такое ощущение было очень сильно у меня в ту ночь.

Here was another side to my dream.	Все это, быть может, мне просто почудилось.
But the trouble was the blank incongruity of this serenity and the swift death flying yonder, not two miles away.	Здесь такая безмятежность, а там, за каких-нибудь две мили, стремительная, летучая смерть.
There was a noise of business from the gasworks, and the electric lamps were all alight.	Газовый завод шумно работал, и электрические фонари ярко горели.
I stopped at the group of people.	Я остановился подле разговаривающих.
"What news from the common?" said I.	- Какие новости с пустоши? - опросил я.

There were two men and a woman at the gate.	У ворот стояли двое мужчин и женщина.
"Eh?" said one of the men, turning.	- Что? - переспросил один из мужчин, оборачиваясь.
"What news from the common?" I said.	- Какие новости с пустоши? - спросил я.
"'Ain't yer just been there?" asked the men.	- Разве вы сами там не были? - спросили они.
"People seem fair silly about the common," said the woman over the gate. "What's it all abart?"	- Люди, кажется, прямо помешались на этой пустоши, - сказала женщина из-за ворот. - Что они там нашли?

"Haven't you heard of the men from Mars?" said I; "the creatures from Mars?"	- Разве вы не слышали о людях с Марса? - сказал я. - О живых существах с Марса?

"Quite enough," said the woman over the gate. "Thenks"; and all three of them laughed.	- Сыты по горло, - ответила женщина из-за ворот. - Спасибо. - И все трое засмеялись.
I felt foolish and angry.	Я оказался в глупом положении.
I tried and found I could not tell them what I had seen.	Раздосадованный, я попытался рассказать им о том, что видел, но у меня ничего не вышло.
They laughed again at my broken sentences.	Они только смеялись над моими сбивчивыми фразами.

"You'll hear more yet," I said, and went on to my home.	- Вы еще услышите об этом! - крикнул я и пошел домой.
I startled my wife at the doorway, so haggard was I.	Я испугал жену своим измученным видом.
I went into the dining room, sat down, drank some wine, and so soon as I could collect myself sufficiently I told her the things I had seen.	Прошел в столовую, сел, выпил немного вина и, собравшись с мыслями, рассказал ей обо всем, что произошло.
The dinner, which was a cold one, had already been served, and remained neglected on the table while I told my story.	Подали обед - уже остывший, - но нам было не до еды.

"There is one thing," I said, to allay the fears I had aroused; "they are the most sluggish things I ever saw crawl.	- Только одно хорошо, - заметил я, чтобы успокоить встревоженную жену. - Это самые неповоротливые существа из всех, какие мне приходилось видеть.
They may keep the pit and kill people who come near them, but they cannot get out of it. . . . But the horror of them!"	Они могут ползать в яме и убивать людей, которые подойдут к ним близко, но они не сумеют оттуда вылезти... Как они ужасны!..
"Don't, dear!" said my wife, knitting her brows and putting her hand on mine.	- Не говори об этом, дорогой! - воскликнула жена, хмуря брови и кладя свою руку на мою.
"Poor Ogilvy!" I said. "To think he may be lying dead there!"	- Бедный Оджилви! - сказал я. - Подумать только, что он лежит там мертвый!

My wife at least did not find my experience incredible.	По крайней мере, жена мне поверила.
When I saw how deadly white her face was, I ceased abruptly.	Я заметил, что лицо у нее стало смертельно бледным, и перестал говорить об этом.
"They may come here," she said again and again.	- Они могут прийти сюда, - повторяла она.
I pressed her to take wine, and tried to reassure her.	Я настоял, чтобы она выпила вина, и постарался разубедить ее.
"They can scarcely move," I said.	- Они еле-еле могут двигаться, - сказал я.

I began to comfort her and myself by repeating all that Ogilvy had told me of the impossibility of the Martians establishing themselves on the earth.	Я стал успокаивать и ее и себя, повторяя все то, что говорил мне Оджилви о невозможности для марсиан приспособиться к земным условиям.
In particular I laid stress on the gravitational difficulty.	Особенно я напирал на затруднения, вызываемые силой тяготения.
On the surface of the earth the force of gravity is three times what it is on the surface of Mars.	На поверхности Земли сила тяготения втрое больше, чем на поверхности Марса.

A Martian, therefore, would weigh three times more than on Mars, albeit his muscular strength would be the same.	Всякий марсианин поэтому будет весить на Земле в три раза больше, чем на Марсе, между тем как его мускульная сила не увеличится.
His own body would be a cope of lead to him.	Его тело точно нальется свинцом.
That, indeed, was the general opinion.	Таково было общее мнение.
Both The Times and the Daily Telegraph, for instance, insisted on it the next morning, and both overlooked, just as I did, two obvious modifying influences.	И "Таймс" и "Дейли телеграф" писали об этом на следующее утро, и обе газеты, как и я, упустили из виду два существенных обстоятельства.

The atmosphere of the earth, we now know, contains far more oxygen or far less argon (whichever way one likes to put it) than does Mars.	Атмосфера Земли, как известно, содержит гораздо больше кислорода и гораздо меньше аргона, чем атмосфера Марса.
The invigorating influences of this excess of oxygen upon the Martians indisputably did much to counterbalance the increased weight of their bodies.	Живительное действие этого избытка кислорода на марсиан явилось, бесспорно, сильным противовесом увеличившейся тяжести их тела.

And, in the second place, we all overlooked the fact that such mechanical intelligence as the Martian possessed was quite able to dispense with muscular exertion at a pinch.	К тому же мы упустили из виду, что при своей высокоразвитой технике марсиане смогут в крайнем случае обойтись и без физических усилий.
But I did not consider these points at the time, and so my reasoning was dead against the chances of the invaders.	В тот вечер я об этом не думал, и потому мои доводы против мощи пришельцев казались неоспоримыми.

With wine and food, the confidence of my own table, and the necessity of reassuring my wife, I grew by insensible degrees courageous and secure.	Под влиянием вина и еды, чувствуя себя в безопасности за своим столом и стараясь успокоить жену, я и сам понемногу осмелел.
"They have done a foolish thing," said I, fingering my wineglass. "They are dangerous because, no doubt, they are mad with terror.	- Они сделали большую глупость, - сказал я, прихлебывая вино. - Они опасны, потому что, наверное, обезумели от страха.
Perhaps they expected to find no living things--certainly no intelligent living things."	Может быть, они совсем не ожидали встретить живых существ, особенно разумных живых существ.

"A shell in the pit" said I, "if the worst comes to the worst will kill them all."	В крайнем случае один хороший снаряд по яме, и все будет кончено, - прибавил я.
The intense excitement of the events had no doubt left my perceptive powers in a state of erethism.	Сильное возбуждение - результат пережитых волнений - очевидно, обострило мои чувства.
I remember that dinner table with extraordinary vividness even now.	Я и теперь необыкновенно ясно помню этот обед.

My dear wife's sweet anxious face peering at me from under the pink lamp shade, the white cloth with its silver and glass table furniture-- for in those days even philosophical writers had many little luxuries--the crimson-purple wine in my glass, are photographically distinct.	Милое, встревоженное лицо жены, смотрящей на меня из-под розового абажура, белая скатерть, серебро и хрусталь (в те дни даже писатели-философы могли позволить себе некоторую роскошь), темно-красное вино в стакане - все это запечатлелось у меня в памяти.
At the end of it I sat, tempering nuts with a cigarette, regretting Ogilvy's rashness, and denouncing the shortsighted timidity of the Martians.	Я сидел за столом, покуривая папиросу для успокоения нервов, сожалел о необдуманном поступке Оджилви и доказывал, что марсиан нечего бояться.

So some respectable dodo in the Mauritius might have lorded it in his nest, and discussed the arrival of that shipful of pitiless sailors in want of animal food.	Точно так же какая-нибудь солидная птица на острове св. Маврикия, чувствуя себя полным хозяином своего гнезда, могла бы обсуждать прибытие безжалостных изголодавшихся моряков.
"We will peck them to death tomorrow, my dear."	- Завтра мы с ними разделаемся, дорогая!
I did not know it, but that was the last civilised dinner I was to eat for very many strange and terrible days. CHAPTER EIGHT FRIDAY NIGHT	Я не знал тогда, что за этим последним моим обедом в культурной обстановке последуют ужасные, необычайные события. 8. В пятницу вечером

The most extraordinary thing to my mind, of all the strange and wonderful things that happened upon that Friday, was the dovetailing of the commonplace habits of our social order with the first beginnings of the series of events that was to topple that social order headlong.	Самым невероятным из всего того странного и поразительного, что произошло в ту пятницу, кажется мне полное несоответствие между неизменностью нашего общественного уклада и началом той цепи событий, которая должна была в корне перевернуть его.

If on Friday night you had taken a pair of compasses and drawn a circle with a radius of five miles round the Woking sand pits, I doubt if you would have had one human being outside it, unless it were some relation of Stent or of the three or four cyclists or London people lying dead on the common, whose emotions or habits were at all affected by the new-comers.	Если бы в пятницу вечером взять циркуль и очертить круг радиусом в пять миль вокруг песчаного карьера возле Уокинга, то я сомневаюсь, оказался ли бы хоть один человек за его пределами (кроме разве родственников Стэнта и родственников велосипедистов и лондонцев, лежавших мертвыми на пустоши), чье настроение и привычки были бы нарушены пришельцами.

Many people had heard of the cylinder, of course, and talked about it in their leisure, but it certainly did not make the sensation that an ultimatum to Germany would have done.	Разумеется, многие слышали о цилиндре и рассуждали о нем на досуге, но он не произвел такой сенсации, какую произвел бы, скажем, ультиматум, предъявленный Германии.
In London that night poor Henderson's telegram describing the gradual unscrewing of the shot was judged to be a canard, and his evening paper, after wiring for authentication from him and receiving no reply--the man was killed--decided not to print a special edition.	Полученная в Лондоне телеграмма бедняги Гендерсона о развинчивают цилиндра была принята за утку; вечерняя газета послала ему телеграмму с просьбой прислать подтверждение и, не получив ответа - Гендерсона уже не было в живых, - решила не печатать экстренного выпуска.

Even within the five-mile circle the great majority of people were inert.	Внутри круга радиусом в пять миль большинство населения ровно ничего не предпринимало.
I have already described the behaviour of the men and women to whom I spoke.	Я уже описывал, как вели себя мужчины и женщины, с которыми мне пришлось говорить.
All over the district people were dining and supping; working men were gardening after the labours of the day, children were being put to bed, young people were wandering through the lanes love-making, students sat over their books.	По всему округу мирно обедали и ужинали, рабочие после трудового дня возились в своих садиках, укладывали детей спать, молодежь парочками гуляла в укромных аллеях, учащиеся сидели за своими книгами.

Maybe there was a murmur in the village streets, a novel and dominant topic in the public-houses, and here and there a messenger, or even an eye-witness of the later occurrences, caused a whirl of excitement, a shouting, and a running to and fro; but for the most part the daily routine of working, eating, drinking, sleeping, went on as it had done for countless years-- as though no planet Mars existed in the sky.	Может быть, о случившемся поговаривали на улицах и судачили в пивных; какой-нибудь вестник или очевидец только что происшедших событий вызывал кое-где волнение, беготню и крик, но у большинства людей жизнь шла по заведенному с незапамятных лет порядку: работа, еда, питье, сон - все, как обычно, точно в небе и не было никакого Марса.

Even at Woking station and Horsell and Chobham that was the case.	Даже на станции Уокинг, в Хорселле, в Чобхеме ничто не изменилось.
In Woking junction, until a late hour, trains were stopping and going on, others were shunting on the sidings, passengers were alighting and waiting, and everything was proceeding in the most ordinary way.	На узловой станции в Уокинге до поздней ночи поезда останавливались и отправлялись или переводились на запасные пути; пассажиры выходили из вагонов или ожидали поезда - все шло своим чередом.
A boy from the town, trenching on Smith's monopoly, was selling papers with the afternoon's news.	Мальчишка из города, нарушая монополию местного газетчика Смита , продавал вечернюю газету.

The ringing impact of trucks, the sharp whistle of the engines from the junction, mingled with their shouts of "Men from Mars!"	Громыхание товарных составов, резкие свистки паровозов заглушали его выкрики о "людях с Марса".
Excited men came into the station about nine o'clock with incredible tidings, and caused no more disturbance than drunkards might have done.	Около девяти часов на станцию стали прибывать взволнованные очевидцы с сенсационными известиями, но они произвели не больше впечатления, чем пьяные, болтающие всякий вздор.

People rattling Londonwards peered into the darkness outside the carriage windows, and saw only a rare, flickering, vanishing spark dance up from the direction of Horsell, a red glow and a thin veil of smoke driving across the stars, and thought that nothing more serious than a heath fire was happening.	Пассажиры, мчавшиеся к Лондону, смотрели в темноту из окон вагонов, видели редкие взлетающие искры около Хорселла, красный отблеск и тонкую пелену дыма, застилавшую звезды, и думали, что ничего особенного не случилось, что это горит вереск.
It was only round the edge of the common that any disturbance was perceptible.	Только на краю пустоши заметно было некоторое смятение.

There were half a dozen villas burning on the Woking border.	На окраине Уокинга горело несколько домов.
There were lights in all the houses on the common side of the three villages, and the people there kept awake till dawn.	В окнах трех прилегающих к пустоши селений светились огни, и жители не ложились до рассвета.
A curious crowd lingered restlessly, people coming and going but the crowd remaining, both on the Chobham and Horsell bridges.	На Чобхемском и Хорселлском мостах все еще толпились любопытные.

One or two adventurous souls, it was afterwards found, went into the darkness and crawled quite near the Martians; but they never returned, for now and again a light-ray, like the beam of a warship's searchlight swept the common, and the Heat-Ray was ready to follow.	Один или двое смельчаков, как потом выяснилось, отважились в темноте подползти совсем близко к марсианам. Назад они не вернулись, ибо световой луч, вроде прожектора военного корабля, время от времени скользил по пустоши, а за ним следовал тепловой луч.

Save for such, that big area of common was silent and desolate, and the charred bodies lay about on it all night under the stars, and all the next day.	Обширная пустошь была тиха и пустынна, и обугленные тела лежали неубранными всю ночь под звездным небом и весь следующий день.
A noise of hammering from the pit was heard by many people.	Из ямы слышался металлический стук.
So you have the state of things on Friday night.	Таково было положение в пятницу вечером.
In the centre, sticking into the skin of our old planet Earth like a poisoned dart, was this cylinder.	В кожный покров нашей старой планеты Земли отравленной стрелой вонзился цилиндр.

But the poison was scarcely working yet.	Но яд только еще начинал оказывать свое действие.
Around it was a patch of silent common, smouldering in places, and with a few dark, dimly seen objects lying in contorted attitudes here and there. Here and there was a burning bush or tree.	Кругом расстилалась пустошь, а черные, скорченные трупы, разбросанные на ней, были едва заметны; кое-где тлел вереск и кустарник.
Beyond was a fringe of excitement, and farther than that fringe the inflammation had not crept as yet.	Дальше простиралась узкая зона, где царило смятение, и за эту черту пожар еще не распространился.

In the rest of the world the stream of life still flowed as it had flowed for immemorial years.	В остальном мире поток жизни катился так же, как он катился с незапамятных времен.
The fever of war that would presently clog vein and artery, deaden nerve and destroy brain, had still to develop.	Лихорадка войны, которая должна была закупорить его вены и артерии, умертвить нервы и разрушить мозг, только начиналась.

All night long the Martians were hammering and stirring, sleepless, indefatigable, at work upon the machines they were making ready, and ever and again a puff of greenish-white smoke whirled up to the starlit sky.	Всю ночь марсиане неутомимо работали, стучали какими-то инструментами, приводя в готовность свои машины; иногда вспышки зеленовато-белого дыма, извиваясь, поднимались к звездному небу.
About eleven a company of soldiers came through Horsell, and deployed along the edge of the common to form a cordon.	К одиннадцати часам через Хорселл прошла рота солдат и оцепила пустошь.

Later a second company marched through Chobham to deploy on the north side of the common. Several officers from the Inkerman barracks had been on the common earlier in the day, and one, Major Eden, was reported to be missing.	Позднее через Чобхем прошла вторая рота и оцепила пустошь с северной стороны, Несколько офицеров из Инкерманских казарм уже раньше побывали на пустоши, и один из них, майор Иден, пропал без вести.
The colonel of the regiment came to the Chobham bridge and was busy questioning the crowd at midnight.	В полночь командир полка появился у Чобхемского моста и стал расспрашивать толпу.

The military authorities were certainly alive to the seriousness of the business.	Военные власти, очевидно, поняли серьезность положения.
About eleven, the next morning's papers were able to say, a squadron of hussars, two Maxims, and about four hundred men of the Cardigan regiment started from Aldershot.	К одиннадцати утра, как на следующий день сообщили газеты, эскадрон гусар и около четырехсот солдат Кардиганского полка с двумя пулеметами "максим" выступили из Олдершота.
A few seconds after midnight the crowd in the Chertsey road, Woking, saw a star fall from heaven into the pine woods to the northwest.	Через несколько секунд после полуночи толпа на дороге в Чертси близ Уокинга увидела метеорит, упавший в сосновый лес на северо-западе.

It had a greenish colour, and caused a silent brightness like summer lightning.	Он падал, сверкая зеленоватым светом, подобно летней молнии.
This was the second cylinder. CHAPTER NINE THE FIGHTING BEGINS	Это был второй цилиндр. 9. Сражение начинается
Saturday lives in my memory as a day of suspense.	Суббота, насколько мне помнится, прошла тревожно.
It was a day of lassitude too, hot and close, with, I am told, a rapidly fluctuating barometer.	Это был томительный день, жаркий и душный; барометр, как мне сказали, то быстро падал, то поднимался.
I had slept but little, though my wife had succeeded in sleeping, and I rose early.	Я почти не спал - жене удалось заснуть - и встал рано.

I went into my garden before breakfast and stood listening, but towards the common there was nothing stirring but a lark.	Перед завтраком я вышел в сад и постоял там, прислушиваясь: со стороны пустоши слышалась только трель жаворонков.
The milkman came as usual.	Молочник явился как обыкновенно.
I heard the rattle of his chariot and I went round to the side gate to ask the latest news.	Я услыхал скрип его тележки и подошел к калитке узнать последние новости.
He told me that during the night the Martians had been surrounded by troops, and that guns were expected.	Он рассказал мне, что ночью марсиан окружили войска и что ожидают артиллерию.

Then--a familiar, reassuring note--I heard a train running towards Woking.	Вслед за этим послышался знакомый успокоительный грохот поезда, несущегося в Уокинг.
"They aren't to be killed," said the milkman, "if that can possibly be avoided."	- Убивать их не станут, - сказал молочник, - если только можно будет обойтись без этого.
I saw my neighbour gardening, chatted with him for a time, and then strolled in to breakfast.	Я увидел своего соседа за работой в саду, поболтал с ним немного и отправился завтракать.
It was a most unexceptional morning.	Утро было самое обычное.

My neighbour was of opinion that the troops would be able to capture or to destroy the Martians during the day.	Мой сосед был уверен, что войска захватят в плен или уничтожат марсиан в тот же день.
"It's a pity they make themselves so unapproachable," he said. "It would be curious to know how they live on another planet; we might learn a thing or two."	- Жаль, что они так неприступны, - заметил он. -Было бы интересно узнать, как они живут на своей планете.
He came up to the fence and extended a handful of strawberries, for his gardening was as generous as it was enthusiastic.	Мы могли бы кое-чему научиться. Он подошел к забору и протянул мне горсть клубники - он был ревностным и щедрым садоводом.

At the same time he told me of the burning of the pine woods about the Byfleet Golf Links.	При этом он сообщил мне о лесном пожаре около Байфлитского поля для гольфа.
"They say," said he, "that there's another of those blessed things fallen there--number two.	- Говорят, там упала другая такая же штука, номер второй.

But one's enough, surely. This lot'll cost the insurance people a pretty penny before everything's settled." He laughed with an air of the greatest good humour as he said this. The woods, he said, were still burning, and pointed out a haze of smoke to me. "They will be hot under foot for days, on account of the thick soil of pine needles and turf," he said, and then grew serious over "poor Ogilvy."	Право, с нас довольно и первой, страховым обществам это обойдется не дешево, - сказал он и добродушно засмеялся. - Леса все еще горят. - И он указал на пелену дыма. - Торф и хвоя будут тлеть несколько дней, - добавил он и, вздохнув, заговорил о "бедняге Оджилви".
After breakfast, instead of working, I decided to walk down towards the common.	После завтрака, вместо того чтобы сесть за работу, я решил пойти к пустоши.

Under the railway bridge I found a group of soldiers--sappers, I think, men in small round caps, dirty red jackets unbuttoned, and showing their blue shirts, dark trousers, and boots coming to the calf.	У железнодорожного моста я увидел группу солдат - это были, кажется, саперы - в маленьких круглых шапочках, грязных красных расстегнутых мундирах, из-под которых виднелись голубые рубашки, в черных штанах и в сапогах до колен.
They told me no one was allowed over the canal, and, looking along the road towards the bridge, I saw one of the Cardigan men standing sentinel there.	Они сообщили мне, что за канал никого по пропускают. Взглянув на дорогу к мосту, я увидел часового, солдата Кардиганского полка.

I talked with these soldiers for a time; I told them of my sight of the Martians on the previous evening.	Я заговорил с солдатами, рассказал им о виденных мной вчера марсианах.
None of them had seen the Martians, and they had but the vaguest ideas of them, so that they plied me with questions.	Солдаты еще не видели их, очень смутно их себе представляли и закидали меня вопросами.
They said that they did not know who had authorised the movements of the troops; their idea was that a dispute had arisen at the Horse Guards.	Сказали, что не знают, кто распорядился двинуть войска; они думали, что произошли какие-то волнения в Конной гвардии.

The ordinary sapper is a great deal better educated than the common soldier, and they discussed the peculiar conditions of the possible fight with some acuteness.	Саперы, более образованные, чем простые солдаты, со знанием дела обсуждали необычные условия возможного боя.
I described the Heat-Ray to them, and they began to argue among themselves.	Я рассказал им о тепловом луче, и они начали спорить между собой.
"Crawl up under cover and rush 'em, say I," said one.	- Подползти к ним под прикрытием и броситься в атаку, - сказал один.
"Get aht!" said another. "What's cover against this 'ere 'eat?	- Ну да! - ответил другой. - Чем же можно прикрыться от такого жара?

Sticks to cook yer!	Хворостом, что ли, чтобы получше зажариться?
What we got to do is to go as near as the ground'll let us, and then drive a trench."	Надо подойти к ним как можно ближе и вырыть укрытия.
"Blow yer trenches!	- К черту укрытия!
You always want trenches; you ought to ha' been born a rabbit Snippy."	Ты только и знаешь что укрытия. Тебе бы родиться кроликом, Снипи!
"Ain't they got any necks, then?" said a third, abruptly--a little, contemplative, dark man, smoking ap^{i}p^{e}.	- Так у них совсем, значит, нет шеи? - спросил вдруг третий - маленький, задумчивый, смуглый солдат с трубкой в зубах.
I repeated my description.	Я еще раз описал им марсиан.

"Octopuses," said he, "that's what I calls 'em. Talk about fishers of men--fighters of fish it is this time!"	- Вроде осьминогов, - сказал он. - Значит, с рыбами воевать будем.
"It ain't no murder killing beasts like that," said the first speaker.	- Убить таких чудовищ - это даже не грех, - сказал первый солдат.
"Why not shell the darned things strite off and finish 'em?" said the little dark man. "You carn tell what they might do."	- Пустить в них снаряд, да и прикончить разом, -предложил маленький смуглый солдат. - А то они еще что-нибудь натворят.
"Where's your shells?" said the first speaker. "There ain't no time.	-Где же твои снаряды?- возразил первый.-Ждать нельзя.

Do it in a rush, that's my tip, and do it at once."	По-моему, их надо атаковать, да поскорей.
So they discussed it.	Так разговаривали солдаты.
After a while I left them, and went on to the railway station to get as many morning papers as I could.	Вскоре я оставил их и пошел на станцию за утренними газетами.
But I will not weary the reader with a description of that long morning and of the longer afternoon.	Но я боюсь наскучить читателю описанием этого томительного утра и еще более томительного дня.

I did not succeed in getting a glimpse of the common, for even Horsell and Chobham church towers were in the hands of the military authorities.	Мне не удалось взглянуть на пустошь, потому что даже колокольни в Хорселле и Чобхеме находились в руках военных властей.
The soldiers I addressed didn't know anything; the officers were mysterious as well as busy.	Солдаты, к которым я обращался, сами ничего толком не знали.

I found people in the town quite secure again in the presence of the military, and I heard for the first time from Marshall, the tobacconist, that his son was among the dead on the common.	Офицеры были очень заняты и таинственно молчаливы. Жители чувствовали себя в полной безопасности под охраной войск. Маршалл, табачный торговец, сообщил мне, что его сын погиб около ямы.
The soldiers had made the people on the outskirts of Horsell lock up and leave their houses.	На окраинах Хорселла военное начальство велело жителям запереть и покинуть свои дома.

I got back to lunch about two, very tired for, as I have said, the day was extremely hot and dull; and in order to refresh myself I took a cold bath in the afternoon.	Я вернулся к обеду, около двух часов, крайне усталый, ибо день, как я уже сказал, был жаркий и душный; чтобы освежиться, я принял холодный душ.
About half past four I went up to the railway station to get an evening paper, for the morning papers had contained only a very inaccurate description of the killing of Stent, Henderson, Ogilvy, and the others.	В половине пятого я отправился на железнодорожную станцию за вечерней газетой, потому что в утренних газетах было только очень неточное описание гибели Стэнта, Г ендерсона, Оджилви и других.
But there was little I didn't know.	Однако и вечерние газеты не сообщили ничего нового.

The Martians did not show an inch of themselves.	Марсиане не показывались.
They seemed busy in their pit, and there was a sound of hammering and an almost continuous streamer of smoke.	Они, видимо, чем-то были заняты в своей яме, и оттуда по-прежнему слышался металлический стук и все время вырывались клубы дыма.
Apparently they were busy getting ready for a struggle.	Очевидно, они уже готовились к бою.

"Fresh attempts have been made to signal, but without success," was the stereotyped formula of the papers.	"Новые попытки установить контакт при помощи сигналов оказались безуспешными", -стереотипно сообщали газеты.

A sapper told me it was done by a man in a ditch with a flag on a long pole.	Один из саперов сказал мне, что кто-то, стоя в канаве, поднял флаг на длинной жерди.
The Martians took as much notice of such advances as we should of the lowing of a cow.	Но марсиане обратили на это не больше внимания, чем мы уделили бы мычанию коровы.
I must confess the sight of all this armament, all this preparation, greatly excited me.	Должен сознаться, что эти военные приготовления сильно взволновали меня.
My imagination became belligerent, and defeated the invaders in a dozen striking ways; something of my schoolboy dreams of battle and heroism came back.	Мое воображение разыгралось, и я придумывал всевозможные способы уничтожения непрошеных гостей; я, как школьник, мечтал о сражениях и воинских подвигах.

It hardly seemed a fair fight to me at that time.	Тогда мне казалось, что борьба с марсианами неравная.
They seemed very helpless in that pit of theirs.	Они так беспомощно барахтались в своей яме!
About three o'clock there began the thud of a gun at measured intervals from Chertsey or Addlestone. I learned that the smouldering pine wood into which the second cylinder had fallen was being shelled, in the hope of destroying that object before it opened.	Около трех часов со стороны Чертси или Аддлстона послышался гул - начался обстрел соснового леса, куда упал второй цилиндр, с целью разрушить его прежде, чем он раскроется.

It was only about five, however, that a field gun reached Chobham for use against the first body of Martians.	Но полевое орудие для обстрела первого цилиндра марсиан прибыло в Чобхем только к пяти часам.
About six in the evening, as I sat at tea with my wife in the summerhouse talking vigorously about the battle that was lowering upon us, I heard a muffled detonation from the common, and immediately after a gust of firing.	В шестом часу, когда мы с женой сидели за чаем, оживленно беседуя о завязавшемся сражении, послышался глухой взрыв со стороны пустоши, и вслед за тем блеснул огонь.

Close on the heels of that came a violent rattling crash, quite close to us, that shook the ground; and, starting out upon the lawn, I saw the tops of the trees about the Oriental College burst into smoky red flame, and the tower of the little church beside it slide down into ruin.	Через несколько секунд раздался грохот так близко от нас, что даже земля задрожала. Я выбежал в сад и, увидел, что вершины деревьев вокруг Восточного колледжа охвачены дымным красным пламенем, а колокольня стоявшей рядом небольшой церковки взваливается.
The pinnacle of the mosque had vanished, and the roof line of the college itself looked as if a hundred-ton gun had been at work upon it.	Башенка в стиле минарета исчезла, и крыша колледжа выглядела так, словно ее обстреляли из стотонного орудия.

One of our chimneys cracked as if a shot had hit it, flew, and a piece of it came clattering down the tiles and made a heap of broken red fragments upon the flower bed by my study window.	Труба на нашем доме треснула, как будто в нее попал снаряд. Рассыпаясь, обломки ее прокатились по черепице, и мгновенно появилась груда красных черепков на клумбе, под окном моего кабинета.
I and my wife stood amazed.	Мы с женой стояли ошеломленные и перепуганные.
Then I realised that the crest of Maybury Hill must be within range of the Martians' Heat-Ray now that the college was cleared out of the way.	Потом я сообразил, что поскольку колледж разрушен, то вершина Мэйбэри-Хилла оказалась в радиусе действия теплового луча марсиан.

At that I gripped my wife's arm, and without ceremony ran her out into the road.	Схватив жену за руку, я потащил ее на дорогу.
Then I fetched out the servant, telling her I would go upstairs myself for the box she was clamouring for.	Потом я вызвал из дому служанку; мне пришлось пообещать ей, что я сам схожу наверх за ее сундуком, который она ни за что не хотела бросить.
"We can't possibly stay here," I said; and as I spoke the firing reopened for a moment upon the common.	- Здесь оставаться нельзя, - сказал я. И тотчас же с пустоши снова послышался гул.
"But where are we to go?" said my wife in terror.	- Но куда же мы пойдем? - спросила жена с отчаянием.

I thought perplexed.	С минуту я ничего не мог придумать.
Then I remembered her cousins at Leatherhead.	Потом вспомнил о ее родных в Лезерхэде.
"Leatherhead!" I shouted above the sudden noise.	- Лезерхэд! - крикнул я сквозь гул.
She looked away from me downhill.	Она посмотрела на склон холма.
The people were coming out of their houses, astonished.	Испуганные люди выбегали из домов.
"How are we to get to Leatherhead?" she said.	- Как же нам добраться до Лезерхэда? - спросила она.

Down the hill I saw a bevy of hussars ride under the railway bridge; three galloped through the open gates of the Oriental College; two others dismounted, and began running from house to house.	У подножия холма я увидел отряд гусар, проезжавший под железнодорожным мостом. Трое из них въехали в открытые ворота Восточного колледжа; двое спешились и начали обходить соседние дома.
The sun, shining through the smoke that drove up from the tops of the trees, seemed blood red, and threw an unfamiliar lurid light upon everything.	Солнце, проглядывавшее сквозь дым от горящих деревьев, казалось кроваво-красным и отбрасывало зловещий свет на все кругом.

"Stop here," said I; "you are safe here"; and I started off at once for the Spotted Dog, for I knew the landlord had a horse and dog cart.	- Стойте здесь, - сказал я. - Вы тут в безопасности. Я побежал в трактир "Пятнистая собака", так как знал, что у хозяина есть лошадь и двухколесная пролетка.
I ran, for I perceived that in a moment everyone upon this side of the hill would be moving.	Я торопился, предвидя, что скоро начнется повальное бегство жителей с нашей стороны холма.
I found him in his bar, quite unaware of what was going on behind his house.	Хозяин трактира стоял у кассы; он и не подозревал, что творится вокруг.
A man stood with his back to me, talking to him.	Какой-то человек, стоя ко мне спиной, разговаривал с ним.

"I must have a pound," said the landlord, "and I've no one to drive it."	- Меньше фунта не возьму, - заявил трактирщик. -Да и везти некому.
"I'll give you two," said I, over the stranger's shoulder.	- Я даю два, - сказал я через плечо незнакомца.
"What for?"	- За что?
"And I'll bring it back by midnight," I said.	- И доставлю обратно к полуночи, - добавил я.

"Lord!" said the landlord; "what's the hurry? I'm selling my bit of a pig.	- Боже! - воскликнул трактирщик. - Какая спешка!
Two pounds, and you bring it back?	Два фунта и сами доставите обратно?

What's going on now?"	Что такое происходит?
I explained hastily that I had to leave my home, and so secured the dog cart.	Я торопливо объяснил, что вынужден уехать из дому, и нанял, таким образом, двуколку.
At the time it did not seem to me nearly so urgent that the landlord should leave his.	В то время мне не приходило в голову, что трактирщику самому надо бы покинуть свое жилье.

I took care to have the cart there and then, drove it off down the road, and, leaving it in charge of my wife and servant, rushed into my house and packed a few valuables, such plate as we had, and so forth.	Я сел в двуколку, подъехал к своему саду и, оставив ее под присмотром жены и служанки, вбежал в дом и уложил самые ценные вещи, столовое серебро и тому подобное.
The beech trees below the house were burning while I did this, and the palings up the road glowed red.	Буковые деревья перед домом разгорелись ярким пламенем, а решетка ограды накалилась докрасна.

While I was occupied in this way, one of the dismounted hussars came running up.	Один из спешившихся гусар подбежал к нам.
He was going from house to house, warning people to leave.	Он заходил в каждый дом и предупреждал жителей, чтобы они уходили.
He was going on as I came out of my front door, lugging my treasures, done up in a tablecloth.	Он уже побежал дальше, когда я вышел на крыльцо со своим скарбом, завязанным в скатерть.
I shouted after him: "What news?"	- Что нового? - крикнул я ему вдогонку.

He turned, stared, bawled something about "crawling out in a thing like a dish cover," and ran on to the gate of the house at the crest.	Он повернулся, поглядел на меня и крикнул, как мне послышалось: "Вылезают из ямы в каких-то штуках вроде суповой миски", - и побежал к дому на вершине холма.
A sudden whirl of black smoke driving across the road hid him for a moment.	Внезапно туча черного дыма заволокла дорогу и на минуту скрыла его.

I ran to my neighbour's door and rapped to satisfy myself of what I already knew, that his wife had gone to London with him and had locked up their house.	Я подбежал к дверям соседа и постучался, чтобы удостовериться, уехал ли он с женой в Лондон, как мне сказали, и запер ли квартиру.
I went in again, according to my promise, to get my servant's box, lugged it out, clapped it beside her on the tail of the dog cart, and then caught the reins and jumped up into the driver's seat beside my wife.	Потом снова вошел в дом, вспомнив о сундуке служанки, вытащил его, привязал к задку двуколки и, схватив вожжи, вскочил на козлы.

In another moment we were clear of the smoke and noise, and spanking down the opposite slope of Maybury Hill towards Old Woking.	Через минуту мы выехали из дыма, грохот был уже где-то позади нас; мы быстро спускались по противоположному склону Мэйбэри-Хилла к Старому Уокингу.
In front was a quiet sunny landscape, a wheat field ahead on either side of the road, and the Maybury Inn with its swinging sign.	Перед нами расстилался мирный пейзаж -освещенные солнцем поля пшеницы по обе стороны дороги и гостиница Мэйбэри с покачивающейся вывеской.
I saw the doctor's cart ahead of me.	Впереди нас ехал доктор в своем экипаже.

At the bottom of the hill I turned my head to look at the hillside I was leaving.	У подножия холма я оглянулся, чтобы посмотреть на холм, который я покидал.

Thick streamers of black smoke shot with threads of red fire were driving up into the still air, and throwing dark shadows upon the green treetops eastward.	Густые столбы черного дыма, прорезанные красными языками пламени, поднимались в неподвижном воздухе, отбрасывая черные тени на зеленые вершины деревьев.
The smoke already extended far away to the east and west--to the Byfleet pine woods eastward, and to Woking on the west.	Дым расстилался далеко на восток и на запад, до сосновых лесов Байфлита на востоке и до Уокинга на западе.
The road was dotted with people running towards us.	Дорога позади нас была усеяна беглецами.

And very faint now, but very distinct through the hot, quiet air, one heard the whirr of a machine-gun that was presently stilled, and an intermittent cracking of rifles.	Глухо, но отчетливо в знойном недвижном воздухе раздавался треск пулемета, потом он внезапно прекратился, и послышалась ружейная стрельба.
Apparently the Martians were setting fire to everything within range of their Heat-Ray.	Очевидно, марсиане поджигали все, что находилось в сфере действия их теплового луча.
I am not an expert driver, and I had immediately to turn my attention to the horse.	Я плохой кучер и потому все свое внимание сосредоточил на лошади.

When I looked back again the second hill had hidden the black smoke.	Когда я снова обернулся, второй холм был также затянут черным дымом.
I slashed the horse with the whip, and gave him a loose rein until Woking and Send lay between us and that quivering tumult.	Я пустил лошадь рысью и нахлестывал ее, пока Уокинг и Сэнд не отделили нас от этого смятения и ужаса.
I overtook and passed the doctor between Woking and Send. CHAPTER TEN IN THE STORM	Я обогнал доктора между Уокингом и Сэндом. 10. Гроза
Leatherhead is about twelve miles from Maybury Hill.	От Мэйбэри-Хилла до Лезерхэда почти двенадцать миль.

The scent of hay was in the air through the lush meadows beyond Pyrford, and the hedges on either side were sweet and gay with multitudes of dog-roses.	На пышных лугах за Пирфордом пахло сеном, по сторонам дороги тянулась чудесная живая изгородь из цветущего шиповника.
The heavy firing that had broken out while we were driving down Maybury Hill ceased as abruptly as it began, leaving the evening very peaceful and still.	Грохот орудии, который мы слышали, пока ехали по Мэйбэри-Хиллу, прекратился так же внезапно, как и начался, и вечер стал тих и спокоен.

We got to Leatherhead without misadventure about nine o'clock, and the horse had an hour's rest while I took supper with my cousins and commended my wife to their care.	К девяти часам мы благополучно добрались до Лезерхэда. Я дал лошади передохнуть с часок, поужинал у родных и передал жену на их попечение.
My wife was curiously silent throughout the drive, and seemed oppressed with forebodings of evil.	Жена почти всю дорогу как-то странно молчала и казалась подавленной, точно предчувствовала дурное.

I talked to her reassuringly, pointing out that the Martians were tied to the Pit by sheer heaviness, and at the utmost could but crawl a little out of it; but she answered only in monosyllables.	Я старался подбодрить ее, уверяя, что марсиане прикованы к яме собственной тяжестью и что вряд ли они смогут отползти далеко. Она отвечала односложно.
Had it not been for my promise to the innkeeper, she would, I think, have urged me to stay in Leatherhead that night.	Если бы не мое обещание трактирщику, она, наверно, уговорила бы меня остаться на ночь в Лезерхэде.

Would that I had!	Ах, если бы я остался!

Her face, I remember, was very white as we parted.	Она была очень бледна, когда мы прощались.

For my own part, I had been feverishly excited all day. Something very like the war fever that occasionally runs through a civilised community had got into my blood, and in my heart I was not so very sorry that I had to return to Maybury that night.	Я же весь день был лихорадочно возбужден: Что-то вроде той военной лихорадки, которая овладевает порой цивилизованным обществом, бродило в моей крови, и я был даже доволен, что мне нужно вернуться в Мэйбэри.

I was even afraid that that last fusillade I had heard might mean the extermination of our invaders from Mars.	Больше того - боялся, что прекращение стрельбы означает, что с захватчиками-марсианами покончено.
I can best express my state of mind by saying that I wanted to be in at the death.	Откровенно говоря, мне очень хотелось присутствовать при этом.
It was nearly eleven when I started to return.	Выехал я часов в одиннадцать.

The night was unexpectedly dark; to me, walking out of the lighted passage of my cousins' house, it seemed indeed black, and it was as hot and close as the day.	Ночь была очень темная. Когда я вышел из освещенной передней, тьма показалась мне непроглядной; было жарко и душно, как днем.
Overhead the clouds were driving fast, albeit not a breath stirred the shrubs about us.	По небу быстро проносились облака, хотя на кустах не шелохнулся ни один листок.
My cousins' man lit both lamps.	Слуга зажег оба фонаря.
Happily, I knew the road intimately.	К счастью, я хорошо знал дорогу.

My wife stood in the light of the doorway, and watched me until I jumped up into the dog cart.	Моя жена стояла в освещенной двери и смотрела, как я садился в двуколку.
Then abruptly she turned and went in, leaving my cousins side by side wishing me good hap.	Потом вдруг повернулась и ушла в дом; оставшиеся на крыльце родные пожелали мне счастливого пути.
I was a little depressed at first with the contagion of my wife's fears, but very soon my thoughts reverted to the Martians.	Испуг жены передался мне, но вскоре я снова стал думать о марсианах.

At that time I was absolutely in the dark as to the course of the evening's fighting.	Тогда я еще не знал никаких подробностей вечернего сражения.
I did not know even the circumstances that had precipitated the conflict.	Мне даже не было известно, что вызвало столкновение.

As I came through Ockham (for that was the way I returned, and not through Send and Old Woking) I saw along the western horizon a blood- red glow, which as I drew nearer, crept slowly up the sky.	Проезжая через Окхем (я поехал по этому пути, а не через Сэнд и Старый Уокинг), я увидел на западе кроваво-красное зарево, которое по мере моего приближения медленно ползло вверх по небу.
The driving clouds of the gathering thunderstorm mingled there with masses of black and red smoke.	Надвигавшиеся грозовые тучи смешивались с клубами черного и багрового дыма.

Ripley Street was deserted, and except for a lighted window or so the village showed not a sign of life; but I narrowly escaped an accident at the corner of the road to Pyrford, where a knot of people stood with their backs to me.	На Рипли-стрит не было ни души; селение словно вымерло, только в двух-трех окнах виднелся свет. У поворота дороги к Пирфорду я чуть не наехал на людей, стоявших ко мне спиной.
They said nothing to me as I passed.	Они ничего не сказали, когда я проезжал мимо.

I do not know what they knew of the things happening beyond the hill, nor do I know if the silent houses I passed on my way were sleeping securely, or deserted and empty, or harassed and watching against the terror of the night.	Не знаю, было ли им известно, что происходит за холмом. Не знаю также, царил ли мирный сои в тех безмолвных домах, мимо которых я проезжал, стояли ли они пустые и заброшенные или их обитатели с ужасом наблюдали за событиями этой ночи.
From Ripley until I came through Pyrford I was in the valley of the Wey, and the red glare was hidden from me.	От Рипли до Пирфорда я ехал долиной Уэй, где не было видно красного зарева.

As I ascended the little hill beyond Pyrford Church the glare came into view again, and the trees about me shivered with the first intimation of the storm that was upon me.	Но когда я поднялся на небольшой холм за пирфордской церковью, зарево снова появилось, и деревья зашумели под первым порывом надвигавшейся бури.
Then I heard midnight pealing out from Pyrford Church behind me, and then came the silhouette of Maybury Hill, with its tree-tops and roofs black and sharp against the red.	На пирфордской церкви пробито полночь, и впереди на багровом небе уже чернели крыши и деревья Мэйбэри-Хилла.

Even as I beheld this a lurid green glare lit the road about me and showed the distant woods towards Addlestone.	Вдруг зловещий зеленый свет озарил дорогу впереди и сосновый лес у Аддлстона.
I felt a tug at the reins.	Я почувствовал, что вожжи натянулись.
I saw that the driving clouds had been pierced as it were by a thread of green fire, suddenly lighting their confusion and falling into the field to my left.	Узкая полоска зеленого огня прорезала свинцовую тучу и упала налево, в поле.

It was the third falling star!	Третья падающая звезда!
Close on its apparition, and blindingly violet by contrast, danced out the first lightning of the gathering storm, and the thunder burst like a rocket overhead.	Вслед за ней сверкнула ослепительно-фиолетовая молния начинающейся грозы и, словно разорвавшаяся ракета, грянул гром.
The horse took the bit between his teeth and bolted.	Лошадь закусила удила и понесла.
A moderate incline runs towards the foot of Maybury Hill, and down this we clattered.	Я мчался вниз по отлогому склону к подножию Мэйбэри-Хилла.

Once the lightning had begun, it went on in as rapid a succession of flashes as I have ever seen.	Вспышки молнии следовали одна за другой почти непрерывно.
The thunderclaps, treading one on the heels of another and with a strange crackling accompaniment, sounded more like the working of a gigantic electric machine than the usual detonating reverberations.	Частые раскаты грома сопровождались каким-то странным потрескиванием, словно где-то работала гигантская электрическая машина.

The flickering light was blinding and confusing, and a thin hail smote gustily at my face as I drove down the slope.	Вспышки света ослепляли меня, и мелкий град больно бил прямо в лицо.
At first I regarded little but the road before me, and then abruptly my attention was arrested by something that was moving rapidly down the opposite slope of Maybury Hill.	Сначала я смотрел только на дорогу, потом мое внимание привлекло что-то двигавшееся очень быстро вниз по обращенному ко мне склону Мэйбэри-Хилла.

At first I took it for the wet roof of a house, but one flash following another showed it to be in swift rolling movement.	Сперва я принял это за мокрую крышу дома, но при блеске молний, сверкнувших одна за другой, разглядел что-то быстро двигавшееся по противоположному склону холма.
It was an elusive vision--a moment of bewildering darkness, and then, in a flash like daylight, the red masses of the Orphanage near the crest of the hill, the green tops of the pine trees, and this problematical object came out clear and sharp and bright.	Затем минутная непроглядная тьма - и внезапный нестерпимый блеск, превративший ночь в день; красное здание приюта на холме, зеленые вершины сосен и загадочный предмет показались отчетливо и ярко.
And this Thing I saw!	Но что я увидел!

How can I describe it?	Как мне это описать?
A monstrous tripod, higher than many houses, striding over the young pine trees, and smashing them aside in its career; a walking engine of glittering metal, striding now across the heather; articulate ropes of steel dangling from it, and the clattering tumult of its passage mingling with the riot of the thunder.	Громадный, выше домов, треножник, шагавший по молодой сосновой поросли и ломавший на своем пути сосны; машину из блестящего металла, топтавшую вереск; стальные, спускавшиеся с нее тросы; производимый ею грохот, сливавшийся с раскатами грома.

A flash, and it came out vividly, heeling over one way with two feet in the air, to vanish and reappear almost instantly as it seemed, with the next flash, a hundred yards nearer.	Блеснула молния, и треножник четко выступил из мрака; он стоял на одной ноге, две другие повисли в воздухе. Он исчезал и опять появлялся при новой вспышке молнии уже на сотню ярдов ближе.
Can you imagine a milking stool tilted and bowled violently along the ground?	Можете вы себе представить складной стул, который, покачиваясь, переступает по земле?
That was the impression those instant flashes gave.	Таково было это видение при мимолетных вспышках молнии.

But instead of a milking stool imagine it a great body of machinery on a tripod stand.	Но вместо стула представьте себе громадную машину, установленную на треножнике.
Then suddenly the trees in the pine wood ahead of me were parted, as brittle reeds are parted by a man thrusting through them; they were snapped off and driven headlong, and a second huge tripod appeared, rushing, as it seemed, headlong towards me.	Внезапно сосны впереди расступились, как расступается хрупкий тростник, когда через него прокладывает путь человек. Они ломались и падали, и через секунду показался другой громадный треножник, шагавший, казалось, прямо на меня.

And I was galloping hard to meet it!	А я мчался галопом навстречу ему!
At the sight of the second monster my nerve went altogether.	При виде второго чудовища мои нервы не выдержали.
Not stopping to look again, I wrenched the horse's head hard round to the right and in another moment the dog cart had heeled over upon the horse; the shafts smashed noisily, and I was flung sideways and fell heavily into a shallow pool of water.	Не решаясь взглянуть на него еще раз, я изо всей силы дернул правую вожжу. В ту же минуту двуколка опрокинулась, придавив лошадь, оглобли с треском переломились, я отлетел в сторону и тяжело шлепнулся в лужу.

I crawled out almost immediately, and crouched, my feet still in the water, under a clump of furze.	Я отполз и спрятался, скорчившись, за кустиками дрока.

The horse lay motionless (his neck was broken, poor brute!) and by the lightning flashes I saw the black bulk of the overturned dog cart and the silhouette of the wheel still spinning slowly.	Лошадь лежала без движения (бедное животное сломало шею). При блеске молнии я увидел черный кузов опрокинутой двуколки и силуэт продолжавшего медленно вращаться колеса.

In another moment the colossal mechanism went striding by me, and passed uphill towards Pyrford.	Еще секунда - и колоссальный механизм прошел мимо меня и стал подниматься к Пирфорду.
Seen nearer, the Thing was incredibly strange, for it was no mere insensate machine driving on its way.	Вблизи треножник показался мне еще более странным; очевидно, это была управляемая машина.
Machine it was, with a ringing metallic pace, and long, flexible, glittering tentacles (one of which gripped a young pine tree) swinging and rattling about its strange body.	Машина с металлическим звонким ходом, с длинными гибкими блестящими щупальцами (одно из них ухватилось за молодую сосну), которые свешивались вниз и гремели, ударяясь о корпус.

It picked its road as it went striding along, and the brazen hood that surmounted it moved to and fro with the inevitable suggestion of a head looking about.	Треножник, видимо, выбирал дорогу, и медная крышка вверху поворачивалась в разные стороны, напоминая голову.
Behind the main body was a huge mass of white metal like a gigantic fisherman's basket, and puffs of green smoke squirted out from the joints of the limbs as the monster swept by me.	К остову машины сзади было прикреплено гигантское плетение из какого-то белого металла, похожее на огромную рыбачью корзину; из суставов чудовища вырывались клубы зеленого дыма.
And in an instant it was gone.	Через несколько мгновений оно уже скрылось.

So much I saw then, all vaguely for the flickering of the lightning, in blinding highlights and dense black shadows.	Вот что увидел я очень смутно при свете молнии, среди ослепительных вспышек и черного мрака.
As it passed it set up an exultant deafening howl that drowned the thunder--"Aloo! Aloo!"--and in another minute it was with its companion, half a mile away, stooping over something in the field.	Проходя мимо, треножник издал торжествующий ров, заглушивший раскаты грома: "Элу... элу..." -и через минуту присоединился к другому треножнику за полмили дальше, наклонившемуся над чем-то в поле.
I have no doubt this Thing in the field was the third of the ten cylinders they had fired at us from Mars.	Я не сомневаюсь, что там лежал третий из десяти цилиндров, которые были пущены к нам с Марса.

For some minutes I lay there in the rain and darkness watching, by the intermittent light, these monstrous beings of metal moving about in the distance over the hedge tops.	Несколько минут я лежал под дождем, в темноте, наблюдая при вспышках света, как эти чудовищные существа из металла двигались вдали.
A thin hail was now beginning, and as it came and went their figures grew misty and then flashed into clearness again.	Пошел мелкий град, и очертания их то расплывались в тумане, то выступали при вспышках.
Now and then came a gap in the lightning, and the night swallowed them up.	В промежутках между молниями их поглощала ночь.
I was soaked with hail above and puddle water below.	Я промок до нитки, сверху - град, снизу - лужа.

It was some time before my blank astonishment would let me struggle up the bank to a drier position, or think at all of my imminent peril.	Прошло некоторое время, пока я пришел в себя, выбрался из лужи на сухое место и стал соображать, куда мне спрятаться.

Not far from me was a little one-roomed squatter's hut of wood, surrounded by a patch of potato garden.	Невдалеке, на картофельном поле, стояла деревянная сторожка.
I struggled to my feet at last, and, crouching and making use of every chance of cover, I made a run for this.	Я поднялся и, пригнувшись, пользуясь всяким прикрытием, побежал к сторожке.

I hammered at the door, but I could not make the people hear (if there were any people inside), and after a time I desisted, and, availing myself of a ditch for the greater part of the way, succeeded in crawling, unobserved by these monstrous machines, into the pine woods towards Maybury.	Тщетно я стучался в дверь, ответа не последовало (может, там никого и не было). Тогда, прячась в канаве, я добрался ползком, не замеченный чудовищными машинами, до соснового леса возле Мэйбэри.
Under cover of this I pushed on, wet and shivering now, towards my own house.	Здесь, под прикрытием деревьев, мокрый и продрогший, я стал пробираться к своему дому.
I walked among the trees trying to find the footpath.	Тщетно старался я отыскать знакомую тропинку.

It was very dark indeed in the wood, for the lightning was now becoming infrequent, and the hail, which was pouring down in a torrent, fell in columns through the gaps in the heavy foliage.	В лесу было очень темно, потому что теперь молния сверкала реже, а град падал с потоком ливня сквозь просветы в густой хвое.
If I had fully realised the meaning of all the things I had seen I should have immediately worked my way round through Byfleet to Street Cobham, and so gone back to rejoin my wife at Leatherhead.	Если бы я понял, что происходит, то немедленно повернул бы назад и возвратился через Байфлит и Стрит-Кобхем к жене в Лезерхэд.

But that night the strangeness of things about me, and my physical wretchedness, prevented me, for I was bruised, weary, wet to the skin, deafened and blinded by the storm.	Но загадочность всего окружающего, ночной мрак, физическая усталость лишили меня способности рассуждать; я устал, промок до костей, был ослеплен и оглушен грозой.
I had a vague idea of going on to my own house, and that was as much motive as I had.	Я думал только об одном: как бы добраться домой; других побуждений у меня не было.
I staggered through the trees, fell into a ditch and bruised my knees against a plank, and finally splashed out into the lane that ran down from the College Arms.	Я плутал между деревьями, упал в яму, зашиб колено и наконец вынырнул на дорогу, которая вела к военному колледжу.

I say splashed, for the storm water was sweeping the sand down the hill in a muddy torrent.	Я говорю "вынырнул", потому что по песчаному холму несся бурный мутный поток.
There in the darkness a man blundered into me and sent me reeling back.	Тут в темноте на меня налетел какой-то человек и чуть не сбил с ног.
He gave a cry of terror, sprang sideways, and rushed on before I could gather my wits sufficiently to speak to him.	Он вскрикнул, в ужасе отскочил в сторону и скрылся, прежде чем я успел прийти в себя и заговорить с ним.
So heavy was the stress of the storm just at this place that I had the hardest task to win my way up the hill.	Порывы бури были так сильны, что я с большим трудом взобрался на холм.

I went close up to the fence on the left and worked my way along its palings.	Я шел по левой стороне, держась поближе к забору.
Near the top I stumbled upon something soft, and, by a flash of lightning, saw between my feet a heap of black broadcloth and a pair of boots.	Невдалеке от вершины я наткнулся на что-то мягкое и при свете молнии увидел под ногами кучу темной одежды и пару сапог.

Before I could distinguish clearly how the man lay, the flicker of light had passed.	Я не успел рассмотреть лежащего: свет погас.
I stood over him waiting for the next flash.	Я нагнулся над ним, ожидая следующей вспышки.

When it came, I saw that he was a sturdy man, cheaply but not shabbily dressed; his head was bent under his body, and he lay crumpled up close to the fence, as though he had been flung violently against it.	Это был коренастый человек в дешевом, но еще крепком костюме; он лежал ничком, прижавшись к забору, как будто с разбегу налетел на него.
Overcoming the repugnance natural to one who had never before touched a dead body, I stooped and turned him over to feel for his heart.	Преодолевая отвращение, вполне естественное, так как мне никогда не приходилось дотрагиваться до мертвого тела, я наклонился и перевернул лежащего, чтобы узнать, бьется ли еще сердце.
He was quite dead.	Человек был мертв.
Apparently his neck had been broken.	Очевидно, он сломал себе шею.

The lightning flashed for a third time, and his face leaped upon me.	Молния блеснула в третий раз, и я увидел лицо мертвеца.
I sprang to my feet.	Я отшатнулся.
It was the landlord of the Spotted Dog, whose conveyance I had taken.	Это был трактирщик, хозяин "Пятнистой собаки", у которого я нанял лошадь.
I stepped over him gingerly and pushed on up the hill.	Я осторожно перешагнул через труп и стал пробираться дальше.
I made my way by the police station and the College Arms towards my own house.	Я миновал полицейское управление и военный колледж.

Nothing was burning on the hillside, though from the common there still came a red glare and a rolling tumult of ruddy smoke beating up against the drenching hail.	Пожар на склоне холма прекратился, хотя со стороны пустоши все еще виднелось красное зарево и клубы красноватого дыма прорезали завесу града.
So far as I could see by the flashes, the houses about me were mostly uninjured.	Большинство домов, насколько я мог разглядеть при вспышке молнии, уцелело.
By the College Arms a dark heap lay in the road.	Возле военного колледжа на дороге лежала какая-то темная груда.

Down the road towards Maybury Bridge there were voices and the sound of feet, but I had not the courage to shout or to go to them.	Впереди, на дороге, в стороне моста, слышались чьи-то голоса и шаги, но у меня не хватило сил крикнуть или подойти к людям.
I let myself in with my latchkey, closed, locked and bolted the door, staggered to the foot of the staircase, and sat down.	Я вошел в свой дом, затворил дверь, запер ее на ключ, наложил засов и в изнеможении опустился на пол возле лестницы.
My imagination was full of those striding metallic monsters, and of the dead body smashed against the fence.	Перед глазами у меня мелькали шагающие металлические чудовища и мертвец около забора.

I crouched at the foot of the staircase with my back to the wall, shivering violently. CHAPTER ELEVEN AT THE WINDOW	Я прислонился спиной к стене и, весь дрожа, так и остался сидеть возле лестницы. 11. У окна

I have already said that my storms of emotion have a trick of exhausting themselves.	Я уже говорил о том, что подвержен быстрой смене настроений.
After a time I discovered that I was cold and wet, and with little pools of water about me on the stair carpet.	Очень скоро я почувствовал, что промок и что мне холодно. На ковре у моих ног набралась целая лужа.

I got up almost mechanically, went into the dining room and drank some whiskey, and then I was moved to change my clothes.	Я почти машинально встал, прошел в столовую и выпил немного виски, потом решил переодеться.
After I had done that I went upstairs to my study, but why I did so I do not know.	Переменив платье, я поднялся в свой кабинет, почему именно туда, я и сам не знаю.
The window of my study looks over the trees and the railway towards Horsell Common.	Из окна были видны деревья и железнодорожная станция около Хорселлской пустоши.
In the hurry of our departure this window had been left open.	В суматохе отъезда мы забыли закрыть это окно.

The passage was dark, and, by contrast with the picture the window frame enclosed, the side of the room seemed impenetrably dark.	В коридоре было темно, и комната тоже казалась темной по контрасту с пейзажем в рамке окна.
I stopped short in the doorway.	Я остановился в дверях, как вкопанный.
The thunderstorm had passed.	Гроза прошла.
The towers of the Oriental College and the pine trees about it had gone, and very far away, lit by a vivid red glare, the common about the sand pits was visible.	Башни Восточного колледжа и сосны вокруг него исчезли; далеко вдали в красном свете виднелась пустошь и песчаный карьер.

Across the light huge black shapes, grotesque and strange, moved busily to and fro.	На фоне зарева метались гигантские причудливые черные тени.
It seemed indeed as if the whole country in that direction was on fire-- a broad hillside set with minute tongues of flame, swaying and writhing with the gusts of the dying storm, and throwing a red reflection upon the cloud-scud above.	Казалось, вся окрестность была охвачена огнем: по широкому склону холма пробегали языки пламени, колеблясь и извиваясь в порывах затихающей бури, и отбрасывали красный отсвет на стремительные облака.

Every now and then a haze of smoke from some nearer conflagration drove across the window and hid the Martian shapes.	Иногда дым близкого пожарища заволакивал окно и скрывал тени марсиан.
I could not see what they were doing, nor the clear form of them, nor recognise the black objects they were busied upon.	Я не мог рассмотреть, что они делали; их очертания вырисовывались неясно, они возились над темной грудой, которую я не мог разглядеть.
Neither could I see the nearer fire, though the reflections of it danced on the wall and ceiling of the study.	Я не видел и ближайшего пожара, хотя отблеск его играл на стенах и на потолке кабинета.

A sharp, resinous tang of burning was in the air.	Чувствовался сильный запах горящей смолы.
I closed the door noiselessly and crept towards the window.	Я тихо притворил дверь и подкрался к окну.
As I did so, the view opened out until, on the one hand, it reached to the houses about Woking station, and on the other to the charred and blackened pine woods of Byfleet.	Передо мной открылся более широкий вид - от домов вокруг станции Уокинг до обугленных, почерневших сосновых лесов Байфлита.

There was a light down below the hill, on the railway, near the arch, and several of the houses along the Maybury road and the streets near the station were glowing ruins.	Вблизи арки на линии железной дороги, у подножия холма, что-то ярко горело; многие дома вдоль дороги к Мэйбэри и на улицах вблизи станции тлели в грудах развалин.
The light upon the railway puzzled me at first; there were a black heap and a vivid glare, and to the right of that a row of yellow oblongs.	Сперва я не мог разобрать, что горело на линии железной дороги; огонь перебегал по какой-то черной груде, направо виднелись желтые продолговатые предметы.
Then I perceived this was a wrecked train, the fore part smashed and on fire, the hinder carriages still upon the rails.	Потом я разглядел, что это был потерпевший крушение поезд; передние вагоны были разбиты и горели, а задние еще стояли на рельсах.

Between these three main centres of light--the houses, the train, and the burning county towards Chobham--stretched irregular patches of dark country, broken here and there by intervals of dimly glowing and smoking ground.	Между этими тремя очагами света - домами, поездом и охваченными пламенем окрестностями Чобхема - тянулись черные полосы земли, кое-где пересеченные полосками тлеющей и дымящейся почвы.
It was the strangest spectacle, that black expanse set with fire. It reminded me, more than anything else, of the Potteries at night.	Это странное зрелище - черное пространство, усеянное огнями, - напомнило мне гончарные заводы ночью.
At first I could distinguish no people at all, though I peered intently for them.	Сначала я не заметил людей, хотя и смотрел очень внимательно.

Later I saw against the light of Woking station a number of black figures hurrying one after the other across the line.	Потом я увидел у станции Уокинг, на линии железной дороги, несколько мечущихся темных фигурок.
And this was the little world in which I had been living securely for years, this fiery chaos!	И этим огненным хаосом был тот маленький мирок, в котором я безмятежно жил столько лет!
What had happened in the last seven hours I still did not know; nor did I know, though I was beginning to guess, the relation between these mechanical colossi and the sluggish lumps I had seen disgorged from the cylinder.	Я не знал, что произошло в течение последних семи часов; я только начинал смутно догадываться, что есть какая-то связь между этими механическими колоссами и теми неповоротливыми чудовищами, которые на моих глазах выползли из цилиндра.

With a queer feeling of impersonal interest I turned my desk chair to the window, sat down, and stared at the blackened country, and particularly at the three gigantic black things that were going to and fro in the glare about the sand pits.	С каким-то странным любопытством стороннего зрителя я придвинул свое рабочее кресло к окну, уселся и начал наблюдать; особенно заинтересовали меня три черных гиганта, расхаживавшие в свете пожарища около песчаного карьера.
They seemed amazingly busy.	Они, видимо, были очень заняты.
I began to ask myself what they could be.	Я старался догадаться, что они там делают.
Were they intelligent mechanisms?	Неужели это одухотворенные механизмы?
Such a thing I felt was impossible.	Но ведь это невозможно.

Or did a Martian sit within each, ruling, directing, using, much as a man's brain sits and rules in his body?	Может быть, в каждом из них сидит марсианин и двигает, повелевает, управляет им так же, как человеческий мозг управляет телом.

I began to compare the things to human machines, to ask myself for the first time in my life how an ironclad or a steam engine would seem to an intelligent lower animal.	Я стал сравнивать их с нашими машинами и в первый раз в жизни задал себе вопрос: какими должны казаться разумному, но менее развитому, чем мы, существу броненосцы или паровые машины?

The storm had left the sky clear, and over the smoke of the burning land the little fading pinpoint of Mars was dropping into the west, when a soldier came into my garden.	Гроза пронеслась, небо очистилось. Над дымом пожарищ блестящий, крохотный, как булавочная головка, Марс склонялся к западу. Какой-то солдат полез в мой сад.
I heard a slight scraping at the fence, and rousing myself from the lethargy that had fallen upon me, I looked down and saw him dimly, clambering over the palings.	Я услыхал легкое царапанье и, стряхнув владевшее мной оцепенение, увидел человека, перелезающего через частокол.

At the sight of another human being my torpor passed, and I leaned out of the window eagerly.	Мой столбняк сразу прошел, и я быстро высунулся в окно.
"Hist!" said I, in a whisper.	-Тсс... - прошептал я.
He stopped astride of the fence in doubt.	Он в нерешительности уселся верхом на заборе.
Then he came over and across the lawn to the corner of the house. He bent down and stepped softly.	Потом спрыгнул в сад и, согнувшись, бесшумно ступая, прокрался через лужайку к углу дома.
"Who's there?" he said, also whispering, standing under the window and peering up.	- Кто там? - шепотом спросил он, стоя под окном и глядя вверх.

"Where are you going?"	- Куда вы идете? - спросил я.
I asked.	-Я и сам не знаю.
"God knows." "Are you trying to hide?"	- Вы ищете, где бы спрятаться?
"That's it."	-Да.
"Come into the house," I said.	- Войдите в дом, - сказал я.
I went down, unfastened the door, and let him in, and locked the door again.	Я сошел вниз и открыл дверь, потом снова запер ее.
I could not see his face.	Я не мог разглядеть лица солдата.

He was hatless, and his coat was unbuttoned.	Он был без фуражки, мундир был расстегнут.
"My God!" he said, as I drew him in.	- О господи! - сказал он, когда я впустил его.
"What has happened?" I asked.	- Что случилось? - спросил я.
"What hasn't?" In the obscurity I could see he made a gesture of despair. "They wiped us out--simply wiped us out," he repeated again and again.	- И не спрашивайте. - Несмотря на темноту, я увидел, что он безнадежно махнул рукой. - Они смели нас, просто смели, - повторял он.
He followed me, almost mechanically, into the dining room.	Почти машинально он вошел за мной в столовую.

"Take some whiskey," I said, pouring out a stiff dose.	- Выпейте виски, - предложил я, наливая ему солидную порцию.
He drank it.	Он выпил.

Then abruptly he sat down before the table, put his head on his arms, and began to sob and weep like a little boy, in a perfect passion of emotion, while I, with a curious forgetfulness of my own recent despair, stood beside him, wondering.	Потом опустился на стул у стола, уронил голову на руки и расплакался, как ребенок. Забыв о своем недавнем приступе отчаяния, я с удивлением смотрел на него.
It was a long time before he could steady his nerves to answer my questions, and then he answered perplexingly and brokenly.	Прошло довольно много времени, пока он овладел собой и смог отвечать на мои вопросы. Он говорил отрывисто и путано.

He was a driver in the artillery, and had only come into action about seven.	Он был ездовым в артиллерии и принял участие в бою только около семи часов вечера.
At that time firing was going on across the common, and it was said the first party of Martians were crawling slowly towards their second cylinder under cover of a metal shield.	В это время стрельба на пустоши была в полном разгаре; говорили, что первая партия марсиан медленно ползет ко второму цилиндру под прикрытием металлической брони.
Later this shield staggered up on tripod legs and became the first of the fighting-machines I had seen.	Потом эта металлическая броня превратилась в треножник, очевидно, в ту первую военную машину, которую я увидел.

The gun he drove had been unlimbered near Horsell, in order to command the sand pits, and its arrival it was that had precipitated the action.	Орудие, при котором находился мой гость, было установлено близ Хорселла для обстрела песчаного карьера, и это ускорило события.
As the limber gunners went to the rear, his horse trod in a rabbit hole and came down, throwing him into a depression of the ground.	Когда ездовые с лафетом отъезжали в сторону, его лошадь оступилась и упала, сбросив его в рытвину.
At the same moment the gun exploded behind him, the ammunition blew up, there was fire all about him, and he found himself lying under a heap of charred dead men and dead horses.	В ту же минуту пушка взлетела на воздух вместе со снарядами; все было охвачено огнем, и он очутился погребенным под грудой обгорелых трупов людей и лошадей.

"I lay still," he said, "scared out of my wits, with the fore quarter of a horse atop of me.	- Я лежал тихо, - рассказывал он, - полумертвый от страха. На меня навалилась передняя часть лошади.
We'd been wiped out.	Они нас смели.
And the smell--good God!	А запах, боже мой!
Like burnt meat!	Точно пригорелое жаркое.
I was hurt across the back by the fall of the horse, and there I had to lie until I felt better.	Я расшиб спину при падении. Так я лежал, пока мне не стало немного лучше.
Just like parade it had been a minute before--then stumble, bang, swish!"	Только минуту назад мы ехали, точно на парад, -и вдруг разбиты, сметены, уничтожены.

"Wiped out!" he said.	- Нас смели! - повторял он.
He had hid under the dead horse for a long time, peeping out furtively across the common.	Он долго прятался под тушей лошади, посматривая украдкой на пустошь.
The Cardigan men had tried a rush, in skirmishing order, at the pit, simply to be swept out of existence.	Кардиганский полк пытался броситься в штыки -его мигом уничтожили.

Then the monster had risen to its feet and had begun to walk leisurely to and fro across the common among the few fugitives, with its headlike hood turning about exactly like the head of a cowled human being.	Потом чудовище поднялось на ноги и начало расхаживать по пустоши, преследуя немногих спасавшихся бегством. Вращавшийся колпак на нем напоминал голову человека в капюшоне.
A kind of arm carried a complicated metallic case, about which green flashes scintillated, and out of the funnel of this there smoked the Heat-Ray.	Какое-то подобие руки держало металлический ящик сложного устройства, из которого вылетали зеленые искры и ударял тепловой луч.

In a few minutes there was, so far as the soldier could see, not a living thing left upon the common, and every bush and tree upon it that was not already a blackened skeleton was burning.	Через несколько минут на пустоши, насколько он мог видеть, не осталось ни одного живого существа; кусты и деревья, еще не обратившиеся в обугленные остовы, горели.
The hussars had been on the road beyond the curvature of the ground, and he saw nothing of them.	Гусары стояли на дороге в ложбинке, и он их не видел.
He heard the Martians rattle for a time and then become still.	Он слышал, как застрочили пулеметы, потом все смолкло.

The giant saved Woking station and its cluster of houses until the last; then in a moment the Heat-Ray was brought to bear, and the town became a heap of fiery ruins.	Гигант долго не трогал станцию Уокинг и окрестные дома. Потом скользнул тепловой луч, и городок превратился в груду пылающих развалин.
Then the Thing shut off the Heat-Ray, and turning its back upon the artilleryman, began to waddle away towards the smouldering pine woods that sheltered the second cylinder.	После этого чудовище выключило тепловой луч и, повернувшись спиной к артиллеристу, зашагало по направлению к дымившемуся сосновому лесу, где упал второй цилиндр.
As it did so a second glittering Titan built itself up out of the pit.	В следующий миг из ямы поднялся другой сверкающий титан.

The second monster followed the first, and at that the artilleryman began to crawl very cautiously across the hot heather ash towards Horsell.	Второе чудовище последовало за первым. Тут артиллерист осторожно пополз по горячему пеплу сгоревшего вереска к Хорселлу.
He managed to get alive into the ditch by the side of the road, and so escaped to Woking.	Ему удалось доползти до канавы, тянувшейся вдоль края дороги, и таким образом он добрался до Уокинга.
There his story became ejaculatory.	Дальнейший рассказ артиллериста состоял почти из одних междометий.
The place was impassable.	Через Уокинг нельзя было пройти.

It seems there were a few people alive there, frantic for the most part and many burned and scalded.	Немногие уцелевшие жители, казалось, сошли с ума; другие сгорели заживо или получили ожоги.
He was turned aside by the fire, and hid among some almost scorching heaps of broken wall as one of the Martian giants returned.	Он повернул в сторону от пожара и спрятался в дымящихся развалинах; тут он увидел, что чудовище возвращается.
He saw this one pursue a man, catch him up in one of its steely tentacles, and knock his head against the trunk of a pine tree.	Оно настигло одного из бегущих, схватило его своим стальным щупальцем и размозжило ему голову о сосновый пень.

At last, after nightfall, the artilleryman made a rush for it and got over the railway embankment.	Когда стемнело, артиллерист пополз дальше и добрался до железнодорожной насыпи.

Since then he had been skulking along towards Maybury, in the hope of getting out of danger Londonward.	Потом он, крадучись, направился через Мэйбэри в сторону Лондона, думая, что там будет безопасней.
People were hiding in trenches and cellars, and many of the survivors had made off towards Woking village and Send.	Люди прятались в погребах, канавах, и многие из уцелевших бежали к Уокингу и Сэнду.

He had been consumed with thirst until he found one of the water mains near the railway arch smashed, and the water bubbling out like a spring upon the road.	Его мучила жажда. Около железнодорожной арки он увидел разбитый водопровод: вода била ключом из лопнувшей трубы.
That was the story I got from him, bit by bit.	Вот все, что я мог у него выпытать.
He grew calmer telling me and trying to make me see the things he had seen.	Он несколько успокоился, рассказав мне обо всем, что ему пришлось видеть.

He had eaten no food since midday, he told me early in his narrative, and I found some mutton and bread in the pantry and brought it into the room.	С полудня он ничего не ел; он упомянул об этом еще в начале своего рассказа; я нашел в кладовой немного баранины, хлеба и принес ему поесть.
We lit no lamp for fear of attracting the Martians, and ever and again our hands would touch upon bread or meat.	Мы не зажигали лампу, боясь привлечь внимание марсиан, и паши руки часто соприкасались, нащупывая еду.
As he talked, things about us came darkly out of the darkness, and the trampled bushes and broken rose trees outside the window grew distinct.	Пока он рассказывал, окружающие предметы стали неясно выступать из мрака, за окном уже можно было различить вытоптанную траву и поломанные кусты роз.

It would seem that a number of men or animals had rushed across the lawn.	Казалось, по лужайке промчалась толпа людей или стадо животных.
I began to see his face, blackened and haggard, as no doubt mine was also.	Теперь я мог рассмотреть лицо артиллериста, перепачканное, бледное, - такое же, вероятно, было и у меня.
When we had finished eating we went softly upstairs to my study, and I looked again out of the open window.	Насытившись, мы осторожно поднялись в мой кабинет, и я снова выглянул в открытое окно.
In one night the valley had become a valley of ashes.	За одну ночь цветущая долина превратилась в пепелище.

The fires had dwindled now.	Пожар угасал.
Where flames had been there were now streamers of smoke; but the countless ruins of shattered and gutted houses and blasted and blackened trees that the night had hidden stood out now gaunt and terrible in the pitiless light of dawn.	Там, где раньше бушевало пламя, теперь чернели клубы дыма. Разрушенные и развороченные; дома, поваленные, обугленные деревья - вся эта страшная, зловещая картина, скрытая до сих пор ночным мраком, теперь, в предрассветных сумерках, отчетливо предстала перед нами.
Yet here and there some object had had the luck to escape--a white railway signal here, the end of a greenhouse there, white and fresh amid the wreckage.	Кое-что чудом уцелело среди всеобщего разрушения: белый железнодорожный семафор, часть оранжереи, зеленеющей среди развалин.

Never before in the history of warfare had destruction been so indiscriminate and so universal.	Никогда еще в истории войн не было такого беспощадного всеобщего разрушения.

And shining with the growing light of the east, three of the metallic giants stood about the pit, their cowls rotating as though they were surveying the desolation they had made.	Поблескивая в утреннем свете, три металлических гиганта стояли около ямы, и их колпаки поворачивались, как будто они любовались произведенным ими опустошением.

It seemed to me that the pit had been enlarged, and ever and again puffs of vivid green vapour streamed up and out of it towards the brightening dawn--streamed up, whirled, broke, and vanished.	Мне показалось, что яма стала шире. Спирали зеленого дыма беспрерывно взлетали навстречу разгоравшейся заре - поднимались, клубились, падали и исчезали.
Beyond were the pillars of fire about Chobham.	Около Чобхема вздымались столбы пламени.
They became pillars of bloodshot smoke at the first touch of day. CHAPTER TWELVE WHAT I SAW OF THE DESTRUCTION OF WEYBRIDGE AND SHEPPERTON	Они превратились в столбы кровавого дыма при первых лучах солнца. 12. Разрушение Уэйбриджа и Шеппертона

As the dawn grew brighter we withdrew from the window from which we had watched the Martians, and went very quietly downstairs.	Когда совсем рассвело, мы отошли от окна, откуда наблюдали за марсианами, и тихо спустились вниз.
The artilleryman agreed with me that the house was no place to stay in.	Артиллерист согласился со мной, что в доме оставаться опасно.
He proposed, he said, to make his way Londonward, and thence rejoin his battery--No. 12, of the Horse Artillery.	Он решил идти в сторону Лондона; там он присоединится к своей батарее номер 12 конной артиллерии.

My plan was to return at once to Leatherhead; and so greatly had the strength of the Martians impressed me that I had determined to take my wife to Newhaven, and go with her out of the country forthwith.	Я же хотел вернуться в Лезерхэд. Потрясенный могуществом марсиан, я решил немедля увезти жену в Ньюхэвен, чтобы оттуда выехать за границу.
For I already perceived clearly that the country about London must inevitably be the scene of a disastrous struggle before such creatures as these could be destroyed.	Мне было ясно, что окрестности Лондона неизбежно станут ареной разрушительной борьбы, прежде чем удастся уничтожить чудовища.
Between us and Leatherhead, however, lay the third cylinder, with its guarding giants.	Но на пути к Лезерхэду находился третий цилиндр, охраняемый гигантами.

Had I been alone, I think I should have taken my chance and struck across country.	Будь я один, я, вероятно, положился бы на свою судьбу и пустился бы напрямик.
But the artilleryman dissuaded me:	Но артиллерист отговорил меня.
"It's no kindness to the right sort of wife," he said, "to make her a widow"; and in the end I agreed to go with him, under cover of the woods, northward as far as Street Cobham before I parted with him.	- Вряд ли вы поможете своей жене, если сделаете ее вдовой, - сказал он. В конце концов я согласился идти вместе с ним, под прикрытием леса, к северу до Стрит-Кобхема.
Thence I would make a big detour by Epsom to reach Leatherhead.	Оттуда я должен был сделать большой крюк через Эпсом, чтобы попасть в Лезерхэд.

I should have started at once, but my companion had been in active service and he knew better than that.	Я хотел отправиться сейчас же, но мой спутник, солдат, был опытнее меня.
He made me ransack the house for a flask, which he filled with whiskey; and we lined every available pocket with packets of biscuits and slices of meat.	Он заставил меня перерыть весь дом и отыскать флягу, в которую налил виски. Мы набили все свои карманы сухарями и ломтями мяса.

Then we crept out of the house, and ran as quickly as we could down the ill-made road by which I had come overnight.	Потом вышли из дому и пустились бегом вниз по размытой дороге, по которой я шел прошлой ночью.
The houses seemed deserted.	Дома казались вымершими.

In the road lay a group of three charred bodies close together, struck dead by the Heat-Ray; and here and there were things that people had dropped--a clock, a slipper, a silver spoon, and the like poor valuables.	На дороге лежали рядом три обугливших тела, пораженных тепловым лучом. Кое-где валялись брошенные или потерянные вещи: часы, туфли, серебряная ложна и другие мелкие предметы.
At the corner turning up towards the post office a little cart, filled with boxes and furniture, and horseless, heeled over on a broken wheel.	На повороте к почтовой конторе лежала на боку со сломанным колесом распряженная тележка, нагруженная ящиками и мебелью.
A cash box had been hastily smashed open and thrown under the debris.	Несгораемая касса была, видимо, наспех открыта и брошена среди рухляди.

Except the lodge at the Orphanage, which was still on fire, none of the houses had suffered very greatly here.	Дома в этой части не очень пострадали, горела только сторожка приюта.
The Heat-Ray had shaved the chimney tops and passed.	Тепловой луч сбрил печные трубы и прошел дальше.
Yet, save ourselves, there did not seem to be a living soul on Maybury Hill.	Кроме нас, на Мэйбэри-Хилле, по-видимому, не было ни души.
The majority of the inhabitants had escaped, I suppose, by way of the Old Woking road--the road I had taken when I drove to Leatherhead--or they had hidden.	Большая часть жителей бежала, вероятно, к Старому Уокингу по той дороге, по которой я ехал в Лезерхэд, или пряталась где-нибудь.

We went down the lane, by the body of the man in black, sodden now from the overnight hail, and broke into the woods at the foot of the hill.	Мы спустились вниз по дороге, прошли мимо все еще лежавшего там намокшего от дождя трупа человека в черном костюме.
We pushed through these towards the railway without meeting a soul.	Вошли в лес у подножия холма и добрались до полотна железной дороги, никого не встретив.
The woods across the line were but the scarred and blackened ruins of woods; for the most part the trees had fallen, but a certain proportion still stood, dismal grey stems, with dark brown foliage instead of green.	Лес по ту сторону железной дороги казался сплошным буреломом, так как большая часть деревьев была повалена и только кое-где зловеще торчали обугленные стволы с темно-бурой листвой.

On our side the fire had done no more than scorch the nearer trees; it had failed to secure its footing.	На нашей стороне огонь только опалил ближайшие деревья и не произвел больших опустошений.
In one place the woodmen had been at work on Saturday; trees, felled and freshly trimmed, lay in a clearing, with heaps of sawdust by the sawing-machine and its engine.	В одном месте лесорубы, очевидно, работали еще в субботу. Деревья, срубленные и свежеочищенные, лежали на просеке среди кучи опилок около паровой лесопилки.
Hard by was a temporary hut, deserted.	Рядом стояла пустая лачуга.
There was not a breath of wind this morning, and everything was strangely still.	Все было тихо; воздух казался неподвижным.

Even the birds were hushed, and as we hurried along I and the artilleryman talked in whispers and looked now and again over our shoulders.	Даже птицы куда-то исчезли. Мы с артиллеристом переговаривались шепотом и часто оглядывались по сторонам.

Once or twice we stopped to listen.	Иногда мы останавливались и прислушивались.
After a time we drew near the road, and as we did so we heard the clatter of hoofs and saw through the tree stems three cavalry soldiers riding slowly towards Woking.	Немного погодя мы подошли к дороге и услышали стук копыт: в сторону Уокинга медленно ехали три кавалериста.

We hailed them, and they halted while we hurried towards them.	Мы окликнули их, они остановились, и мы поспешили к ним.
It was a lieutenant and a couple of privates of the 8th Hussars, with a stand like a theodolite, which the artilleryman told me was a heliograph.	Это были лейтенант и двое рядовых 8-го гусарского полка с каким-то прибором вроде теодолита ; артиллерист объяснил мне, что это гелиограф .
"You are the first men I've seen coming this way this morning," said the lieutenant. "What's brewing?"	- Вы первые, кого я встретил на этой дороге за все утро, - сказал лейтенант. - Что тут творится?
His voice and face were eager.	И в его голосе и в лице чувствовалась решительность.

The men behind him stared curiously.	Солдаты смотрели на нас с любопытством.
The artilleryman jumped down the bank into the road and saluted.	Артиллерист спустился с насыпи на дорогу и отдал честь.
"Gun destroyed last night, sir.	- Пушку нашу взорвало прошлой ночью, сэр.
Have been hiding.	Я спрятался.
Trying to rejoin battery, sir.	Догоняю батарею, сэр.
You'll come in sight of the Martians, I expect, about half a mile along this road."	Вы, наверное, увидите марсиан, если проедете еще с полмили по этой дороге.
"What the dickens are they like?" asked the lieutenant.	- Какие они из себя, черт возьми? - спросил лейтенант.

"Giants in armour, sir.	- Великаны в броне, сэр.
Hundred feet high.	Сто футов высоты.
Three legs and a body like 'luminium, with a mighty great head in a hood, sir."	Три ноги; тело вроде как алюминиевое, с огромной головой в колпаке, сэр.
"Get out!" said the lieutenant. "What confounded nonsense!"	- Рассказывай! - воскликнул лейтенант. - Что за чепуху ты мелешь?
"You'll see, sir.	- Сами увидите, сэр.
They carry a kind of box, sir, that shoots fire and strikes you dead."	У них в руках какой-то ящик, сэр; из него выпыхивает огонь и убивает на месте.
"What d'ye mean--a gun?"	- Вроде пушки?

"No, sir," and the artilleryman began a vivid account of the Heat-Ray.	- Нет, сэр. - И артиллерист стал описывать действие теплового луча.
Halfway through, the lieutenant interrupted him and looked up at me.	Лейтенант прервал его и обернулся ко мне.
I was still standing on the bank by the side of the road.	Я стоял на насыпи у края дороги.
"It's perfectly true," I said.	- Вы тоже видели это? - спросил он.

"Well," said the lieutenant,	- Все чистейшая правда, - ответил я.
"I suppose it's my business to see it too.	- Ну, - сказал лейтенант, - я думаю, и мне не мешает взглянуть на них.

Look here"--to the artilleryman-- "we're detailed here clearing people out of their houses.	Слушай, - обратился он к артиллеристу, - нас отрядили сюда, чтобы выселить жителей из домов.
You'd better go along and report yourself to Brigadier-General Marvin, and tell him all you know.	Ты явись к бригадному генералу Марвину и доложи ему обо всем, что знаешь.
He's at Weybridge.	Он стоит в Уэйбридже.
Know the way?"	Дорогу знаешь?
"I do," I said; and he turned his horse southward again.	- Я знаю, - сказал я. Лейтенант повернул лошадь.
"Half a mile, you say?" said he.	- Вы говорите, полмили? - спросил он.

"At most," I answered, and pointed over the treetops southward.	- Не больше, - ответил я и указал на вершины деревьев к югу.
He thanked me and rode on, and we saw them no more.	Он поблагодарил меня и уехал. Больше мы его не видели.
Farther along we came upon a group of three women and two children in the road, busy clearing out a labourer's cottage. They had got hold of a little hand truck, and were piling it up with unclean-looking bundles and shabby furniture.	Потом мы увидали трех женщин и двух детей на дороге у рабочего домика, нагружавших ручную тележку узлами и домашним скарбом.
They were all too assiduously engaged to talk to us as we passed.	Они были так заняты, что не стали разговаривать с нами.

By Byfleet station we emerged from the pine trees, and found the country calm and peaceful under the morning sunlight.	У станции Байфлит мы вышли из соснового леса. В лучах утреннего солнца местность казалась такой мирной!
We were far beyond the range of the Heat-Ray there, and had it not been for the silent desertion of some of the houses, the stirring movement of packing in others, and the knot of soldiers standing on the bridge over the railway and staring down the line towards Woking, the day would have seemed very like any other Sunday.	Здесь мы были уже за пределами действия теплового луча; если бы не опустевшие дома, не суетня и сборы жителей, не солдаты на железнодорожном мосту, смотревшие вдоль линии на Уокинг, день походил бы на обычное воскресенье.

Several farm waggons and carts were moving creakily along the road to Addlestone, and suddenly through the gate of a field we saw, across a stretch of flat meadow, six twelve-pounders standing neatly at equal distances pointing towards Woking.	Несколько подвод и фургонов со скрипом двигалось по дороге к Аддлстону. Через ворота в изгороди мы увидели на лугу шесть пушек двенадцатифунтовок, аккуратно расставленных на равном расстоянии друг от друга и направленных в сторону Уокинга.
The gunners stood by the guns waiting, and the ammunition waggons were at a business-like distance.	Прислуга стояла подле в ожидании, зарядные ящики находились на положенном расстоянии.
The men stood almost as if under inspection.	Солдаты стояли точно на смотру.

"That's good!" said I. "They will get one fair shot, at any rate."	- Вот это здорово! - сказал я. - Во всяком случае, они дадут хороший залп.

The artilleryman hesitated at the gate.	Артиллерист в нерешительности остановился у ворот.
"I shall go on," he said.	- Я пойду дальше, - сказал он.
Farther on towards Weybridge, just over the bridge, there were a number of men in white fatigue jackets throwing up a long rampart, and more guns behind.	Ближе к Уэйбриджу, сейчас же за мостом, солдаты в белых рабочих куртках насыпали длинный вал, за которым торчали пушки.

"It's bows and arrows against the lightning, anyhow," said the artilleryman. "They 'aven't seen that fire-beam yet."	- Это все равно что лук и стрелы против молнии, -сказал артиллерист. - Они еще не видали огненного луча.
The officers who were not actively engaged stood and stared over the treetops southwestward, and the men digging would stop every now and again to stare in the same direction.	Офицеры, не принимавшие непосредственного участия в работе, смотрели поверх деревьев на юго-запад; солдаты часто отрывались от работы и тоже поглядывали в том же направлении.

Byfleet was in a tumult; people packing, and a score of hussars, some of them dismounted, some on horseback, were hunting them about.	Байфлит был в смятении. Жители укладывали пожитки, а двадцать гусар, частью спешившись, частью верхом, торопили их.
Three or four black government waggons, with crosses in white circles, and an old omnibus, among other vehicles, were being loaded in the village street.	Три или четыре черных санитарных фургона с крестом на белом круге и какой-то старый омнибус грузились на улице среди прочих повозок.

There were scores of people, most of them sufficiently sabbatical to have assumed their best clothes. The soldiers were having the greatest difficulty in making them realise the gravity of their position.	Многие из жителей приоделись по-праздничному. Солдатам стоило большого труда растолковать им всю опасность положения.
We saw one shrivelled old fellow with a huge box and a score or more of flower pots containing orchids, angrily expostulating with the corporal who would leave them behind.	Какой-то сморщенный старичок сердито спорил с капралом, требуя, чтобы захватили его большой ящик и десятка два цветочных горшков с орхидеями.
I stopped and gripped his arm.	Я остановился и дернул старичка за рукав.

"Do you know what's over there?" I said, pointing at the pine tops that hid the Martians.	- Знаете вы, что там делается? - спросил я, показывая на вершины соснового леса, скрывавшего марсиан.
"Eh?" said he, turning. "I was explainin' these is vallyble."	- Что? - обернулся он. - Я говорю им, что этого нельзя бросать.
"Death!" I shouted. "Death is coming!	- Смерть! - крикнул я. - Смерть идет на нас!
Death!" and leaving him to digest that if he could, I hurried on after the artillery-man.	Смерть! Не знаю, понял ли он меня, - я поспешил за артиллеристом.
At the corner I looked back.	На углу я обернулся.

The soldier had left him, and he was still standing by his box, with the pots of orchids on the lid of it, and staring vaguely over the trees.	Солдат отошел от старичка, а тот все еще стоял возле своего ящика и горшков с орхидеями, растерянно глядя в сторону леса.
No one in Weybridge could tell us where the headquarters were established; the whole place was in such confusion as I had never seen in any town before.	Никто в Уэйбридже не мог сказать нам, где помещается штаб. Такого беспорядка мне еще нигде не приходилось наблюдать.

Carts, carriages everywhere, the most astonishing miscellany of conveyances and horseflesh.	Везде повозки, экипажи всех видов и лошади всевозможных мастей.
The respectable inhabitants of the place, men in golf and boating costumes, wives prettily dressed, were packing, river-side loafers energetically helping, children excited, and, for the most part, highly delighted at this astonishing variation of their Sunday experiences.	Почтенные жители местечка, спортсмены в костюме для гольфа и гребли, нарядно одетые женщины - все укладывались; праздные зеваки энергично помогали, дети шумели, очень довольные таким необычным воскресным развлечением.

In the midst of it all the worthy vicar was very pluckily holding an early celebration, and his bell was jangling out above the excitement.	Среди всеобщей суматохи почтенного вида викарий , не обращая ни на что внимания, под звон колокола служил раннюю обедню.
I and the artilleryman, seated on the step of the drinking fountain, made a very passable meal upon what we had brought with us.	Мы с артиллеристом присели на ступеньку у колодца и наскоро перекусили.

Patrols of soldiers--here no longer hussars, but grenadiers in white--were warning people to move now or to take refuge in their cellars as soon as the firing began.	Патрули - уже не гусары, а гренадеры в белых мундирах - предупреждали жителей и предлагали им или уходить, или прятаться по подвалам, как только начнется стрельба.
We saw as we crossed the railway bridge that a growing crowd of people had assembled in and about the railway station, and the swarming platform was piled with boxes and packages.	Переходя через железнодорожный мост, мы увидели большую толпу на станции и вокруг нее; платформа кишела людьми и была завалена ящиками и узлами.

The ordinary traffic had been stopped, I believe, in order to allow of the passage of troops and guns to Chertsey, and I have heard since that a savage struggle occurred for places in the special trains that were put on at a later hour.	Обычное расписание было нарушено, вероятно, для того чтобы подвезти войска и орудия к Чертси; потом я слышал, что произошла страшная давка и драка из-за места в экстренных поездах, пущенных во вторую половину дня.
We remained at Weybridge until midday, and at that hour we found ourselves at the place near Shepperton Lock where the Wey and Thames join.	Мы оставались в Уэйбридже до полудня. У шеппертонского шлюза, где сливаются Темза и Уэй, мы помогли двум старушкам нагрузить тележку.

Part of the time we spent helping two old women to pack a little cart.	Устье реки Уэй имеет три рукава, здесь сдаются лодки и ходит паром.
The Wey has a treble mouth, and at this point boats are to be hired, and there was a ferry across the river. On the Shepperton side was an inn with a lawn, and beyond that the tower of Shepperton Church--it has been replaced by a spire--rose above the trees.	На другом берегу виднелась харчевня и перед ней лужайка, а дальше над деревьями поднималась колокольня шеппертонской церкви - теперь она заменена шпилем.
Here we found an excited and noisy crowd of fugitives.	Здесь мы застали шумную, возбужденную толпу беглецов.

As yet the flight had not grown to a panic, but there were already far more people than all the boats going to and fro could enable to cross.	Хотя паники еще не было, однако желающих пересечь реку оказалось гораздо больше, чем могли вместить лодки.
People came panting along under heavy burdens; one husband and wife were even carrying a small outhouse door between them, with some of their household goods piled thereon.	Люди подходили, задыхаясь под тяжелой ношей. Одна супружеская пара тащила даже небольшую входную дверь от своего дома, на которой были сложены их пожитки.

One man told us he meant to try to get away from Shepperton station.	Какой-то мужчина сказал нам, что хочет попытаться уехать со станции в Шеппертоне.
There was a lot of shouting, and one man was even jesting.	Все громко разговаривали; кто-то даже острил.
The idea people seemed to have here was that the Martians were simply formidable human beings, who might attack and sack the town, to be certainly destroyed in the end.	Многие думали, что марсиане - это просто люди-великаны; они могут напасть на город и разорить его, но, разумеется, в конце концов будут уничтожены.

Every now and then people would glance nervously across the Wey, at the meadows towards Chertsey, but everything over there was still.	Все тревожно посматривали на противоположный берег, на луга около Чертси; но там было спокойно.
Across the Thames, except just where the boats landed, everything was quiet, in vivid contrast with the Surrey side.	По ту сторону Темзы, кроме того места, где причаливали лодки, тоже все было спокойно -резкий контраст с Сэрреем.
The people who landed there from the boats went tramping off down the lane.	Народ, выходивший из лодок, подымался вверх по дороге.
The big ferryboat had just made a journey.	Большой паром только что перевалил через реку.

Three or four soldiers stood on the lawn of the inn, staring and jesting at the fugitives, without offering to help.	Трое или четверо солдат стояли на лужайке возле харчевни и подшучивали над беглецами, не предлагая им помочь.
The inn was closed, as it was now within prohibited hours.	Харчевня была закрыта, как и полагалось в эти часы.
"What's that?" cried a boatman, and "Shut up, you fool!" said a man near me to a yelping dog.	- Что это? - крикнул вдруг один из лодочников. -Тише ты! - цыкнул кто-то возле меня на лаявшую собаку.
Then the sound came again, this time from the direction of Chertsey, a muffled thud--the sound of a gun.	Звук повторился, на этот раз со стороны Чертси: приглушенный гул - пушечный выстрел.
The fighting was beginning.	Бой начался.

Almost immediately unseen batteries across the river to our right, unseen because of the trees, took up the chorus, firing heavily one after the other.	Скрытые деревьями батареи за рекой направо от нас вступили в общий хор, тяжело ухая одна за другой.
A woman screamed.	Вскрикнула женщина.
Everyone stood arrested by the sudden stir of battle, near us and yet invisible to us.	Все остановились как вкопанные и повернулись в сторону близкого, но невидимого сражения.

Nothing was to be seen save flat meadows, cows feeding unconcernedly for the most part, and silvery pollard willows motionless in the warm sunlight.	На широких лугах не было ничего; кроме мирно пасущихся коров и серебристых ив, неподвижных в лучах жаркого солнца.
"The sojers'll stop 'em," said a woman beside me, doubtfully.	- Солдаты задержат их, - неуверенным тоном проговорила женщина возле меня.
A haziness rose over the treetops.	Над лесом показался дымок.

Then suddenly we saw a rush of smoke far away up the river, a puff of smoke that jerked up into the air and hung; and forthwith the ground heaved under foot and a heavy explosion shook the air, smashing two or three windows in the houses near, and leaving us astonished.	И вдруг мы увидели - далеко вверх по течению реки - клуб дыма, взлетевшего и повисшего в воздухе, и сейчас же почва под ногами у нас заколебалась, оглушительный взрыв потряс воздух; разлетелись стекла в соседних домах. Все оцепенели от удивления.
"Here they are!" shouted a man in a blue jersey. "Yonder!	- Вон они! - закричал какой-то человек в синей фуфайке. - Вон там!
D'yer see them?	Видите?
Yonder!"	Вон там!

Quickly, one after the other, one, two, three, four of the armoured Martians appeared, far away over the little trees, across the flat meadows that stretched towards Chertsey, and striding hurriedly towards the river.	Быстро, один за другим, появились покрытые броней марсиане - один, два, три, четыре -далеко-далеко над молодым леском за лугами Чертси.
Little cowled figures they seemed at first, going with a rolling motion and as fast as flying birds.	Сначала они казались маленькими фигурками в колпаках и двигались как будто на колесах, но с быстротой птиц. Они поспешно спускались к реке.
Then, advancing obliquely towards us, came a fifth.	Слева, наискось, к ним приближался пятый.

Their armoured bodies glittered in the sun as they swept swiftly forward upon the guns, growing rapidly larger as they drew nearer.	Их броня блестела на солнце, и при приближении они быстро увеличивались.
One on the extreme left, the remotest that is, flourished a huge case high in the air, and the ghostly, terrible Heat-Ray I had already seen on Friday night smote towards Chertsey, and struck the town.	Самый дальний из них на левом фланге высоко поднял большой ящик, и страшный тепловой луч, который я уже видел в ночь на субботу, скользнул к Чертси и поразил город.

At sight of these strange, swift, and terrible creatures the crowd near the water's edge seemed to me to be for a moment horror-struck.	При виде этих странных быстроходных чудовищ толпа на берегу оцепенела от ужаса.
There was no screaming or shouting, but a silence.	Ни возгласов, ни криков - мертвое молчание.
Then a hoarse murmur and a movement of feet-- a splashing from the water.	Потом хриплый шепот и движение ног - шлепанье по воде.

A man, too frightened to drop the portmanteau he carried on his shoulder, swung round and sent me staggering with a blow from the corner of his burden.	Какой-то человек, с перепугу не догадавшийся сбросить ношу с плеча, повернулся и углом своего чемодана так сильно ударил меня, что чуть не свалил с ног.
A woman thrust at me with her hand and rushed past me.	Какая-то женщина оттолкнула меня и бросилась бежать.
I turned with the rush of the people, but I was not too terrified for thought.	Я тоже побежал с толпой, но все же не потерял способности соображать.
The terrible Heat-Ray was in my mind.	Я подумал об ужасном тепловом луче.
To get under water!	Нырнуть в воду!
That was it!	Самое лучшее!

"Get under water!" I shouted, unheeded.	- Ныряйте! - кричал я, но никто меня не слушал.

I faced about again, and rushed towards the approaching Martian, rushed right down the gravelly beach and headlong into the water.	Я повернул и бросился вниз по отлогому берегу прямо навстречу приближающемуся марсианину и прыгнул в воду.
Others did the same.	Кто-то последовал моему примеру.
A boatload of people putting back came leaping out as I rushed past.	Я успел заметить, как только что отчалившая лодка, расталкивая людей, врезалась в берег.

The stones under my feet were muddy and slippery, and the river was so low that I ran perhaps twenty feet scarcely waist-deep.	Дно под ногами было скользкое от тины, а река так мелка, что я пробежал около двадцати футов, а вода доходила мне едва до пояса.
Then, as the Martian towered overhead scarcely a couple of hundred yards away, I flung myself forward under the surface.	Когда марсианин показался у меня над головой ярдах в двухстах, я лег плашмя в воду.
The splashes of the people in the boats leaping into the river sounded like thunderclaps in my ears.	В ушах у меня, как удары грома, отдавался плеск воды - люди прыгали с лодок.

People were landing hastily on both sides of the river.	Другие торопливо высаживались, взбирались на берег но обеим сторонам реки.
But the Martian machine took no more notice for the moment of the people running this way and that than a man would of the confusion of ants in a nest against which his foot has kicked.	Но марсианин обращал не больше внимания на мечущихся людей, чем человек на муравьев, снующих в муравейнике, на который он наступил ногой.

When, half suffocated, I raised my head above water, the Martian's hood pointed at the batteries that were still firing across the river, and as it advanced it swung loose what must have been the generator of the Heat-Ray.	Когда, задыхаясь, я поднял голову над водой, колпак марсианина был обращен к батареям, которые все еще обстреливали реку; приблизившись, он взмахнул чем-то, очевидно, генератором теплового луча.
In another moment it was on the bank, and in a stride wading halfway across.	В следующее мгновение он был уже на берегу и шагнул на середину реки.

The knees of its foremost legs bent at the farther bank, and in another moment it had raised itself to its full height again, close to the village of Shepperton.	Колени его передних ног упирались в противоположный берег. Еще мгновение - и он выпрямился во весь рост уже у самого поселка Шеппертон.
Forthwith the six guns which, unknown to anyone on the right bank, had been hidden behind the outskirts of that village, fired simultaneously.	Вслед за тем шесть орудий - никто не знал о них на правом берегу, так как они были скрыты у околицы, - дали залп.
The sudden near concussion, the last close upon the first, made my heart jump.	От внезапного сильного сотрясения сердце мое бешено заколотилось.

The monster was already raising the case generating the Heat-Ray as the first shell burst six yards above the hood.	Чудовище уже занесло камеру теплового луча, когда первый снаряд разорвался в шести ярдах над его колпаком.
I gave a cry of astonishment.	Я вскрикнул от удивления.
I saw and thought nothing of the other four Martian monsters; my attention was riveted upon the nearer incident.	Я забыл про остальных четырех марсиан: все мое внимание было поглощено происходившим.

Simultaneously two other shells burst in the air near the body as the hood twisted round in time to receive, but not in time to dodge, the fourth shell. The shell burst clean in the face of the Thing.	Почти одновременно с первым разорвались два других снаряда; колпак дернулся, уклоняясь от них, но четвертый снаряд ударил прямо в лицо марсианину.

The hood bulged, flashed, was whirled off in a dozen tattered fragments of red flesh and glittering metal.	Колпак треснул и разлетелся во все стороны клочьями красного мяса и сверкающего металла.
"Hit!" shouted I, with something between a scream and a cheer.	- Сбит! - закричал я не своим голосом.

I heard answering shouts from the people in the water about me.	Мой крик подхватили люди, стоявшие в реке вокруг меня.
I could have leaped out of the water with that momentary exultation.	От восторга я готов был выскочить из воды.
The decapitated colossus reeled like a drunken giant; but it did not fall over.	Обезглавленный колосс пошатнулся, как пьяный, но не упал, сохранив каким-то чудом равновесие.
It recovered its balance by a miracle, and, no longer heeding its steps and with the camera that fired the Heat-Ray now rigidly upheld, it reeled swiftly upon Shepperton.	Никем не управляемый, с высоко поднятой камерой, испускавшей тепловой луч, он быстро, но нетвердо зашагал по Шеппертону.

The living intelligence, the Martian within the hood, was slain and splashed to the four winds of heaven, and the Thing was now but a mere intricate device of metal whirling to destruction.	Его живой мозг, марсианин под колпаком, был разорван на куски, и чудовище стало теперь слепой машиной разрушения.
It drove along in a straight line, incapable of guidance. It struck the tower of Shepperton Church, smashing it down as the impact of a battering ram might have done, swerved aside, blundered on and collapsed with tremendous force into the river out of my sight.	Оно шагало по прямой линии, натолкнулось на колокольню шеппертонской церкви и, раздробив ее, точно тараном, шарахнулось, споткнулось и с грохотом рухнуло в реку.

A violent explosion shook the air, and a spout of water, steam, mud, and shattered metal shot far up into the sky.	Раздался оглушительный взрыв, и смерч воды, пара, грязи и обломков металла взлетел высоко в небо.
As the camera of the Heat- Ray hit the water, the latter had immediately flashed into steam.	Как только камера теплового луча погрузилась в воду, вода стала превращаться в пар.
In another moment a huge wave, like a muddy tidal bore but almost scaldingly hot, came sweeping round the bend upstream.	В ту же секунду огромная мутная волна, кипящая, обжигающая, покатилась против течения.

I saw people struggling shorewards, and heard their screaming and shouting faintly above the seething and roar of the Martian's collapse.	Я видел, как люди барахтались, стараясь выбраться на берег, и слышал их вопли, заглушаемые шумом бурлящей воды и грохотом бившегося марсианина.
For a moment I heeded nothing of the heat, forgot the patent need of self-preservation. I splashed through the tumultuous water, pushing aside a man in black to do so, until I could see round the bend.	Не обращая внимания на жар, позабыв про опасность, я поплыл по бурной реке, оттолкнув какого-то человека в черном, и добрался до поворота.
Half a dozen deserted boats pitched aimlessly upon the confusion of the waves.	С полдюжины пустых лодок беспомощно качались на волнах.

The fallen Martian came into sight downstream, lying across the river, and for the most part submerged.	Дальше, вниз по течению, поперек реки лежал упавший марсианин, почти весь под водой.

Thick clouds of steam were pouring off the wreckage, and through the tumultuously whirling wisps I could see, intermittently and vaguely, the gigantic limbs churning the water and flinging a splash and spray of mud and froth into the air.	Густые облака пара поднимались над местом падения, и сквозь их рваную колеблющуюся пелену по временам я смутно видел гигантские члены чудовища, дергавшегося в воде и выбрасывавшего в воздух фонтаны грязи и пены.

The tentacles swayed and struck like living arms, and, save for the helpless purposelessness of these movements, it was as if some wounded thing were struggling for its life amid the waves.	Щупальца размахивали и бились, как руки, и если бы не бесцельность этих движений, то можно было бы подумать, что какое-то раненое существо борется за жизнь среди волн.
Enormous quantities of a ruddy-brown fluid were spurting up in noisy jets out of the machine.	Красновато-бурая жидкость с громким шипением струей била вверх из машины.
My attention was diverted from this death flurry by a furious yelling, like that of the thing called a siren in our manufacturing towns.	Мое внимание было отвлечено от этого зрелища яростным ревом, напоминавшим реи паровой сирены.

A man, knee-deep near the towing path, shouted inaudibly to me and pointed.	Какой-то человек, стоя по колени в воде недалеко от берега, что-то крикнул мне, указывая пальцем, но я не мог разобрать его слов.
Looking back, I saw the other Martians advancing with gigantic strides down the riverbank from the direction of Chertsey.	Оглянувшись, я увидел других марсиан, направлявшихся огромными шагами от Чертси к берегу реки.
The Shepperton guns spoke this time unavailingly.	Пушки в Шеппертоне открыли огонь, но на этот раз безуспешно.

At that I ducked at once under water, and, holding my breath until movement was an agony, blundered painfully ahead under the surface as long as I could.	Я тут же нырнул и с трудом плыл, задерживая дыхание, пока хватало сил.
The water was in a tumult about me, and rapidly growing hotter.	Вода бурлила и быстро нагревалась.
When for a moment I raised my head to take breath and throw the hair and water from my eyes, the steam was rising in a whirling white fog that at first hid the Martians altogether.	Когда я вынырнул на минуту, чтобы перевести дыхание, и отбросил волосы с глаз, то увидел, что кругом белыми клубами поднимается пар, скрывающий марсиан.
The noise was deafening.	Шум был оглушительный.

Then I saw them dimly, colossal figures of grey, magnified by the mist.	Затем я увидел серых колоссов, казавшихся в тумане еще огромнее.
They had passed by me, and two were stooping over the frothing, tumultuous ruins of their comrade.	Они прошли мимо, и двое из них нагнулись над пенящимися, содрогающимися останками своего товарища.
The third and fourth stood beside him in the water, one perhaps two hundred yards from me, the other towards Laleham.	Третий и четвертый тоже остановились, один -ярдах в двухстах от меня, другой - ближе к Лэйлхему.
The generators of the Heat-Rays waved high, and the hissing beams smote down this way and that.	Г енераторы теплового луча были высоко подняты, и лучи с шипением падали в разные стороны.

The air was full of sound, a deafening and confusing conflict of noises--the clangorous din of the Martians, the crash of falling houses, the thud of trees, fences, sheds flashing into flame, and the crackling and roaring of fire.	Воздух звенел от оглушительного хаоса звуков: металлический рев марсиан, грохот рушащихся домов, треск охваченных пламенем деревьев, заборов, сараев, гул и шипение огня.
Dense black smoke was leaping up to mingle with the steam from the river, and as the Heat-Ray went to and fro over Weybridge its impact was marked by flashes of incandescent white, that gave place at once to a smoky dance of lurid flames.	Густой черный дым поднимался вверх и смешивался с клубами пара над рекой. Прикосновение теплового луча, скользившего по Уэйбриджу, вызывало вспышки ослепительно белого пламени, за которыми следовала дымная пляска языков огня.

The nearer houses still stood intact, awaiting their fate, shadowy, faint and pallid in the steam, with the fire behind them going to and fro.	Ближайшие дома все еще стояли нетронутыми, ожидая своей участи, сумрачные, тусклые, окутанные паром, а позади них метался огонь.
For a moment perhaps I stood there, breast-high in the almost boiling water, dumbfounded at my position, hopeless of escape.	С минуту я стоял по грудь в почти кипящей воде, растерянный, не надеясь спастись.

Through the reek I could see the people who had been with me in the river scrambling out of the water through the reeds, like little frogs hurrying through grass from the advance of a man, or running to and fro in utter dismay on the towing path.	Сквозь пар я видел, как люди вылезают из воды, цепляясь за камыши, точно лягушки, прыгающие по траве; другие в панике метались по берегу.
Then suddenly the white flashes of the Heat-Ray came leaping towards me.	Вдруг белые вспышки теплового луча стали приближаться ко мне.
The houses caved in as they dissolved at its touch, and darted out flames; the trees changed to fire with a roar.	От его прикосновения рухнули охваченные пламенем дома; деревья с громким треском обратились в огненные столбы.

The Ray flickered up and down the towing path, licking off the people who ran this way and that, and came down to the water's edge not fifty yards from where I stood. It swept across the river to Shepperton, and the water in its track rose in a boiling weal crested with steam.	Луч скользил вверх и вниз по береговой тропинке, сметая разбегавшихся людей, и наконец спустился до края воды, ярдах в пятидесяти от того места, где я стоял, потом перенесся на другой берег, к Шеппертону, и вода под ним закипела и стала обращаться в пар.
I turned shoreward.	Я бросился к берегу.
In another moment the huge wave, well-nigh at the boiling-point had rushed upon me.	В следующую минуту огромная волна, почти кипящая, обрушилась на меня.

I screamed aloud, and scalded, half blinded, agonised, I staggered through the leaping, hissing water towards the shore.	Я закричал и, полуслепой, обваренный, не помня себя от боли, стал выбираться на берег.
Had my foot stumbled, it would have been the end.	Поскользнись я - и все было бы кончено.
I fell helplessly, in full sight of the Martians, upon the broad, bare gravelly spit that runs down to mark the angle of the Wey and Thames.	Я упал, обессиленный, на глазах у марсиан на широкой песчаной отмели, где под углом сходятся Уэй и Темза.
I expected nothing but death.	Я не сомневался, что меня ожидает, смерть.

I have a dim memory of the foot of a Martian coming down within a score of yards of my head, driving straight into the loose gravel, whirling it this way and that and lifting again; of a long suspense, and then of the four carrying the debris of their comrade between them, now clear and then presently faint through a veil of smoke, receding interminably, as it seemed to me, across a vast space of river	Помню как во сне, что нога марсианина прошла ярдах в двадцати от моей головы, увязая в песке, разворачивая его и снова вылезая наружу, потом, после долгого томительного промежутка, я увидел, как четыре марсианина пронесли останки своего товарища; они шли, то ясно различимые, то скрытые пеленой дыма, расползавшегося по реке и лугам.

And then, very slowly, I realised that by a miracle I had escaped. CHAPTER THIRTEEN HOW I FELL IN WITH THE CURATE	Потом очень медленно я начал осознавать, что каким-то чудом избежал гибели. 13. Встреча со священником

After getting this sudden lesson in the power of terrestrial weapons, the Martians retreated to their original position upon Horsell Common; and in their haste, and encumbered with the debris of their smashed companion, they no doubt overlooked many such a stray and negligible victim as myself.	Испытав на себе столь неожиданным образом силу земного оружия, марсиане отступили к своим первоначальным позициям на Хорселлской пустоши; они торопились унести останки своего разорванного снарядом товарища и поэтому не обращали внимания на таких жалких беглецов, как я.

Had they left their comrade and pushed on forthwith, there was nothing at that time between them and London but batteries of twelve-pounder guns, and they would certainly have reached the capital in advance of the tidings of their approach; as sudden, dreadful, and destructive their advent would have been as the earthquake that destroyed Lisbon a century ago.	Если бы они бросили его и двинулись дальше, то не встретили бы на своем пути никакого сопротивления, кроме нескольких батарей пушек-двенадцатифунтовок, и, конечно, достигли бы Лондона раньше, чем туда дошла бы весть об их приближении. Их нашествие было бы так же внезапно, губительно и страшно, как землетрясение, разрушившее сто лет назад Лиссабон .

But they were in no hurry.	Впрочем, им нечего было спешить.
Cylinder followed cylinder on its interplanetary flight; every twenty-four hours brought them reinforcement.	Из межпланетного пространства каждые двадцать четыре часа, доставляя им подкрепление, падало по цилиндру.
And meanwhile the military and naval authorities, now fully alive to the tremendous power of their antagonists, worked with furious energy.	Между тем военные и морские власти готовились с лихорадочной поспешностью, уразумев наконец ужасную силу противника.

Every minute a fresh gun came into position until, before twilight, every copse, every row of suburban villas on the hilly slopes about Kingston and Richmond, masked an expectant black muzzle.	Ежеминутно устанавливались новые орудия. Еще до наступления сумерек из каждого куста, из каждой пригородной дачи на холмистых склонах близ Кингстона и Ричмонда уже торчало черное пушечное жерло.

And through the charred and desolated area--perhaps twenty square miles altogether--that encircled the Martian encampment on Horsell Common, through charred and ruined villages among the green trees, through the blackened and smoking arcades that had been but a day ago pine spinneys, crawled the devoted scouts with the heliographs that	На всем обугленном и опустошенном пространстве в двадцать квадратных миль вокруг лагеря марсиан на Хорселлской пустоши, среди пепелищ и развалин, под черными, обгорелыми остатками сосновых лесов, ползли самоотверженные разведчики с гелиографами, готовые тотчас же предупредить артиллерию о приближении марсиан.

But the Martians now understood our command of artillery and the danger of human proximity, and not a man ventured within a mile of either cylinder, save at the price of his life.	Но марсиане поняли мощь нашей артиллерии и опасность близости людей: всякий, кто дерзнул бы подойти к одному из цилиндров ближе, чем на милю, поплатился бы жизнью.
It would seem that these giants spent the earlier part of the afternoon in going to and fro, transferring everything from the second and third cylinders--the second in Addlestone Golf Links and the third at Pyrford--to their original pit on Horsell Common.	По-видимому, гиганты потратили дневные часы на переноску груза второго и третьего цилиндров - второй упал у Аддлстона на площадке для игры в гольф, третий у Пирфорда - к своей яме на Хорселлской пустоши.

Over that, above the blackened heather and ruined buildings that stretched far and wide, stood one as sentinel, while the rest abandoned their vast fighting-machines and descended into the pit.	Возвышаясь над почерневшим вереском и разрушенными строениями, стоял на часах один марсианин, остальные же спустились со своих боевых машин в яму.
They were hard at work there far into the night, and the towering pillar of dense green smoke that rose therefrom could be seen from the hills about Merrow, and even, it is said, from Banstead and Epsom Downs.	Они усердно работали до поздней ночи, и из ямы вырывались клубы густого зеленого дыма, который был виден с холмов Мерроу и даже, как говорят, из Бенстеда и Эпсома.

And while the Martians behind me were thus preparing for their next sally, and in front of me Humanity gathered for the battle, I made my way with infinite pains and labour from the fire and smoke of burning Weybridge towards London.	Пока позади меня марсиане готовились к новой вылазке, а впереди человечество собиралось дать им отпор, я с великим трудом и мучениями пробирался от дымящихся пожарищ Уэйбриджа к Лондону.
I saw an abandoned boat, very small and remote, drifting downstream; and throwing off the most of my sodden clothes, I went after it, gained it, and so escaped out of that destruction.	Увидев вдали плывшую вниз по течению пустую лодку, я сбросил большую часть своего промокшего платья, подплыл к ней и таким образом выбрался из района разрушений.

There were no oars in the boat, but I contrived to paddle, as well as my parboiled hands would allow, down the river towards Halliford and Walton, going very tediously and continually looking behind me, as you may well understand.	Весел не было, но я подгребал, сколько мог, обожженными руками и очень медленно подвигался к Голлифорду и Уолтону, то и дело, по вполне понятным причинам, боязливо оглядываясь назад.
I followed the river, because I considered that the water gave me my best chance of escape should these giants return.	Я предпочел водный путь, так как на воде легче было спастись в случае встречи с гигантами.
The hot water from the Martian's overthrow drifted downstream with me, so that for the best part of a mile I could see little of either bank.	Г орячая вода, вскипевшая при падении марсианина, текла вниз по реке, и поэтому почти на протяжении мили оба берега были скрыты паром.

Once, however, I made out a string of black figures hurrying across the meadows from the direction of Weybridge.	Впрочем, один раз мне удалось разглядеть черные фигурки людей, бежавших через луга прочь от Уэйбриджа.
Halliford, it seemed, was deserted, and several of the houses facing the river were on fire.	Г оллифорд казался вымершим, несколько домов у берега горело.
It was strange to see the place quite tranquil, quite desolate under the hot blue sky, with the smoke and little threads of flame going straight up into the heat of the afternoon.	Странно было видеть под знойным голубым небом спокойное и безлюдное селение, над которым взлетали языки пламени и клубился дым.

Never before had I seen houses burning without the accompaniment of an obstructive crowd.	Первый раз видел я пожар без суетящейся кругом толпы.

A little farther on the dry reeds up the bank were smoking and glowing, and a line of fire inland was marching steadily across a late field of hay.	Сухой камыш на отмели дымился и вспыхивал, и огонь медленно подбирался к стогам сена, стоявшим поодаль.
For a long time I drifted, so painful and weary was I after the violence I had been through, and so intense the heat upon the water.	Долго я плыл по течению, усталый и измученный своими пережитыми передрягами. Даже на воде было очень жарко.
Then my fears got the better of me again, and I resumed my paddling.	Однако страх был сильнее усталости, и я снова стал грести руками.
The sun scorched my bare back.	Солнце жгло мою обнаженную спину.

At last, as the bridge at Walton was coming into sight round the bend, my fever and faintness overcame my fears, and I landed on the Middlesex bank and lay down, deadly sick, amid the long grass.	Наконец, когда за поворотом показался Уолтонский мост, лихорадка и слабость преодолели страх, и я причалил к отмели Миддлсэкса и в полном изнеможении упал на траву.
I suppose the time was then about four or five o'clock.	Судя по солнцу, было около пяти часов.
I got up presently, walked perhaps half a mile without meeting a soul, and then lay down again in the shadow of a hedge.	Потом я встал, прошел с полмили, никого не встретив, и снова улегся в тени живой изгороди.
I seem to remember talking, wanderingly, to myself during that last spurt.	Помню, я говорил сам с собой вслух, как в бреду.

I was also very thirsty, and bitterly regretful I had drunk no more water.	Меня томила жажда, и я жалел, что не напился на реке.
It is a curious thing that I felt angry with my wife; I cannot account for it, but my impotent desire to reach Leatherhead worried me excessively.	Странное дело, я почему-то злился на свою жену; меня очень раздражало, что я никак не мог добраться до Лезерхэда.
I do not clearly remember the arrival of the curate, so that probably I dozed.	Я не помню, как появился священник, - вероятно, я задремал.

I became aware of him as a seated figure in soot-smudged shirt sleeves, and with his upturned, clean-shaven face staring at a faint flickering that danced over the sky.	Я увидел, что он сидит рядом со мной в выпачканной сажей рубашке; подняв кверху гладко выбритое лицо, он, не отрываясь, смотрел на бледные отблески, пробегавшие по небу.
The sky was what is called a mackerel sky--rows and rows of faint down-plumes of cloud, just tinted with the midsummer sunset.	Небо было покрыто барашками - грядами легких, пушистых облачков, чуть окрашенных летним закатом.
I sat up, and at the rustle of my motion he looked at me quickly.	Я привстал, и он быстро обернулся ко мне.
"Have you any water?" I asked abruptly.	- У вас есть вода? - спросил я.
He shook his head.	Он отрицательно покачал головой.

"You have been asking for water for the last hour," he said.	- Вы уже целый час просите пить, - сказал он.
For a moment we were silent, taking stock of each other.	С минуту мы молчали, разглядывая друг друга.

I dare say he found me a strange enough figure, naked, save for my water-soaked trousers and socks, scalded, and my face and shoulders blackened by the smoke.	Вероятно, я показался ему странным: почти голый - на мне были только промокшие насквозь брюки и носки, - красный от ожогов, с лицом и шеей черными от дыма.

His face was a fair weakness, his chin retreated, and his hair lay in crisp, almost flaxen curls on his low forehead; his eyes were rather large, pale blue, and blankly staring.	У него было лицо слабовольного человека, срезанный подбородок, волосы спадали льняными завитками на низкий лоб, большие бледно-голубые глаза смотрели пристально и грустно.
He spoke abruptly, looking vacantly away from me.	Он говорил отрывисто, уставясь в пространство.
"What does it mean?" he said. "What do these things mean?"	- Что такое происходит?- опросил он. - Что значит все это?
I stared at him and made no answer.	Я посмотрел на него и ничего не ответил.
He extended a thin white hand and spoke in almost a complaining tone.	Он простер белую тонкую руку и заговорил жалобно:

"Why are these things permitted?	- Как могло это случиться?
What sins have we done?	Чем мы согрешили?
The morning service was over, I was walking through the roads to clear my brain for the afternoon, and then-- fire, earthquake, death!	Я кончил утреннюю службу и прогуливался по дороге, чтобы освежить, голову и приготовиться к проповеди, и вдруг - огонь, землетрясение, смерть!
As if it were Sodom and Gomorrah!	Содом и Гоморра!
All our work undone, all the work— What are these Martians?"	Все наши труды пропали, все труды... Кто такие эти марсиане?
"What are we?" I answered, clearing my throat.	- А кто такие мы сами? - ответил я, откашливаясь.

He gripped his knees and turned to look at me again.	Он обхватил колени руками и снова повернулся ко мне.
For half a minute, perhaps, he stared silently.	С полминуты он молча смотрел на меня.
"I was walking through the roads to clear my brain," he said. "And suddenly--fire, earthquake, death!"	- Я прогуливался по дороге, чтобы освежить голову, - повторил он. - И вдруг - огонь, землетрясение, смерть!
He relapsed into silence, with his chin now sunken almost to his knees.	Он снова замолчал; подбородок его почти касался колец.
Presently he began waving his hand.	Потом опять заговорил, размахивая рукой:

"All the work--all the Sunday schools--What have we done--what has Weybridge done?	-Все труды... все воскресные школы... Чем мы провинились? Чем провинился Уэйбридж?
Everything gone--everything destroyed.	Все исчезло, все разрушено.
The church!	Церковь!
We rebuilt it only three years ago.	Мы только три года назад заново ее отстроили.
Gone! Swept out of existence!	И вот она исчезла, стерта с лица земли!
Why?"	За что?

Another pause, and he broke out again like one demented.	Новая пауза, и опять он заговорил, как помешанный.

"The smoke of her burning goeth up for ever and ever!" he shouted.	- Дым от этого пожарища будет вечно возноситься к небу! - воскликнул он.
His eyes flamed, and he pointed a lean finger in the direction of Weybridge.	Его глаза блеснули, тонкий палец указывал на Уэйбридж.
By this time I was beginning to take his measure.	Я начал догадываться, что это душевнобольной.
The tremendous tragedy in which he had been involved--it was evident he was a fugitive from Weybridge--had driven him to the very verge of his reason.	Страшная трагедия, свидетелем которой он оказался - очевидно, он спасся бегством из Уэйбриджа, - довела его до сумасшествия.

"Are we far from Sunbury?" I said, in a matter-of-fact tone.	- Далеко отсюда до Санбэри? - спросил я деловито.
"What are we to do?" he asked. "Are these creatures everywhere?	- Что же нам делать? - сказал он. - Неужели эти исчадия повсюду?
Has the earth been given over to them?"	Неужели земля отдана им во власть?
"Are we far from Sunbury?"	- Далеко отсюда до Санбэри?
"Only this morning I officiated at early celebration—"	- Ведь только сегодня утром я служил раннюю обедню...
"Things have changed," I said, quietly. "You must keep your head.	- Обстоятельства изменились, - сказал я спокойно. - Не отчаивайтесь.

There is still hope."	Есть еще надежда.
"Hope!"	- Надежда!
"Yes. Plentiful hope--for all this destruction!"	- Да, надежда, несмотря на весь этот ужас!
I began to explain my view of our position.	Я стал излагать ему свой взгляд на наше положение.
He listened at first, but as I went on the interest dawning in his eyes gave place to their former stare, and his regard wandered from me.	Сперва он слушал с интересом; но скоро впал в прежнее безразличие и отвернулся.
"This must be the beginning of the end," he said, interrupting me. "The end!	- Это - начало конца, - прервал он меня. - Конец.

The great and terrible day of the Lord!	День Страшного суда.
When men shall call upon the mountains and the rocks to fall upon them and hide them--hide them from the face of Him that sitteth upon the throne!"	Люди будут молить горы и скалы упасть на них и скрыть от лица сидящего на престоле.
I began to understand the position.	Его слова подтвердили мою догадку.
I ceased my laboured reasoning, struggled to my feet, and, standing over him, laid my hand on his shoulder.	Собравшись с мыслями, я встал и положил ему руку на плечо.
"Be a man!" said I. "You are scared out of your wits!	- Будьте мужчиной, - сказал я. - Вы просто потеряли голову.

What good is religion if it collapses under calamity?	Хороша вера, если она не может устоять перед несчастьем.

Think of what earthquakes and floods, wars and volcanoes, have done before to men!	Подумайте, сколько раз в истории человечества бывали землетрясения, потопы, войны и извержения вулканов.
Did you think God had exempted Weybridge?	Почему бог должен был сделать исключение для Уэйбриджа?..
He is not an insurance agent."	Ведь бог не страховой агент.
For a time he sat in blank silence.	Он молча слушал.
"But how can we escape?" he asked, suddenly. "They are invulnerable, they are pitiless."	- Но как мы можем спастись? - вдруг спросил он. -Они неуязвимы, они безжалостны...

"Neither the one nor, perhaps, the other," I answered. "And the mightier they are the more sane and wary should we be.	- Может быть, ни то, ни другое, - ответил я. - И чем могущественнее они, тем разумнее и осторожнее должны быть мы.
One of them was killed yonder not three hours ago."	Один из них убит три часа назад.
"Killed!" he said, staring about him. "How can God's ministers be killed?"	- Убит? - воскликнул он, взглянув на меня. - Разве может быть убит вестник божий?
"I saw it happen." I proceeded to tell him. "We have chanced to come in for the thick of it," said I, "and that is all."	- Я видел это, - продолжал я. - Мы с вами попали как раз в самую свалку, только и всего.

"What is that flicker in the sky?" he asked abruptly.	- Что это там мигает в небе? - вдруг спросил он.
I told him it was the heliograph signalling--that it was the sign of human help and effort in the sky.	Я объяснил ему, что это сигналы гелиографа и что они означают помощь, которую несут нам люди.
"We are in the midst of it," I said, "quiet as it is.	- Мы находимся как раз в самой гуще, хотя кругом все спокойно.
That flicker in the sky tells of the gathering storm.	Мигание в небе возвещает о приближающейся грозе.

Yonder, I take it are the Martians, and Londonward, where those hills rise about Richmond and Kingston and the trees give cover, earthworks are being thrown up and guns are being placed.	Вот там, думается мне, марсиане, а в стороне Лондона, там, где холмы возвышаются над Ричмондом и Кингстоном, под прикрытием деревьев роют траншеи и устанавливают орудия.
Presently the Martians will be coming this way again."	Марсиане, вероятно, пойдут по этой дороге.
And even as I spoke he sprang to his feet and stopped me by a gesture.	Не успел я кончить, как он вскочил и остановил меня жестом.
"Listen!" he said.	- Слушайте! - сказал он.

From beyond the low hills across the water came the dull resonance of distant guns and a remote weird crying.	Из-за низких холмов за рекой доносился глухой гул отдаленной орудийной пальбы и какой-то далекий жуткий крик.
Then everything was still.	Потом все стихло.
A cockchafer came droning over the hedge and past us.	Майский жук перелетел через изгородь мимо нас.
High in the west the crescent moon hung faint and pale above the smoke of Weybridge and Shepperton and the hot, still splendour of the sunset.	На западе, высоко, над дымом, застилавшим Уэйбридж и Шеппертон, под великолепным, торжественным закатом, поблескивал бледный нарождающийся месяц.

"We had better follow this path," I said, "northward." CHAPTER FOURTEEN IN LONDON	- Нам надо идти этой тропинкой к северу, - сказал я. 14. В Лондоне
My younger brother was in London when the Martians fell at Woking.	Мой младший брат находился в Лондоне в то время, когда в Уокинге упал цилиндр.
He was a medical student working for an imminent examination, and he heard nothing of the arrival until Saturday morning.	Он был студентом-медиком и готовился к предстоящему экзамену; до субботы он ничего не слышал о прибытии марсиан.

The morning papers on Saturday contained, in addition to lengthy special articles on the planet Mars, on life in the planets, and so forth, a brief and vaguely worded telegram, all the more striking for its brevity.	Утренние субботние газеты в дополнение к длинным специальным статьям о Марсе, о жизни на нем и так далее напечатали довольно туманное сообщение, которое поражало своей краткостью.
The Martians, alarmed by the approach of a crowd, had killed a number of people with a quick-firing gun, so the story ran.	Сообщалось, что марсиане", напуганные приближением толпы, убили нескольких человек при помощи какой-то скорострельной пушки.
The telegram concluded with the words:	Телеграмма заканчивалась словами:

"Formidable as they seem to be, the Martians have not moved from the pit into which they have fallen, and, indeed, seem incapable of doing so.	"Марсиане, хотя и кажутся грозными, не вылезли из ямы, в которую упал их снаряд, и, очевидно, не могут этого сделать.
Probably this is due to the relative strength of the earth's gravitational energy."	Вероятно, это вызвано большей силой земного притяжения".
On that last text their leader-writer expanded very comfortingly.	В передовицах особенно подчеркивалось это последнее обстоятельство.

Of course all the students in the crammer's biology class, to which my brother went that day, were intensely interested, but there were no signs of any unusual excitement in the streets.	Конечно, все студенты, готовившиеся к экзамену по биологии в стенах университета, куда отправился в тот день и мой брат, очень заинтересовались сообщением, но на улицах не замечалось особенного оживления.
The afternoon papers puffed scraps of news under big headlines.	Вечерние газеты вышли с сенсационными заголовками.
They had nothing to tell beyond the movements of troops about the common, and the burning of the pine woods between Woking and Weybridge, until eight.	Однако они сообщали только о движении войск к пустоши и о горящих сосновых лесах между Уокингом и Уэйбриджем. В восемь часов

Then the St. James's Gazette, in an extra-special edition, announced the bare fact of the interruption of telegraphic communication.	"Сент-Джеймс газэтт" в экстренном выпуске кратко сообщила о порче телеграфа.
This was thought to be due to the falling of burning pine trees across the line.	Предполагали, что линия повреждена упавшими вследствие пожара соснами.
Nothing more of the fighting was known that night, the night of my drive to Leatherhead and back.	В эту ночь - в ночь, когда я ездил в Лезерхэд и обратно, - еще ничего не было известно о сражении.

My brother felt no anxiety about us, as he knew from the description in the papers that the cylinder was a good two miles from my house.	Брат не беспокоился о нас, так как знал из газет, что цилиндр находится по меньшей мере в двух милях от моего дома.
He made up his mind to run down that night to me, in order, as he says, to see the Things before they were killed.	Он собирался поехать ко мне в эту же ночь, чтобы, как он потом рассказывал, посмотреть на чудовищ, пока их не уничтожили.

He dispatched a telegram, which never reached me, about four o'clock, and spent the evening at a music hall.	Он послал мне телеграмму в четыре часа, а вечером отправился в мюзик-холл; телеграмма до меня так и не дошла.

In London, also, on Saturday night there was a thunderstorm, and my brother reached Waterloo in a cab.	В Лондоне в ночь под воскресенье тоже разразилась гроза, и брат мой доехал до вокзала Ватерлоо на извозчике.
On the platform from which the midnight train usually starts he learned, after some waiting, that an accident prevented trains from reaching Woking that night.	На платформе, откуда обыкновенно отправляется двенадцатичасовой поезд, он узнал, что в эту ночь поезда почему-то не доходят до Уокинга.

The nature of the accident he could not ascertain; indeed, the railway authorities did not clearly know at that time.	Почему, он так и не мог добиться: железнодорожная администрация и та толком ничего не знала.

There was very little excitement in the station, as the officials, failing to realise that anything further than a breakdown between Byfleet and Woking junction had occurred, were running the theatre trains which usually passed through Woking round by Virginia Water or Guildford.	На вокзале не заметно было никакого волнения; железнодорожники предполагали, что произошло крушение между Байфлитом и узловой станцией Уокинг. Вечерние поезда, шедшие обычно через Уокинг, направлялись через Вирджиния-Уотер или Гилдфорд.

They were busy making the necessary arrangements to alter the route of the Southampton and Portsmouth Sunday League excursions.	Много хлопот доставила железнодорожникам перемена маршрута экскурсии саутгемптонской и портсмутской Воскресной лиги.
A nocturnal newspaper reporter, mistaking my brother for the traffic manager, to whom he bears a slight resemblance, waylaid and tried to interview him.	Какой-то репортер вечерней газеты, приняв брата по ошибке за начальника движения, на которого брат немного походил, пытался взять у него интервью.

Few people, excepting the railway officials, connected the breakdown with the Martians.	Почти никто, не исключая и железнодорожников, не ставил крушение в связь с марсианами.
I have read, in another account of these events, that on Sunday morning "all London was electrified by the news from Woking."	Я потом читал в какой-то газете, будто бы еще утром в воскресенье "весь Лондон был наэлектризован сообщениями из Уокинга".
As a matter of fact, there was nothing to justify that very extravagant phrase.	В действительности ничего подобного не было.

Plenty of Londoners did not hear of the Martians until the panic of Monday morning.	Большинство жителей Лондона впервые услышало о марсианах только в понедельник утром, когда разразилась паника.
Those who did took some time to realise all that the hastily worded telegrams in the Sunday papers conveyed.	Даже те, кто читал газеты, не сразу поняли наспех составленное сообщение.
The majority of people in London do not read Sunday papers.	Большинство же лондонцев воскресных газет не читает.

The habit of personal security, moreover, is so deeply fixed in the Londoner's mind, and startling intelligence so much a matter of course in the papers, that they could read without any personal tremors:	Кроме того, лондонцы так уверены в своей личной безопасности, а сенсационные утки так обычны в газетах, что никто не был особенно обеспокоен следующим заявлением:

"About seven o'clock last night the Martians came out of the cylinder, and, moving about under an armour of metallic shields, have completely wrecked Woking station with the adjacent houses, and massacred an entire battalion of the Cardigan Regiment.	"Вчера, около семи часов пополудни, марсиане вышли из цилиндра и, двигаясь под защитой брони из металлических щитов, до основания разрушили станцию Уокинг и окрестные дома и уничтожили целый батальон Кардиганского полка.
No details are known.	Подробности неизвестны.
Maxims have been absolutely useless against their armour; the field guns have been disabled by them.	Пулеметы "максим" оказались бессильными против их брони; полевые орудия были выведены из строя.

Flying hussars have been galloping into Chertsey.	В Чертси направлены разъезды гусар.
The Martians appear to be moving slowly towards Chertsey or Windsor.	Марсиане, по-видимому, медленно продвигаются к Чертси или Виндзору.
Great anxiety prevails in West Surrey, and earthworks are being thrown up to check the advance Londonward."	В Западном Сэррее царит тревога. Возводятся земляные укрепления, чтобы преградить доступ к Лондону".

That was how the Sunday Sun put it, and a clever and remarkably prompt "handbook" article in the Referee compared the affair to a menagerie suddenly let loose in a village.	Это было напечатано в "Сандисан", а в "Рефери" остроумный фельетонист писал, что все это смахивает на панику в деревне, где неожиданно разбежался кочующий зверинец.
No one in London knew positively of the nature of the armoured Martians, and there was still a fixed idea that these monsters must be sluggish: "crawling," "creeping painfully"--such expressions occurred in almost all the earlier reports.	Никто в Лондоне толком не знал, что такое эти бронированные марсиане, но почему-то упорно держался слух, что чудовища очень неповоротливы; "ползают", "с трудом тащатся" -вот выражения, которые встречались почти во всех первых сообщениях.

None of the telegrams could have been written by an eyewitness of their advance.	Ни одна из телеграмм не составлялась очевидцами событий.
The Sunday papers printed separate editions as further news came to hand, some even in default of it.	Воскресные газеты печатали экстренные выпуски по мере получения свежих новостей и даже когда их не было.

But there was practically nothing more to tell people until late in the afternoon, when the authorities gave the press agencies the news in their possession. It was stated that the people of Walton and Weybridge, and all the district were pouring along the roads Londonward, and that was all.	Только вечером газеты получили правитель-ственное сообщение, что население Уолтона, Уэй-бриджа и всего округа эвакуируется в Лондон, - и больше ничего.
My brother went to church at the Foundling Hospital in the morning, still in ignorance of what had happened on the previous night.	Утром брат пошел в цер-ковь при приютской больнице, все еще не зная о том, что случи-лось прошлой ночью.

There he heard allusions made to the invasion, and a special prayer for peace.	В проповеди пастора он уловил туманные намеки на какое-то вторжение; кроме того, была прочтена особая молитва о ниспослании мира.
Coming out, he bought a Referee.	Выйдя из церкви, брат купил номер "Рефери".
He became alarmed at the news in this, and went again to Waterloo station to find out if communication were restored.	Встревоженный новостями, он отправился на вокзал Ватерлоо узнать, восстановлено ли железнодорожное движение.

The omnibuses, carriages, cyclists, and innumerable people walking in their best clothes seemed scarcely affected by the strange intelligence that the news venders were disseminating.	На улицах было обычное праздничное оживление - омнибусы, экипажи, велосипеды, много разодетой публики; никто не был особенно взволнован неожиданными известиями, которые выкрикивали газетчики.
People were interested, or, if alarmed, alarmed only on account of the local residents.	Все были заинтригованы, но если кто и беспокоился, то не за себя, а за своих родных вне города.
At the station he heard for the first time that the Windsor and Chertsey lines were now interrupted.	На вокзале он в первый раз услыхал, что на Виндзор и Чертси поезда не ходят.

The porters told him that several remarkable telegrams had been received in the morning from Byfleet and Chertsey stations, but that these had abruptly ceased.	Носильщики сказали ему, что со станций Байфлит и Чертси было получено утром несколько важных телеграмм, но что теперь телеграф почему-то не работает.
My brother could get very little precise detail out of them.	Брат не мог добиться от них более точных сведений.
"There's fighting going on about Weybridge" was the extent of their information.	"Около Уэйбриджа идет бой" - вот все, что они знали.
The train service was now very much disorganised.	Движение поездов было нарушено.

Quite a number of people who had been expecting friends from places on the South-Western network were standing about the station.	На платформе стояла толпа ожидавших приезда родных и знакомых с юго-запада.
One grey-headed old gentleman came and abused the South-Western Company bitterly to my brother.	Какой- то седой джентльмен вслух ругал Юго-Западную компанию.
"It wants showing up," he said.	- Их нужно подтянуть! - ворчал он.

One or two trains came in from Richmond, Putney, and Kingston, containing people who had gone out for a day's boating and found the locks closed and a feeling of panic in the air.	Пришли один-два поезда из Ричмонда, Путни и Кингстона с публикой, выехавшей на праздник покататься на лодках; эти люди рассказывали, что шлюзы заперты и что чувствуется тревога.
A man in a blue and white blazer addressed my brother, full of strange tidings.	Мой брат разговорился с молодым человеком в синем спортивном костюме.

"There's hosts of people driving into Kingston in traps and carts and things, with boxes of valuables and all that," he said. "They come from Molesey and Weybridge and Walton, and they say there's been guns heard at Chertsey, heavy firing, and that mounted soldiers have told them to get off at once because the Martians are coming.	- Куча народу едет в Кингстон на повозках, на телегах, на чем попало, с сундуками, со всем скарбом, - рассказывал тот. - Едут из Молси, Уэйбриджа, Уолтона и говорят, что около Чертси слышна канонада и что кавалеристы велели им поскорей выбираться, потому что приближаются марсиане.
We heard guns firing at Hampton Court station, but we thought it was thunder.	Мы слышали стрельбу из орудий у станции Хэмптон-Корт, но подумали, что это гром.
What the dickens does it all mean?	Что значит вся эта чертовщина?

The Martians can't get out of their pit, can they?"	Ведь марсиане не могут вылезти из своей ямы, правда?
My brother could not tell him.	Мой брат ничего не мог на это ответить.

Afterwards he found that the vague feeling of alarm had spread to the clients of the underground railway, and that the Sunday excursionists began to return from all over the South-Western "lung"--Barnes, Wimbledon, Richmond Park, Kew, and so forth-- at unnaturally early hours; but not a soul had anything more than vague hearsay to tell of.	Немного спустя он заметил, что какое-то смутное беспокойство передается и пассажирам подземной железной дороги; воскресные экскурсанты начали почему-то раньше времени возвращаться из всех юго-западных окрестностей: из Барнса, Уимблдона, Ричмонд-парка, Кью и других; но никто не мог сообщить ничего, кроме туманных слухов.
Everyone connected with the terminus seemed ill-tempered.	Все пассажиры, возвращающиеся с конечной станции, навались, были чем-то обеспокоены.

About five o'clock the gathering crowd in the station was immensely excited by the opening of the line of communication, which is almost invariably closed, between the South-Eastern and the South-Western stations, and the passage of carriage trucks bearing huge guns and carriages crammed with soldiers.	Около пяти часов собравшаяся на вокзале публика была очень удивлена открытием движения между Юго-Восточной и Юго-Западной линиями, обычно закрытого, а также появлением воинских эшелонов и платформ с тяжелыми орудиями.
These were the guns that were brought up from Woolwich and Chatham to cover Kingston.	Это были орудия из Вулвича и Чатама для защиты Кингстона.

There was an exchange of pleasantries:	Публика обменивалась шутками с солдатами:
"You'll get eaten!"	"Они вас съедят",
"We're the beast-tamers!" and so forth.	"Идем укрощать зверей" - и так далее.
A little while after that a squad of police came into the station and began to clear the public off the platforms, and my brother went out into the street again.	Вскоре явился отряд полицейских и стал очищать вокзал от публики. Мой брат снова вышел на улицу.

The church bells were ringing for evensong, and a squad of Salvation Army lassies came singing down Waterloo Road.	Колокола звонили к вечерне, и колонна девиц из Армии спасения шла с пением по Ватерлоо-роуд.
On the bridge a number of loafers were watching a curious brown scum that came drifting down the stream in patches.	На мосту толпа любопытных смотрела на странную бурую пену, клочьями плывшую вниз по течению.

The sun was just setting, and the Clock Tower and the Houses of Parliament rose against one of the most peaceful skies it is possible to imagine, a sky of gold, barred with long transverse stripes of reddish-purple cloud.	Солнце садилось, Башни Биг-Бэна и Палаты Парламента четко вырисовывались на ясном, безмятежном небе; оно было золотистое, о красновато-лиловыми полосами.
There was talk of a floating body.	Говорили, что под мостом проплыло мертвое тело.
One of the men there, a reservist he said he was, told my brother he had seen the heliograph flickering in the west.	Какой-то человек, сказавший, что он военный из резерва, сообщил моему брату, что заметил на западе сигналы гелиографа.

In Wellington Street my brother met a couple of sturdy roughs who had just been rushed out of Fleet Street with still-wet newspapers and staring placards.	На Веллингтон-стрит брат увидел бойких газетчиков, которые только что выбежали с Флит-стрит с еще сырыми газетами, испещренными ошеломляющими заголовками.
"Dreadful catastrophe!" they bawled one to the other down Wellington Street. "Fighting at Weybridge!	- Ужасная катастрофа! - выкрикивали они наперебой на Веллингтон-стрит. - Бой под Уэйбриджем!

Full description!	Подробное описание!
Repulse of the Martians!	Марсиане отброшены!
London in Danger!"	Лондон в опасности!

He had to give threepence for a copy of that paper.	Брату пришлось запла- тить три пенса за номер газеты.
Then it was, and then only, that he realised something of the full power and terror of these monsters.	Только теперь он понял, как страшны и опасны эти чудовища.

He learned that they were not merely a handful of small sluggish creatures, but that they were minds swaying vast mechanical bodies; and that they could move swiftly and smite with such power that even the mightiest guns could not stand against them.	Он узнал, что это не просто кучка маленьких неповоротливых созданий, а разумные существа, управляющие гигантскими механизмами, что они могут быстро передвигаться и уничтожать все на своем пути и что против них бессильны самые дальнобойные пушки.

They were described as "vast spiderlike machines, nearly a hundred feet high, capable of the speed of an express train, and able to shoot out a beam of intense heat."	Их описывали, как "громадные паукообразные машины, почти в сто футов вышиной, способные передвигаться со скоростью экспресса и выбрасывать интенсивный тепловой луч".
Masked batteries, chiefly of field guns, had been planted in the country about Horsell Common, and especially between the Woking district and London.	Замаскированные батареи, главным образом из полевых орудий, были установлены около Хорселлской пустоши и Уокинга по дороге к Лондону.

Five of the machines had been seen moving towards the Thames, and one, by a happy chance, had been destroyed.	Были замечены пять боевых машин, которые двигались к Темзе; одна из них благодаря счастливой случайности была уничтожена.
In the other cases the shells had missed, and the batteries had been at once annihilated by the Heat-Rays.	Обычно снаряды не достигали цели и батареи мгновенно сметались тепловым лучом.
Heavy losses of soldiers were mentioned, but the tone of the dispatch was optimistic.	Упоминалось также о тяжелых потерях, понесенных войсками; однако сообщения были составлены в оптимистическом тоне.

The Martians had been repulsed; they were not invulnerable.	Марсиане-де все же отбиты; оказалось, что они уязвимы.
They had retreated to their triangle of cylinders again, in the circle about Woking.	Они отступили к треугольнику, образованному тремя упавшими около Уокинга цилиндрами.
Signallers with heliographs were pushing forward upon them from all sides.	Разведчики с гелиографами окружили их.

Guns were in rapid transit from Windsor, Portsmouth, Aldershot, Woolwich--even from the north; among others, long wire-guns of ninety-five tons from Woolwich.	Быстро подводятся пушки из Виндзора, Портсмута, Олдершота, Вулвича и даже о севера. Между прочим, из Вулвича доставлены дальнобойные девяностопятитонные орудия.
Altogether one hundred and sixteen were in position or being hastily placed, chiefly covering London.	Установлено около ста шестидесяти пушек, главным образом для защиты Лондона.

Never before in England had there been such a vast or rapid concentration of military material.	Никогда еще в Англии с такой быстротой и в таких масштабах не производилась концентрация военных сил.

Any further cylinders that fell, it was hoped, could be destroyed at once by high explosives, which were being rapidly manufactured and distributed.	Надо надеяться, что все последующие цилиндры будут впредь уничтожаться особой сверхмощной шрапнелью, которая уже изготовлена и рассылается.
No doubt, ran the report, the situation was of the strangest and gravest description, but the public was exhorted to avoid and discourage panic.	Положение, говорилось в сообщении, несомненно, серьезное, но население не должно поддаваться панике.

No doubt the Martians were strange and terrible in the extreme, but at the outside there could not be more than twenty of them against our millions.	Конечно, марсиане чудовищны и ужасны, но ведь их всего около двадцати против миллионов людей.
The authorities had reason to suppose, from the size of the cylinders, that at the outside there could not be more than five in each cylinder-fifteen altogether.	Власти имели все основания предполагать, принимая во внимание величину цилиндра, что в каждом из них не более пяти марсиан. Всего, значит, их пятнадцать.
And one at least was disposed of--perhaps more.	По крайней мере, один из них уже уничтожен, может быть, даже и больше.

The public would be fairly warned of the approach of danger, and elaborate measures were being taken for the protection of the people in the threatened southwestern suburbs.	Население будет своевременно предупреждено о приближении опасности, и будут приняты специальные меры для охраны жителей угрожаемых юго-западных предместий.
And so, with reiterated assurances of the safety of London and the ability of the authorities to cope with the difficulty, this quasi-proclamation closed.	Кончалось все это заверениями в безопасности Лондона и выражением твердой надежды, что правительство справится со всеми затруднениями.
This was printed in enormous type on paper so fresh that it was still wet, and there had been no time to add a word of comment.	Этот текст был напечатан очень крупно на еще не просохшей бумаге, без всяких комментариев.

It was curious, my brother said, to see how ruthlessly the usual contents of the paper had been hacked and taken out to give this place.	Любопытно было видеть, рассказывал брат, как безжалостно весь остальной материал газеты был скомкан и урезан, чтобы дать место этому сообщению.
All down Wellington Street people could be seen fluttering out the pink sheets and reading, and the Strand was suddenly noisy with the voices of an army of hawkers following these pioneers.	На Веллингтон-стрит нарасхват раскупали розовые листки экстренного выпуска, а на Стрэнде уже раздавались выкрики целой армии газетчиков.
Men came scrambling off buses to secure copies.	Публика соскакивала с омнибусов в погоне за газетой.

Certainly this news excited people intensely, whatever their previous apathy.	Сообщение взволновало и обеспокоило толпу.
The shutters of a map shop in the Strand were being taken down, my brother said, and a man in his Sunday raiment, lemon-yellow gloves even, was visible inside the window hastily fastening maps of Surrey to the glass.	Брат рассказывал, что ставни магазина географических карт на Стрэде были раскрыты и какой-то человек в праздничном костюме, в лимонно-желтых перчатках, появившись в витрине, поспешно прикреплял к стеклу карту Сэррея.
Going on along the Strand to Trafalgar Square, the paper in his hand, my brother saw some of the fugitives from West Surrey.	Проходя по Стрэнду к Трафальгар-сквер с газетой в руке, брат встретил беженцев из Западного Сэррея.

There was a man with his wife and two boys and some articles of furniture in a cart such as greengrocers use.	Какой-то мужчина ехал и повозке, похожей на тележку зеленщика; в ней среди наваленного домашнего скарба сидели его жена и два мальчугана.
He was driving from the direction of Westminster Bridge; and close behind him came a hay waggon with five or six respectable-looking people in it, and some boxes and bundles.	Он ехал от Вестминстерского моста, а вслед за ним двигалась фура для сена; на ней сидели пять или шесть человек, прилично одетых, с чемоданами и узлами.

The faces of these people were haggard, and their entire appearance contrasted conspicuously with the Sabbath-best appearance of the people on the omnibuses.	Лица у беженцев были испуганные, они резко отличались от одетых по-воскресному пассажиров омнибусов.
People in fashionable clothing peeped at them out of cabs.	Элегантная публика, высовываясь из кэбов, с удивлением смотрела на них.
They stopped at the Square as if undecided which way to take, and finally turned eastward along the Strand.	У Трафальгар-сквер беженцы остановились в нерешительности, потом повернули к востоку по Стрэнду.

Some way behind these came a man in workday clothes, riding one of those old-fashioned tricycles with a small front wheel.	Затем проехал человек в рабочей одежде на старинном трехколесном велосипеде с маленькие передним колесом.
He was dirty and white in the face.	Он был бледен и весь перепачкан.
My brother turned down towards Victoria, and met a number of such people.	Мой брат повернул к Виктория-стрит и встретил новую толпу беженцев.
He had a vague idea that he might see something of me.	У него мелькнула смутная мысль, что он, может быть, увидит меня.
He noticed an unusual number of police regulating the traffic.	Он обратил внимание на необычно большое количество полисменов, регулирующих движение.

Some of the refugees were exchanging news with the people on the omnibuses.	Некоторые из беженцев разговаривали с пассажирами омнибусов.
One was professing to have seen the Martians.	Один уверял, что видел марсиан.
"Boilers on stilts, I tell you, striding along like men."	"Паровые котлы на ходулях, говорю вам, и шагают, как люди".
Most of them were excited and animated by their strange experience.	Большинство беженцев казались взволнованными и возбужденными.
Beyond Victoria the public-houses were doing a lively trade with these arrivals.	Рестораны на Виктория-стрит были переполнены беженцами.

At all the street corners groups of people were reading papers, talking excitedly, or staring at these unusual Sunday visitors.	На всех углах толпились люди, читали газеты, возбужденно разговаривали или молча смотрели на этих необычных воскресных гостей.
They seemed to increase as night drew on, until at last the roads, my brother said, were like Epsom High Street on a Derby Day.	Беженцы все прибывали, и к вечеру, по словам брата, улицы походили на Хай-стрит в Эпсоме в день скачек.
My brother addressed several of these fugitives and got unsatisfactory answers from most.	Мой брат расспрашивал многих из беженцев, но они давали очень неопределенные ответы.

None of them could tell him any news of Woking except one man, who assured him that Woking had been entirely destroyed on the previous night.	Никто не мог сообщить ничего нового относительно Уокинга. Один человек уверял его, что Уокинг совершенно разрушен еще прошлой ночью.
"I come from Byfleet," he said; "man on a bicycle came through the place in the early morning, and ran from door to door warning us to come away.	- Я из Байфлита, - сказал он. - Рано утром прикатил велосипедист, забегал в каждый дом и советовал уходить.
Then came soldiers.	Потом появились солдаты.

We went out to look, and there were clouds of smoke to the south--nothing but smoke, and not a soul coming that way.	Мы вышли посмотреть: на юге дым, сплошной дым, и никто не приходит оттуда.
Then we heard the guns at Chertsey, and folks coming from Weybridge.	Потом мы услыхали гул орудий у Чертси, и из Уэйбриджа повалил народ.
So I've locked up my house and come on."	Я запер свой дом и тоже ушел вместе с другими.
At the time there was a strong feeling in the streets that the authorities were to blame for their incapacity to dispose of the invaders without all this inconvenience.	В толпе слышался ропот, ругали правительство за то, что оно оказалось неспособным сразу справиться с марсианами.

About eight o'clock a noise of heavy firing was distinctly audible all over the south of London.	Около восьми часов в южной части Лондона ясно слышалась канонада.
My brother could not hear it for the traffic in the main thoroughfares, but by striking through the quiet back streets to the river he was able to distinguish it quite plainly.	На главных улицах ее заглушал шум движения, но, спускаясь тихими переулками к реке, брат ясно расслышал гул орудий.
He walked from Westminster to his apartments near Regent's Park, about two.	В девятом часу он шел от Вестминстера обратно к своей квартире у Риджент-парка.

He was now very anxious on my account, and disturbed at the evident magnitude of the trouble.	Он очень беспокоился обо мне, понимая, насколько положение серьезно.
His mind was inclined to run, even as mine had run on Saturday, on military details.	Как и я в ночь на субботу, он заразился военной истерией.
He thought of all those silent, expectant guns, of the suddenly nomadic countryside; he tried to imagine "boilers on stilts" a hundred feet high.	Он думал о безмолвных, выжидающих пушках, о таборах беженцев, старался представить себе "паровые котлы на ходулях" в сто футов вышиною.

There were one or two cartloads of refugees passing along Oxford Street, and several in the Marylebone Road, but so slowly was the news spreading that Regent Street and Portland Place were full of their usual Sunday-night promenaders, albeit they talked in groups, and along the edge of Regent's Park there were as many silent couples "walking out" together under the scattered gas lamps as ever there had been.	На Оксфорд-стрит проехало несколько повозок с беженцами; на Мэрилебон-роуд тоже; но слухи распространялись так медленно, что Риджент-стрит и Портленд-роуд были, как всегда, полны воскресной гуляющей толпой, хотя кое-где обсуждались последние события. В Риджент-парке, как обычно, под редкими газовыми фонарями прогуливались молчаливые парочки.

The night was warm and still, and a little oppressive; the sound of guns continued intermittently, and after midnight there seemed to be sheet lightning in the south.	Ночь была темная и тихая, слегка душная; гул орудий доносился с перерывами; после полуночи на юге блеснуло что-то вроде зарницы.

He read and re-read the paper, fearing the worst had happened to me.	Брат читал и перечитывал газету, тревога обо мне все росла.
He was restless, and after supper prowled out again aimlessly.	Он не мог успокоиться и после ужина снова пошел бесцельно бродить по городу.
He returned and tried in vain to divert his attention to his examination notes.	Потом вернулся и тщетно попытался засесть за свои записи лекций.

He went to bed a little after midnight, and was awakened from lurid dreams in the small hours of Monday by the sound of door knockers, feet running in the street, distant drumming, and a clamour of bells.	Он лег спать после полуночи, ему снились зловещие сны, но не прошло и двух часов, как его разбудил стук дверных молоточков , топанье ног по мостовой, отдаленный барабанный бой и звон колоколов.
Red reflections danced on the ceiling.	На потолке вспыхивали красные отблески.
For a moment he lay astonished, wondering whether day had come or the world gone mad.	С минуту он лежал и не мог понять, что случилось. Наступил уже день или все сошли с ума?
Then he jumped out of bed and ran to the window.	Потом вскочил с постели и подбежал к окну.

His room was an attic and as he thrust his head out, up and down the street there were a dozen echoes to the noise of his window sash, and heads in every kind of night disarray appeared. Enquiries were being shouted.	Его комната помещалась в мезонине; распахнув очно, он услышал крики с обоих концов улицы. Из окон высовывались и перекликались заспанные, полуодетые люди.
"They are coming!" bawled a policeman, hammering at the door; "the Martians are coming!" and hurried to the next door.	"Они идут! - кричал полисмен, стуча в дверь. -Марсиане приближаются! - И спешил к следующей двери.

The sound of drumming and trumpeting came from the Albany Street Barracks, and every church within earshot was hard at work killing sleep with a vehement disorderly tocsin.	Из казармы на Олбэни-стрит слышался бара-банный бой и звуки трубы; со всех церк-вей доносился бурный, нестройный набат.
There was a noise of doors opening, and window after window in the houses opposite flashed from darkness into yellow illumination.	Хлопали двери; тем-ные окна домов на про-тивоположной стороне вспыхивали желтыми огоньками.

Up the street came galloping a closed carriage, bursting abruptly into noise at the corner, rising to a clattering climax under the window, and dying away slowly in the distance.	По улице во весь опор промчалась закрытая карета, шум колес раздался из-за угла, перешел в оглушительный грохот под окном и замер где-то вдали.
Close on the rear of this came a couple of cabs, the forerunners of a long procession of flying vehicles, going for the most part to Chalk Farm station, where the North-Western special trains were loading up, instead of coming down the gradient into Euston.	Вслед за каретой пронеслись два кэба - авангард целой вереницы экипажей, мчавшихся к вокзалу Чок-Фарм, где можно было сесть в специальные поезда Северо-Западной дороги, вместо того чтобы спускаться к Юстону.

For a long time my brother stared out of the window in blank astonishment, watching the policemen hammering at door after door, and delivering their incomprehensible message.	Мой брат долго смотрел из окна в тупом изумлении; он видел, как полисмены перебегали от двери к двери, стуча молотком и возвещая все ту же непостижимую новость.
Then the door behind him opened, and the man who lodged across the landing came in, dressed only in shirt, trousers, and slippers, his braces loose about his waist, his hair disordered from his pillow.	Вдруг дверь позади него отворилась и вошел сосед, занимавший комнату напротив, он был в рубашке, брюках и туфлях, подтяжки болтались, волосы были взлохмачены.

"What the devil is it?" he asked. "A fire?	- Что за чертовщина? - спросил он. - Пожар?
What a devil of a row!"	Почему такая суматоха?
They both craned their heads out of the window, straining to hear what the policemen were shouting.	Оба высунулись из окна, стараясь разобрать, что кричат полисмены.
People were coming out of the side streets, and standing in groups at the corners talking.	Из боковых улиц повалил народ, останавливаясь кучками на углах.
"What the devil is it all about?" said my brother's fellow lodger.	- В чем дело, черт возьми? - спросил сосед.

My brother answered him vaguely and began to dress, running with each garment to the window in order to miss nothing of the growing excitement.	Мой брат что-то ответил ему и стал одеваться, подбегая с каждой принадлежностью туалета к окну, чтобы видеть, что происходит на улице.
And presently men selling unnaturally early newspapers came bawling into the street:	Из-за угла выскочили газетчики с необычно ранними выпусками газет, крича во все горло:
"London in danger of suffocation!	- Лондону грозит удушение!
The Kingston and Richmond defences forced!	Укрепления Кингстона и Ричмонда прорваны!
Fearful massacres in the Thames Valley!"	Кровопролитное сражение в долине Темзы!

And all about him--in the rooms below, in the houses on each side and across the road, and behind in the Park Terraces and in the hundred other streets of that part of Marylebone, and the Westbourne Park district and St. Pancras, and westward and northward in Kilburn and St. John's Wood and Hampstead, and eastward in Shoreditch and Highbury and Haggerston and Hoxton, and, indeed, through all the vastness of London from Ealing to East Ham--people were rubbing their eyes, and opening	Повсюду вокруг, в квартирах нижнего этажа, во всех-соседних домах и дальше, в Парк-террасис и на сотне других улиц этой части Мэрилебона; в районе Вестбери-парка и Сент-Панкрэса, на западе и на севере - в Кильберне, Сен-Джонс-Вуде и Хэмпстеде; на востоке - в Шордиче, Хайбэри, Хаггерстоне и Хокстоне; на всем громадном протяжении Лондона, от Илинга до Истхема, люди, протирая глаза, отворяли окна, выглядывали на улицу, задавали бесцельные вопросы и поспешно одевались. Первое дыхание надвигавшейся паники

It was the dawn of the great panic.	Страх завладевал городом.
London, which had gone to bed on Sunday night oblivious and inert, was awakened, in the small hours of Monday morning, to a vivid sense of danger.	Лондон, спокойно и бездумно уснувший в воскресенье вечером, проснулся рано утром в понедельник под угрозой смертельной опасности.
Unable from his window to learn what was happening, my brother went down and out into the street, just as the sky between the parapets of the houses grew pink with the early dawn.	Так как брат из своего окна не смог ничего выяснить, он спустился вниз и вышел на улицу. Над крышами домов розовела заря.

The flying people on foot and in vehicles grew more numerous every moment.	Толпа беженцев, шагавших пешком и ехавших в экипажах, с каждой минутой все увеличивалась.
"Black Smoke!" he heard people crying, and again "Black Smoke!"	- Черный дым! - слышал он выкрики. - Черный дым!
The contagion of such a unanimous fear was inevitable.	Было ясно, что паника неминуемо охватит весь город.
As my brother hesitated on the door-step, he saw another news vender approaching, and got a paper forthwith.	Постояв в нерешительности у своего подъезда, брат окликнул газетчика и купил газету.

The man was running away with the rest, and selling his papers for a shilling each as he ran--a grotesque mingling of profit and panic.	Газетчик побежал дальше, продавая газеты на ходу по шиллингу, - гротескное сочетание корысти и паники.
And from this paper my brother read that catastrophic dispatch of the Commander-in-Chief:	В газете брат прочел удручающее донесение главнокомандующего:
"The Martians are able to discharge enormous clouds of a black and poisonous vapour by means of rockets.	"Марсиане пускают огромные клубы черного ядовитого пара при помощи ракет.

They have smothered our batteries, destroyed Richmond, Kingston, and Wimbledon, and are advancing slowly towards London, destroying everything on the way.	Они подавили огонь нашей артиллерии, разрушили Ричмонд, Кингстон и Уимблдон и медленно приближаются к Лондону, уничтожая все на своем пути.
It is impossible to stop them.	Остановить их невозможно.
There is no safety from the Black Smoke but in instant flight."	От черного дыма нет иного спасения, кроме немедленного бегства".
That was all, but it was enough.	И только. По и этого было достаточно.

The whole population of the great six-million city was stirring, slipping, running; presently it would be pouring en masse northward.	Все население огромного, шестимиллионного города всполошилось, заметалось, обратилось в бегство. Все устремились и северу.
"Black Smoke!" the voices cried. "Fire!"	- Черный дым! - слышались крики. - Огонь!
The bells of the neighbouring church made a jangling tumult, a cart carelessly driven smashed, amid shrieks and curses, against the water trough up the street.	Колокола соседних церквей били в набат. Какой-то неумело управляемый экипаж налетел среди криков и ругани на колоду для водопоя.

Sickly yellow lights went to and fro in the houses, and some of the passing cabs flaunted unextinguished lamps.	Тусклый желтый свет мелькал в окнах домов; у некоторых кэбов еще горели ночные фонари.
And overhead the dawn was growing brighter, clear and steady and calm.	А вверху разгоралась заря, безоблачная, ясная, спокойная.
He heard footsteps running to and fro in the rooms, and up and down stairs behind him.	Брат слышал топот ног в комнатах и на лестнице.
His landlady came to the door, loosely wrapped in dressing gown and shawl; her husband followed ejaculating.	Его хозяйка вышла на улицу, наскоро накинув капот и шаль, за ней шел ее муж, бормоча что-то невнятное.

As my brother began to realise the import of all these things, he turned hastily to his own room, put all his available money--some ten pounds altogether--into his pockets, and went out again into the streets. CHAPTER FIFTEEN WHAT HAD HAPPENED IN SURREY	Когда брат наконец понял, что происходит, он поспешно вернулся в свою комнату, захватил все наличные деньги - около десяти фунтов, - сунул их в карман и вышел на улицу. 15. Что случилось в Сэррее

It was while the curate had sat and talked so wildly to me under the hedge in the flat meadows near Halliford, and while my brother was watching the fugitives stream over Westminster Bridge, that the Martians had resumed the offensive.	Как раз в то время, когда священник вел со мной свой безумный разговор под изгородью в поле около Голлифорда, а брат смотрел на поток беженцев, устремившийся по Вестминстерскому мосту, марсиане снова перешли в наступление.

So far as one can ascertain from the conflicting accounts that have been put forth, the majority of them remained busied with preparations in the Horsell pit until nine that night, hurrying on some operation that disengaged huge volumes of green smoke.	Если верить сбивчивым рассказам, большинство марсиан оставалось до девяти часов вечера в яме на Хорселлской пустоши, занятые какой-то спешной работой, сопровождавшейся вспышками зеленого дыма.

But three certainly came out about eight o'clock and, advancing slowly and cautiously, made their way through Byfleet and Pyrford towards Ripley and Weybridge, and so came in sight of the expectant batteries against the setting sun.	Установлено, что трое марсиан вышли оттуда около восьми часов и, продвигаясь медленно и осторожно через Байфлит и Пирфорд к Рипли и Уэйбриджу, неожиданно появились перед сторожевыми батареями на фоне освещенного закатом неба.
These Martians did not advance in a body, but in a line, each perhaps a mile and a half from his nearest fellow.	Марсиане шли не шеренгой, а цепью, на расстоянии примерно полутора миль друг от друга.

They communicated with one another by means of sirenlike howls, running up and down the scale from one note to another.	Они переговаривались каким-то ревом, похожим на вой сирены, издающей то высокие, то низкие звуки.
It was this howling and firing of the guns at Ripley and St. George's Hill that we had heard at Upper Halliford.	Этот вой и пальбу орудий Рипли и Сент-Джордж-Хилла мы и слышали около Верхнего Голлифорда.

The Ripley gunners, unseasoned artillery volunteers who ought never to have been placed in such a position, fired one wild, premature, ineffectual volley, and bolted on horse and foot through the deserted village, while the Martian, without using his Heat-Ray, walked serenely over their guns, stepped gingerly among them, passed in front of them, and so came unexpectedly upon the guns in Painshill Park, which he destroyed.	Артиллеристы у Рипли - неопытные волонтеры, которых не следовало ставить на такую позицию, - дали всего один преждевременный безрезультатный залп и, кто верхом, кто пешком, бросились врассыпную по опустевшему местечку. Марсианин, то шагая через орудия, то осторожно ступая среди них и даже не пользуясь тепловым лучом, опередил их и, таким образом, застал врасплох батареи в Пэйнс-Хилл-парке, которые он и уничтожил.

The St. George's Hill men, however, were better led or of a better mettle.	Артиллеристы в Сент-Джордж-Хилле оказались более опытными и храбрыми.
Hidden by a pine wood as they were, they seem to have been quite unsuspected by the Martian nearest to them. They laid their guns as deliberately as if they had been on parade, and fired at about a thousand yards' range.	Скрытые соснами от ближайшего к ним марсианина, который не ожидал нападения, они навели свои орудия спокойно, как на параде, и, когда марсианин находился на расстоянии около тысячи ярдов, дали залп.
The shells flashed all round him, and he was seen to advance a few paces, stagger, and go down.	Снаряды рвались вокруг марсианина. Он сделал несколько шагов, пошатнулся и упал.

Everybody yelled together, and the guns were reloaded in frantic haste.	Все закричали от радости, и орудия снова поспешно зарядили.
The overthrown Martian set up a prolonged ululation, and immediately a second glittering giant, answering him, appeared over the trees to the south.	Рухнувший марсианин издал продолжительный вой, и тотчас второй сверкающий гигант, отвечая ему, показался над деревьями с юга.
It would seem that a leg of the tripod had been smashed by one of the shells.	По-видимому, снаряд разбил одну из ног треножника.

The whole of the second volley flew wide of the Martian on the ground, and, simultaneously, both his companions brought their Heat-Rays to bear on the battery.	Второй залп пропал даром, снаряды перелетели через упавшего марсианина и ударились в землю. И тотчас же два других марсианина подняли камеры теплового луча, направляя их на батарею.
The ammunition blew up, the pine trees all about the guns flashed into fire, and only one or two of the men who were already running over the crest of the hill escaped.	Снаряды взорвались, сосны загорелись, из прислуги, обратившейся в бегство, уцелело всего несколько человек.

After this it would seem that the three took counsel together and halted, and the scouts who were watching them report that they remained absolutely stationary for the next half hour.	Марсиане остановились и стали о чем-то совещаться. Разведчики, наблюдавшие за ними, донесли, что они стояли неподвижно около получаса.
The Martian who had been overthrown crawled tediously out of his hood, a small brown figure, oddly suggestive from that distance of a speck of blight, and apparently engaged in the repair of his support.	Опрокинутый марсианин неуклюже выполз из-под своего колпака - небольшая бурая туша, издали похожая на грибной нарост, - и занялся починкой треножника.

About nine he had finished, for his cowl was then seen above the trees again.	К девяти он кончил работать, и его колпак снова показался над лесом.
It was a few minutes past nine that night when these three sentinels were joined by four other Martians, each carrying a thick black tube.	В начале десятого к этим трем часовым присоединились четыре других марсианина, вооруженных большими черными трубами.
A similar tube was handed to each of the three, and the seven proceeded to distribute themselves at equal distances along a curved line between St. George's Hill, Weybridge, and the village of Send, southwest of Ripley.	Такие же трубы были вручены каждому из трех первых. После этого все семеро растянулись цепью на равном расстоянии друг от друга, по кривой между Сент-Джордж-Хилл ом, Уэйбриджем и Сэндом, на юго-западе от Рипли.

A dozen rockets sprang out of the hills before them so soon as they began to move, and warned the waiting batteries about Ditton and Esher.	Как только они начали двигаться, с холмов взвились сигнальные ракеты, предупреждая батареи у Диттона и Эшера.
At the same time four of their fighting machines, similarly armed with tubes, crossed the river, and two of them, black against the western sky, came into sight of myself and the curate as we hurried wearily and painfully along the road that runs northward out of Halliford.	В то же время четыре боевые машины, также снабженные трубами, переправились через реку, и две из них появились передо мной и священником, четко вырисовываясь на фоне послезакатного неба, когда мы, усталые и измученные, торопливо шли по дороге на север от Голлифорда.

They moved, as it seemed to us, upon a cloud, for a milky mist covered the fields and rose to a third of their height.	Нам казалось, что они двигаются по облакам, потому что молочный туман покрывал поля и подымался до трети их роста.
At this sight the curate cried faintly in his throat, and began running; but I knew it was no good running from a Martian, and I turned aside and crawled through dewy nettles and brambles into the broad ditch by the side of the road.	Священник, увидев их, вскрикнул сдавленным голосом и пустился бежать. Зная, что бегство бесполезно, я свернул в сторону и пополз среди мокрого от росы терновника и крапивы в широкую канаву на краю дороги.
He looked back, saw what I was doing, and turned to join me.	Священник оглянулся, увидел, что я делаю, и подбежал ко мне.

The two halted, the nearer to us standing and facing Sunbury, the remoter being a grey indistinctness towards the evening star, away towards Staines.	Два марсианина остановились; ближайший к нам стоял, обернувшись к Санбэри; другой маячил серой бесформенной массой под вечерней звездой в стороне Стэйнса.
The occasional howling of the Martians had ceased; they took up their positions in the huge crescent about their cylinders in absolute silence.	Вой марсиан прекратился и каждый из них безмолвно занял свое место на огромной подкове, охватывающей ямы с цилиндрами.
It was a crescent with twelve miles between its horns.	Расстояние между концами подковы было не менее двенадцати миль.

Never since the devising of gunpowder was the beginning of a battle so still.	Ни разу еще со времени изобретения пороха сражение не начиналось среди такой тишины.
To us and to an observer about Ripley it would have had precisely the same effect--the Martians seemed in solitary possession of the darkling night, lit only as it was by the slender moon, the stars, the afterglow of the daylight, and the ruddy glare from St. George's Hill and the woods of Painshill.	Из Рипли было видно то же, что и нам: марсиане одни возвышались в сгущающемся сумраке, освещенные лишь бледным месяцем, звездами, отблеском заката и красноватым заревом над Сент-Джордж-Хиллом и лесами Пэйнс-Хилла.

But facing that crescent everywhere--at Staines, Hounslow, Ditton, Esher, Ockham, behind hills and woods south of the river, and across the flat grass meadows to the north of it, wherever a cluster of trees or village houses gave sufficient cover--the guns were waiting.	Но против наступающих марсиан повсюду - у Стэйнса, Хаунслоу, Диттона, Эшера, Окхема, за холмами и лесами к югу от реки и за ровными сочными лугами к северу от нее, из-за прикрытия деревьев и домов - были выставлены орудия.

The signal rockets burst and rained their sparks through the night and vanished, and the spirit of all those watching batteries rose to a tense expectation.	Сигнальные ракеты взвивались и рассыпались искрами во мраке; батареи лихорадочно готовились к бою.
The Martians had but to advance into the line of fire, and instantly those motionless black forms of men, those guns glittering so darkly in the early night, would explode into a thunderous fury of battle.	Марсианам стоило только ступить за линию огня, и все эти неподвижные люди, все эти пушки, поблескивавшие в ранних сумерках, разразились бы грозовой яростью боя.

No doubt the thought that was uppermost in a thousand of those vigilant minds, even as it was uppermost in mine, was the riddle--how much they understood of us.	Без сомнения, так же как и я, тысячи людей, бодрствуя в эту ночь, думали о том, понимают ли нас марсиане.
Did they grasp that we in our millions were organized, disciplined, working together?	Поняли они, что нас миллионы и что мы организованны, дисциплинированны и действуем согласованно?

Or did they interpret our spurts of fire, the sudden stinging of our shells, our steady investment of their encampment, as we should the furious unanimity of onslaught in a disturbed hive of bees?	Или для них наши выстрелы, неожиданные разрывы снарядов, упорная осада их укреплений то же самое, что для нас яростное нападение потревоженного пчелиного улья?
Did they dream they might exterminate us? (At that time no one knew what food they needed.) A hundred such questions struggled together in my mind as I watched that vast sentinel shape.	Или они воображают, что могут истребить всех вас? (В это время еще никто не знал, чем питаются марсиане.) Сотни таких вопросов приходили мне в голову, пока я наблюдал за стоявшим на страже марсианином.

And in the back of my mind was the sense of all the huge unknown and hidden forces Londonward.	Вместе с тем я думал о том, какое встретит их сопротивление на пути в Лондон.

Had they prepared pitfalls?	Вырыты ли ямы-западни?
Were the powder mills at Hounslow ready as a snare?	Удастся ли заманить их к пороховым заводам в Хаунслоу?
Would the Londoners have the heart and courage to make a greater Moscow of their mighty province of houses?	Хватит ли у лондонцев мужества превратить в новую пылающую Москву свой огромный город?

Then, after an interminable time, as it seemed to us, crouching and peering through the hedge, came a sound like the distant concussion of a gun.	Нам показалось, что мы бесконечно долго ползли по земле вдоль изгороди, то и дело из-за нее выглядывая; наконец раздался гул отдаленного орудийного выстрела.
Another nearer, and then another.	Затем второй - несколько ближе - и третий.
And then the Martian beside us raised his tube on high and discharged it, gunwise, with a heavy report that made the ground heave.	Тогда ближайший и нам марсианин высоко поднял свою трубу я выстрелил из нее, как из пушки, с таким грохотом, что дрогнула земля.
The one towards Staines answered him.	Марсианин у Стэйнса последовал его примеру.

There was no flash, no smoke, simply that loaded detonation.	При этом не было ни вспышки, ни дыма - только гул взрыва.
I was so excited by these heavy minute-guns following one another that I so far forgot my personal safety and my scalded hands as to clamber up into the hedge and stare towards Sunbury.	Я был тая поражен этими раскатами, следовавшими один за другим, что забыл об опасности, о своих обожженных руках и полез на изгородь посмотреть, что происходит у Санбэри.
As I did so a second report followed, and a big projectile hurtled overhead towards Hounslow.	Снова раздался выстрел, и огромный снаряд пролетел высоко надо мной по направлению к Хаунслоу.

I expected at least to see smoke or fire, or some such evidence of its work. But all I saw was the deep blue sky above, with one solitary star, and the white mist spreading wide and low beneath.	Я ожидал увидеть или дым, или огонь, или какой-нибудь иной признак его разрушительного действия, но увидел только темно-синее небо с одинокой звездой и белый туман, стлавшийся по земле.
And there had been no crash, no answering explosion.	И ни единого взрыва с другой стороны, ни одного ответного выстрела.
The silence was restored; the minute lengthened to three.	Все стихло. Прошла томительная минута.
"What has happened?" said the curate, standing up beside me.	- Что случилось? - спросил священник, стоявший рядом со мной.

"Heaven knows!" said I.	- Один бог знает! - ответил я.
A bat flickered by and vanished.	Пролетела и скрылась летучая мышь.
A distant tumult of shouting began and ceased.	Издали донесся и замер неясный шум голосов.
I looked again at the Martian, and saw he was now moving eastward along the riverbank, with a swift, rolling motion.	Я взглянул на марсианина; он быстро двигался к востоку вдоль берега реки.
Every moment I expected the fire of some hidden battery to spring upon him; but the evening calm was unbroken.	Я ждал, что вот-вот на него направят огонь какой-нибудь скрытой батареи, но тишина ночи ничем не нарушалась.

The figure of the Martian grew smaller as he receded, and presently the mist and the gathering night had swallowed him up.	Фигура марсианина уменьшилась, и скоро ее поглотил туман и сгущающаяся темнота.
By a common impulse we clambered higher.	Охваченные любопытством, мы взобрались повыше.

Towards Sunbury was a dark appearance, as though a conical hill had suddenly come into being there, hiding our view of the farther country; and then, remoter across the river, over Walton, we saw another such summit.	У Санбэри, заслоняя горизонт, виднелось какое-то темное пятно, точно свеженасыпанный конический холм. Мы заметили второе такое же возвышение над Уолтоном, за рекой.
These hill-like forms grew lower and broader even as we stared.	Эти похожие на холмы пятна на наших глазах тускнели и расползались.

Moved by a sudden thought, I looked northward, and there I perceived a third of these cloudy black kopjes had risen.	Повинуясь безотчетному импульсу, я взглянул на север и увидел там третий черный, дымчатый холм.
Everything had suddenly become very still.	Было необычайно тихо.
Far away to the southeast, marking the quiet, we heard the Martians hooting to one another, and then the air quivered again with the distant thud of their guns.	Только далеко на юго-востоке среди тишины перекликались марсиане. Потом воздух снова дрогнул от отдаленного грохота их орудий.

But the earthly artillery made no reply.	Но земная артиллерия молчала.
Now at the time we could not understand these things, but later I was to learn the meaning of these ominous kopjes that gathered in the twilight.	В то время мы не могли понять, что происходит, позже я узнал, что значили эти зловещие, расползавшиеся в темноте черные кучи.

Each of the Martians, standing in the great crescent I have described, had discharged, by means of the gunlike tube he carried, a huge canister over whatever hill, copse, cluster of houses, or other possible cover for guns, chanced to be in front of him.	Каждый марсианин со своей позиции на упомянутой мною громадной подкове по какому-то неведомому сигналу стрелял из своей пушки-трубы по каждому холму, лесочку, группе домов, по всему, что могло служить прикрытием для наших орудий.
Some fired only one of these, some two--as in the case of the one we had seen; the one at Ripley is said to have discharged no fewer than five at that time.	Одни марсиане выпустили по снаряду, другие по дна, как, например, тот, которого мы видели. Марсианин у Рипли, говорят, выпустил не меньше пяти.

These canisters smashed on striking the ground--they did not explode--and incontinently disengaged an enormous volume of heavy, inky vapour, coiling and pouring upward in a huge and ebony cumulus cloud, a gaseous hill that sank and spread itself slowly over the surrounding country.	Ударившись о землю, снаряды раскалывались - они не рвались, - и тотчас же над ними вставало облако плотного темного пара, потом облако оседало, образуя огромный черный газовый холм, который медленно расползался по земле.
And the touch of that vapour, the inhaling of its pungent wisps, was death to all that breathes.	И прикосновение этого газа, вдыхание его едких хлопьев убивало все живое.

It was heavy, this vapour, heavier than the densest smoke, so that, after the first tumultuous uprush and outflow of its impact, it sank down through the air and poured over the ground in a manner rather liquid than gaseous, abandoning the hills, and streaming into the valleys and ditches and watercourses even as I have heard the carbonic-acid gas that pours from volcanic clefts is wont to do.	Этот газ был тяжел, тяжелее самого густого дыма; после первого стремительного взлета он оседал на землю и заливал ее, точно жидкость, стекая с холмов и устремляясь в ложбины, в овраги, в русла рек, подобно тому как стекает углекислота при выходе из трещин вулкана.

And where it came upon water some chemical action occurred, and the surface would be instantly covered with a powdery scum that sank slowly and made way for more.	При соприкосновении газа с водой происходила какая-то химическая реакция, и поверхность воды тотчас же покрывалась пылевидной накипью, которая очень медленно осаждалась.
The scum was absolutely insoluble, and it is a strange thing, seeing the instant effect of the gas, that one could drink without hurt the water from which it had been strained.	Эта накипь не растворялась, поэтому, несмотря на ядовитость газа, воду по удалении из нее осадка можно было пить без вреда для здоровья.
The vapour did not diffuse as a true gas would do.	Этот газ не диффундировал, как всякий другой газ.

It hung together in banks, flowing sluggishly down the slope of the land and driving reluctantly before the wind, and very slowly it combined with the mist and moisture of the air, and sank to the earth in the form of dust.	Он висел пластами, медленно стекал по склонам, не рассеивался на ветру, мало-помалу смешивался с туманом и атмосферной влагой и оседал на землю в виде пыли.
Save that an unknown element giving a group of four lines in the blue of the spectrum is concerned, we are still entirely ignorant of the nature of this substance.	Мы до сих пор ничего не знаем о составе этого газа; известно только, что в него входил какой-то новый элемент, дававший четыре линии в голубой части спектра.

Once the tumultuous upheaval of its dispersion was over, the black smoke clung so closely to the ground, even before its precipitation, that fifty feet up in the air, on the roofs and upper stories of high houses and on great trees, there was a chance of escaping its poison altogether, as was proved even that night at Street Cobham and Ditton.	Этот черный газ так плотно прилегал к земле, раньше даже, чем начиналось оседание, что на высоте пятидесяти футов, на крышах, в верхних этажах высоких домов и на высоких деревьях можно было спастись от него; это подтвердилось в ту же ночь в Стрит-Кобхеме и Дитгоне.

The man who escaped at the former place tells a wonderful story of the strangeness of its coiling flow, and how he looked down from the church spire and saw the houses of the village rising like ghosts out of its inky nothingness.	Человек, спасшийся в Стрит-Кобхеме, передавал странные подробности о кольцевом потоке этого газа; он смотрел вниз с церковной колокольни и видел, как дома селения выступали из чернильной темноты, точно призраки.

For a day and a half he remained there, weary, starving and sun-scorched, the earth under the blue sky and against the prospect of the distant hills a velvet-black expanse, with red roofs, green trees, and, later, black-veiled shrubs and gates, barns, outhouses, and walls, rising here and there into the sunlight.	Он просидел там полтора дня, полумертвый от усталости, голода и зноя. Земля под голубым небом, обрамленная холмами, казалась покрытой черным бархатом с выступавшими кое-где в лучах солнца красными крышами и зелеными вершинами деревьев; кусты, ворота, сараи, пристройки и стены домов казались подернутыми черным флером.
But that was at Street Cobham, where the black vapour was allowed to remain until it sank of its own accord into the ground.	Так было в Стрит-Кобхеме, где черный газ сам по себе осел на землю.

As a rule the Martians, when it had served its purpose, cleared the air of it again by wading into it and directing a jet of steam upon it.	Вообще же марсиане, после того как газ выполнял свое назначение, очищали воздух, направляя на газ струю пара.
This they did with the vapour banks near us, as we saw in the starlight from the window of a deserted house at Upper Halliford, whither we had returned.	То же сделали они и с облаком газа неподалеку от нас; мы наблюдали это при свете звезд из окна брошенного дома в Верхнем Голлифорде, куда мы вернулись.

From there we could see the searchlights on Richmond Hill and Kingston Hill going to and fro, and about eleven the windows rattled, and we heard the sound of the huge siege guns that had been put in position there.	Мы видели, как скользили прожекторы по Ричмонд- Хиллу и Кингстон-Хиллу. Около одиннадцати часов стекла в окнах задрожали, и мы услыхали раскаты установленных там тяже- лых осадных орудий.

These continued intermittently for the space of a quarter of an hour, sending chance shots at the invisible Martians at Hampton and Ditton, and then the pale beams of the electric light vanished, and were replaced by a bright red glow.	С четверть часа с перерывами продолжалась стрельба наудачу по невиданным позициям марсиан у Хэмптона и Диттона; потом бледные лучи прожекторов погасла и сменились багровым заревом.
Then the fourth cylinder fell--a brilliant green meteor--as I learned afterwards, in Bushey Park.	Затем упал четвертый цилиндр - яркий зеленый метеор - в Буши-парке, как я потом узнал.

Before the guns on the Richmond and Kingston line of hills began, there was a fitful cannonade far away in the southwest, due, I believe, to guns being fired haphazard before the black vapour could overwhelm the gunners.	Еще раньше, чем заговорили орудия на холмах у Ричмонда и Кингстона, откуда-то с юго-запада слышалась беспорядочная канонада; вероятно, орудия стреляли наугад, пока черный газ не умертвил артиллеристов.
So, setting about it as methodically as men might smoke out a wasps' nest, the Martians spread this strange stifling vapour over the Londonward country.	Марсиане, действуя методически, подобно людям, выкуривающим осиное гнездо, разливали этот удушающий газ по окрестностям Лондона.

The horns of the crescent slowly moved apart, until at last they formed a line from Hanwell to Coombe and Malden.	Концы подковы медленно расходились, пока наконец цепь марсиан не двинулась по прямой от Гонвелла до Кумба и Молдена.
All night through their destructive tubes advanced.	Всю ночь продвигались вперед смертоносные трубы.
Never once, after the Martian at St. George's Hill was brought down, did they give the artillery the ghost of a chance against them.	Ни разу после того, как марсианин был сбит с треножника у Сент-Джордж-Хилла, не удалось нашей артиллерии поразить хотя бы одного из них.

Wherever there was a possibility of guns being laid for them unseen, a fresh canister of the black vapour was discharged, and where the guns were openly displayed the Heat-Ray was brought to bear.	Они пускали черный газ повсюду, где могли быть замаскированы наши орудия, а там, где пушки стояли без прикрытия, они пользовались тепловым лучом.

By midnight the blazing trees along the slopes of Richmond Park and the glare of Kingston Hill threw their light upon a network of black smoke, blotting out the whole valley of the Thames and extending as far as the eye could reach.	В полночь горевшие по склонам Ричмонд-парка деревья и зарево над Кингстон-Хиллом осветили облака черного газа, клубившегося по всей долине Темзы и простиравшегося до самого горизонта.
And through this two Martians slowly waded, and turned their hissing steam jets this way and that.	Два марсианина медленно расхаживали по этой местности, направляя на землю свистящие струи пара.

They were sparing of the Heat-Ray that night, either because they had but a limited supply of material for its production or because they did not wish to destroy the country but only to crush and overawe the opposition they had aroused.	Марсиане в эту ночь почему-то берегли тепловой луч, может быть, потому, что у них был ограниченный запас материала для его производства, или потому, что они не хотели обращать страну в пустыню, а только подавить оказываемое им сопротивление.
In the latter aim they certainly succeeded.	Это им, бесспорно, удалось.
Sunday night was the end of the organised opposition to their movements.	Ночь на понедельник была последней ночью организованной борьбы с марсианами.
After that no body of men would stand against them, so hopeless was the enterprise.	После этого никто уже не осмеливался выступить против них, всякое сопротивление казалось безнадежным.

Even the crews of the torpedo- boats and destroyers that had brought their quick-firers up the Thames refused to stop, mutinied, and went down again.	Даже экипажи торпедных катеров и миноносцев, поднявшихся вверх по Темзе со скорострельными пушками, отказались оставаться на реке, взбунтовались и ушли в море.
The only offensive operation men ventured upon after that night was the preparation of mines and pitfalls, and even in that their energies were frantic and spasmodic.	Единственное, на что люди решались после этой ночи, - это закладка мин и устройство ловушек, но даже это делалось недостаточно планомерно.
One has to imagine, as well as one may, the fate of those batteries towards Esher, waiting so tensely in the twilight.	Можно только вообразить себе судьбу батарей Эшера, которые так напряженно выжидали во мраке.

Survivors there were none.	Там никого не осталось в живых.

One may picture the orderly expectation, the officers alert and watchful, the gunners ready, the ammunition piled to hand, the limber gunners with their horses and waggons, the groups of civilian spectators standing as near as they were permitted, the evening stillness, the ambulances and hospital tents with the burned and wounded from Weybridge; then the dull resonance of the shots the Martians fired, and the clumsy projectile whirling over the trees and houses and smashing amid the neighbouring fields.	Представьте себе ожидание настороженных офицеров, орудийную прислугу, приготовившуюся к залпу, сложенные у орудий снаряды, обозную прислугу у передков лафетов с лошадьми, штатских зрителей, старающихся подойти возможно ближе, вечернюю тишину, санитарные фургоны и палатки походного лазарета с обожженными и ранеными из Уэйбриджа. Затем глухой раскат выстрелов марсиан и шальной снаряд, пролетевший над деревьями и домами и упавший в соседнем поле.

One may picture, too, the sudden shifting of the attention, the swiftly spreading coils and bellyings of that blackness advancing headlong, towering heavenward, turning the twilight to a palpable darkness, a strange and horrible antagonist of vapour striding upon its victims, men and horses near it seen dimly, running, shrieking, falling headlong, shouts of dismay, the guns suddenly abandoned, men choking and writhing on the ground, and the swift broadening-out of the opaque cone of smoke.	Можно представить себе изумление и испуг при виде быстро развертывающихся колец и завитков надвигающегося черного облака, которое превращало сумерки в густой осязаемый мрак: непонятный и неуловимый враг настигает свои жертвы; охваченные паникой люди и лошади бегут, падают; вопли ужаса, брошенные орудия, люди, корчащиеся на земле, - и все расширяющийся черный конус газа.

And then night and extinction--nothing but a silent mass of impenetrable vapour hiding its dead.	Потом ночь и смерть - и безмолвная дымная завеса над мертвецами.

Before dawn the black vapour was pouring through the streets of Richmond, and the disintegrating organism of government was, with a last expiring effort, rousing the population of London to the necessity of flight. CHAPTER SIXTEEN THE EXODUS FROM LONDON	Перед рассветом черный газ разлился по улицам Ричмонда. Правительство теряло нити управления; в последнем усилии оно призвало население Лондона к бегству. 16. Уход из Лондона

So you understand the roaring wave of fear that swept through the greatest city in the world just as Monday was dawning--the stream of flight rising swiftly to a torrent, lashing in a foaming tumult round the railway stations, banked up into a horrible struggle about the shipping in the Thames, and hurrying by every available channel northward and eastward.	Легко представить себе ту бушующую волну страха, которая прокатилась по величайшему городу мира рано утром в понедельник, - ручей беженцев, быстро выросший в поток, бурно пенившийся вокруг вокзалов, превращающийся в бешеный водоворот у судов на Темзе и устремляющийся всеми возможными путями к северу и к востоку.

By ten o'clock the police organisation, and by midday even the railway organisations, were losing coherency, losing shape and efficiency, guttering, softening, running at last in that swift liquefaction of the social body.	К десяти часам паника охватила полицию, к полудню - железнодорожную администрацию: административные единицы теряли связь друг с другом, растворялись в человеческом потоке и уносились на обломках быстро распадавшегося социального организма.
All the railway lines north of the Thames and the South-Eastern people at Cannon Street had been warned by midnight on Sunday, and trains were being filled. People were fighting savagely for standing-room in the carriages even at two o'clock.	Все железнодорожные линии к северу от Темзы и жители и юго-восточной части города были предупреждены еще в полночь в воскресенье, уже в два часа все поезда были переполнены, люди отчаянно дрались из-за мест в вагонах.

By three, people were being trampled and crushed even in Bishopsgate Street, a couple of hundred yards or more from Liverpool Street station; revolvers were fired, people stabbed, and the policemen who had been sent to direct the traffic, exhausted and infuriated, were breaking the heads of the people they were called out to protect.	К трем часам давка и драка происходили уже и на Бишопсгейт-стрит; на расстоянии нескольких сот ярдов от вокзала, на Ливерпуль-стрит, стреляли из револьверов, пускали в ход ножи, а полисмены, посланные регулировать движение, усталые и разъяренные, избивали дубинками людей, которых они должны были охранять.

And as the day advanced and the engine drivers and stokers refused to return to London, the pressure of the flight drove the people in an ever-thickening multitude away from the stations and along the northward-running roads.	Скоро машинисты и кочегары стали отказываться возвращаться в Лондон; толпы отхлынули от вокзалов и устремились к шоссейным дорогам, ведущим на север.
By midday a Martian had been seen at Barnes, and a cloud of slowly sinking black vapour drove along the Thames and across the flats of Lambeth, cutting off all escape over the bridges in its sluggish advance.	В полдень у Барнса видели марсианина; облако медленно оседавшего черного газа ползло по Темзе и равнине Ламбет, отрезав дорогу через мосты.

Another bank drove over Ealing, and surrounded a little island of survivors on Castle Hill, alive, but unable to escape.	Другое облако поползло по Илингу и окружило небольшую кучку уцелевших людей на Касл-Хилле; они остались живы, но выбраться не могли.

After a fruitless struggle to get aboard a North- Western train at Chalk Farm--the engines of the trains that had loaded in the goods yard there ploughed through shrieking people, and a dozen stalwart men fought to keep the crowd from crushing the driver against his furnace--my brother emerged upon the Chalk Farm road, dodged across through a hurrying swarm of vehicles, and had the luck to be foremost in the sack of a cycle shop.	После безуспешной попытки попасть на северо-западный поезд в Чок-Фарме, когда поезд, переполненный еще на товарной платформе, стал прокладывать себе путь сквозь исступленную толпу и несколько дюжих молодцов едва удерживали публику, собиравшуюся размозжить машинисту голову о топку, - мой брат вышел на Чок-Фарм-роуд, перешел дорогу, лавируя среди роя мчавшихся экипажей, и, по счастью, оказался одним из первых при разгроме велосипедного магазина!

The front tire of the machine he got was punctured in dragging it through the window, but he got up and off, notwithstanding, with no further injury than a cut wrist.	Передняя шина велосипеда, который он захватил, лопнула, когда он вытаскивал машину через окно, но тем не менее, только слегка поранив кисть руки в свалке, он сел и поехал.
The steep foot of Haverstock Hill was impassable owing to several overturned horses, and my brother struck into Belsize Road.	Путь по крутому подъему Хаверсток-Хилла был загроможден опрокинутыми экипажами, и брат свернул на Белсайз-роуд.

So he got out of the fury of the panic, and, skirting the Edgware Road, reached Edgware about seven, fasting and wearied, but well ahead of the crowd.	Таким образом он выбрался из охваченного паникой города и к семи часам достиг Эджуэра, голодный и усталый, по зато значительно опередив поток беженцев.
Along the road people were standing in the roadway, curious, wondering.	Вдоль дороги стояли местные жители, любопытные и недоумевающие.
He was passed by a number of cyclists, some horsemen, and two motor cars.	Его обогнали несколько велосипедистов, несколько всадников и два автомобиля.
A mile from Edgware the rim of the wheel broke, and the machine became unridable.	За милю от Эджуэра лопнул обод колеса, ехать дальше было невозможно.

He left it by the roadside and trudged through the village.	Он бросил велосипед у дороги и пешком вошел в деревню.
There were shops half opened in the main street of the place, and people crowded on the pavement and in the doorways and windows, staring astonished at this extraordinary procession of fugitives that was beginning.	На главной улице несколько лавок было открыто; жители толпились на тротуарах, стояли у дверей и окон и с удивлением смотрели на необычайное шествие беженцев, которое только еще начиналось.
He succeeded in getting some food at an inn.	Брату удалось перекусить в гостинице.
For a time he remained in Edgware not knowing what next to do.	Он бродил по Эджуэру, не зная, что делать дальше.

The flying people increased in number.	Толпа беженцев все увеличивалась.
Many of them, like my brother, seemed inclined to loiter in the place.	Многие, подобно брату, по прочь были остаться там.
There was no fresh news of the invaders from Mars.	О марсианах ничего нового не сообщалось.
At that time the road was crowded, but as yet far from congested.	Дорога уже наполнилась беженцами, но была еще проходима.

Most of the fugitives at that hour were mounted on cycles, but there were soon motor cars, hansom cabs, and carriages hurrying along, and the dust hung in heavy clouds along the road to St. Albans.	Сначала было больше велосипедистов, потом появились быстро мчавшиеся автомобили, изящные кэбы, коляски; пыль столбом стояла на дороге до самого Сент-Олбенса.
It was perhaps a vague idea of making his way to Chelmsford, where some friends of his lived, that at last induced my brother to strike into a quiet lane running eastward.	Вспомнив, очевидно, про своих друзей в Челмсфорде, брат решил свернуть на тихий проселок, тянувшийся к востоку.
Presently he came upon a stile, and, crossing it, followed a footpath northeastward.	Когда перед ним вырос забор, он перелез через пего и направился по тропинке к северо-востоку.

He passed near several farmhouses and some little places whose names he did not learn.	Он миновал несколько фермерских коттеджей и какие-то деревушки, названий которых не знал.
He saw few fugitives until, in a grass lane towards High Barnet, he happened upon two ladies who became his fellow travellers.	Изредка попадались беженцы. У Хай-Барнета, на заросшем травой проселке, он встретился с двумя дамами, ставшими его спутницами.
He came upon them just in time to save them.	Он догнал их как раз вовремя, чтобы помочь им.

He heard their screams, and, hurrying round the corner, saw a couple of men struggling to drag them out of the little pony-chaise in which they had been driving, while a third with difficulty held the frightened pony's head.	Услыхав крики, он поспешно завернул за угол и увидел двух мужчин, пытавшихся высадить женщин из коляски; третий держал под уздцы испуганного пони.
One of the ladies, a short woman dressed in white, was simply screaming; the other, a dark, slender figure, slashed at the man who gripped her arm with a whip she held in her disengaged hand.	Одна из дам, небольшого роста, в белом платье, кричала; другая же, стройная брюнетка, била хлыстом по лицу мужчину, схватившего ее зару[к]у.

My brother immediately grasped the situation, shouted, and hurried towards the struggle.	Брат мгновенно оценил положение и с криком поспешил на помощь женщинам.
One of the men desisted and turned towards him, and my brother, realising from his antagonist's face that a fight was unavoidable, and being an expert boxer, went into him forthwith and sent him down against the wheel of the chaise.	Один из нападавших оставил даму и повернулся к нему; брат, отличный боксер, видя по лицу противника, что драка неизбежна, напал первым и одним ударом свалил его под колеса.

It was no time for pugilistic chivalry and my brother laid him quiet with a kick, and gripped the collar of the man who pulled at the slender lady's arm.	Тут было не до рыцарской вежливости, и брат, оглушив упавшего пинком, схватил за шиворот второго нападавшего, который держал за руку младшую из дам.
He heard the clatter of hoofs, the whip stung across his face, a third antagonist struck him between the eyes, and the man he held wrenched himself free and made off down the lane in the direction from which he had come.	Он услышал топот копыт, хлыст скользнул по его лицу, и третий противник нанес ему сильный удар в переносицу; тот, которого он держал за шиворот, вырвался и бросился бежать по проселку в ту сторону, откуда подошел брат.

Partly stunned, he found himself facing the man who had held the horse's head, and became aware of the chaise receding from him down the lane, swaying from side to side, and with the women in it looking back.	Оглушенный ударом, брат очутился лицом к лицу с субъектом, который только что держал пони; коляска удалялась по проселку, вихляя из стороны в сторону; обе женщины, обернувшись, следили за дракой.

The man before him, a burly rough, tried to close, and he stopped him with a blow in the face.	Противник, рослый детина, готовился нанести второй удар, но брат опередил его, ударив в челюсть.

Then, realising that he was deserted, he dodged round and made off down the lane after the chaise, with the sturdy man close behind him, and the fugitive, who had turned now, following remotely.	Потом, видя, что он остался один, брат увернулся от удара и побежал по проселку вслед за коляской, преследуемый по пятам своим противником; другой, удравший было, остановился, повернул обратно и теперь следовал за ним издали.
Suddenly he stumbled and fell; his immediate pursuer went headlong, and he rose to his feet to find himself with a couple of antagonists again.	Вдруг брат оступился и упал; его ближайший преследователь, споткнувшись о него, тоже упал, и брат, вскочив на ноги, снова очутился лицом к лицу с двумя противниками.

He would have had little chance against them had not the slender lady very pluckily pulled up and returned to his help.	У него было мало шансов справиться с ними, во в это время стройная брюнетка быстро остановила пони и поспешила к нему на помощь.
It seems she had had a revolver all this time, but it had been under the seat when she and her companion were attacked.	Оказалось, у нее был револьвер, но он лежал под сиденьем, когда на них напали.
She fired at six yards' distance, narrowly missing my brother.	Она выстрелила с расстояния в шесть ярдов, чуть не попав в брата.
The less courageous of the robbers made off, and his companion followed him, cursing his cowardice.	Менее храбрый из грабителей пустился наутек, его товарищ последовал за ним, проклиная его трусость.

They both stopped in sight down the lane, where the third man lay insensible.	Оба они остановились поодаль на проселке, около третьего из нападавших, лежавшего на земле без движения.
"Take this!" said the slender lady, and she gave my brother her revolver.	- Возьмите, - промолвила стройная дама, передавая брату свой револьвер.
"Go back to the chaise," said my brother, wiping the blood from his split lip.	- Садитесь в коляску, - сказал брат, вытирая кровь с рассеченной губы.
She turned without a word--they were both panting--and they went back to where the lady in white struggled to hold back the frightened pony.	Она молча повернулась, и оба они, тяжело дыша, подошли к женщине в белом платье, которая еле сдерживала испуганного пони.

The robbers had evidently had enough of it.	Грабители не возобновили нападения.
When my brother looked again they were retreating.	Обернувшись, брат увидел, что они уходят.
"I'll sit here," said my brother, "if I may"; and he got upon the empty front seat.	- Я сяду здесь, если разрешите, - сказал он, взобравшись на пустое переднее сиденье.
The lady looked over her shoulder.	Брюнетка оглянулись через плечо.
"Give me the reins," she said, and laid the whip along the pony's side.	- Дайте мне вожжи, - сказала она и хлестнула пони.
In another moment a bend in the road hid the three men from my brother's eyes.	Через минуту грабителей не стало видно за поворотом дороги.

So, quite unexpectedly, my brother found himself, panting, with a cut mouth, a bruised jaw, and bloodstained knuckles, driving along an unknown lane with these two women.	Таким образом, совершенно неожиданно брат, запыхавшийся, с рассеченной губой, с опухшим подбородком и окровавленными пальцами, очутился в коляске вместе с двумя женщинами на незнакомой дороге.
He learned they were the wife and the younger sister of a surgeon living at Stanmore, who had come in the small hours from a dangerous case at Pinner, and heard at some railway station on his way of the Martian advance.	Он узнал, что одна на них жена, а другая младшая сестра врача из Стэнмора, который, возвращаясь ночью из Пиннера от тяжелобольного, услышал на одной из железнодорожных станций о приближении марсиан.

He had hurried home, roused the women--their servant had left them two days before-packed some provisions, put his revolver under the seat--luckily for my brother--and told them to drive on to Edgware, with the idea of getting a train there.	Он поспешил домой, разбудил женщин - прислуга ушла от них за два дня перед тем, - уложил кое-какую провизию, сунул, к счастью для моего брата, свой револьвер под сиденье и сказал им, чтобы они ехали в Эджуэр и сели там на поезд.
He stopped behind to tell the neighbours.	Сам он остался оповестить соседей и обещался нагнать их около половины пятого утра.

He would overtake them, he said, at about half past four in the morning, and now it was nearly nine and they had seen nothing of him.	Теперь уже около девяти, а его все нет.
They could not stop in Edgware because of the growing traffic through the place, and so they had come into this side lane.	Остановиться в Эджуэре они не могли из-за наплыва беженцев и, таким образом, свернули на глухую дорогу.
That was the story they told my brother in fragments when presently they stopped again, nearer to New Barnet.	Все это они постепенно рассказали моему брату по пути к Нью-Барнету, где они сделали привал.

He promised to stay with them, at least until they could determine what to do, or until the missing man arrived, and professed to be an expert shot with the revolver--a weapon strange to him--in order to give them confidence.	Брат обещал не покидать их, по крайней мере, до тех пор, пока они не решат, что предпринять, или пока их не догонит врач. Желая успокоить женщин, брат уверял, что он отличный стрелок, хотя в жизни не держал в руках револьвера.
They made a sort of encampment by the wayside, and the pony became happy in the hedge.	Они расположились у дороги, и пони пристроился возле живой изгороди.

He told them of his own escape out of London, and all that he knew of these Martians and their ways.	Брат рассказал спутницам о своем бегстве из Лондона и сообщил им все, что слышал о марсианах и об их действиях.
The sun crept higher in the sky, and after a time their talk died out and gave place to an uneasy state of anticipation.	Солнце поднималось все выше, и скоро оживленный разговор сменился томительным ожиданием.

Several wayfarers came along the lane, and of these my brother gathered such news as he could. Every broken answer he had deepened his impression of the great disaster that had come on humanity, deepened his persuasion of the immediate necessity for prosecuting this flight.	По дороге прошло несколько беженцев; от них брат узнал кое-какие новости, еще более подтвердившие его убежденность в грандиозности разразившегося бедствия и необходимости дальнейшего бегства.
He urged the matter upon them.	Он сказал об этом своим спутницам.
"We have money," said the slender woman, and hesitated.	- У нас есть деньги, - сказала младшая дама и тут же запнулась.

Her eyes met my brother's, and her hesitation ended.	Ее глаза встретились с глазами брата, и она успокоилась.
"So have I," said my brother.	- У меня тоже есть деньги, - отвечал брат.
She explained that they had as much as thirty pounds in gold, besides a five-pound note, and suggested that with that they might get upon a train at St. Albans or New Barnet.	Она сообщила, что у них имеется тридцать фунтов золотом и одна пятифунтовая кредитка, и высказала предположение, что они смогут сесть в поезд в Сент-Олбенсе или Нью-Барнете.

My brother thought that was hopeless, seeing the fury of the Londoners to crowd upon the trains, and broached his own idea of striking across Essex towards Harwich and thence escaping from the country altogether.	Брат считал, что попасть на поезд совершенно невозможно: он видел, как яростно поезда осаждались толпами лондонцев, и предложил пробраться через Эссекс к Гарвичу, а там пароходом переправиться на континент.
Mrs. Elphinstone--that was the name of the woman in white--would listen to no reasoning, and kept calling upon "George"; but her sister-in-law was astonishingly quiet and deliberate, and at last agreed to my brother's suggestion.	Миссис Элфинстон - так звали даму в белом - не слушала никаких доводов и хотела ждать своего Джорджа; но ее золовка оказалась на редкость хладнокровной и рассудительной и в конце концов согласилась с моим братом.

So, designing to cross the Great North Road, they went on towards Barnet, my brother leading the pony to save it as much as possible.	Они поехали к Барнету, намереваясь пересечь Большую Северную дорогу; брат вел пони под уздцы, чтобы сберечь его силы.
As the sun crept up the sky the day became excessively hot, and under foot a thick, whitish sand grew burning and blinding, so that they travelled only very slowly.	Солнце поднималось, и день становился очень жарким; белесый песок ослепительно сверкал и так накалился под ногами, что они очень медленно продвигались вперед.
The hedges were grey with dust.	Живая изгородь посерела от пыли.
And as they advanced towards Barnet a tumultuous murmuring grew stronger.	Недалеко от Барнета они услышали какой-то отдаленный гул.

They began to meet more people.	Стало попадаться больше народу.
For the most part these were staring before them, murmuring indistinct questions, jaded, haggard, unclean.	Беженцы шли изнуренные, угрюмые, грязные, неохотно отвечая на расспросы.
One man in evening dress passed them on foot, his eyes on the ground.	Какой-то человек во фраке прошел мимо них, опустив глаза в землю.
They heard his voice, and, looking back at him, saw one hand clutched in his hair and the other beating invisible things.	Они слышали, как он разговаривал сам с собой, и, оглянувшись, увидели, что одной рукой он схватил себя за волосы, а другой наносил удары невидимому врагу.

His paroxysm of rage over, he went on his way without once looking back.	После этого приступа бешенства он, не оглядываясь, пошел дальше.
As my brother's party went on towards the crossroads to the south of Barnet they saw a woman approaching the road across some fields on their left, carrying a child and with two other children; and then passed a man in dirty black, with a thick stick in one hand and a small portmanteau in the other.	Когда брат и его спутницы подъезжали к перекрестку дорог южнее Барнета, то увидели в поле, слева от дороги, женщину с ребенком на руках; двое детей плелись за нею, а позади шагал муж в грязной черной блузе, с толстой палкой в одной руке и чемоданом в другой.

Then round the corner of the lane, from between the villas that guarded it at its confluence with the high road, came a little cart drawn by a sweating black pony and driven by a sallow youth in a bowler hat, grey with dust.	Потом откуда-то из-за вилл, отделявших проселок от большой дороги, выехала тележка, в которую был впряжен взмыленный черный пони; правил бледный юноша в котелке, сером от пыли.
There were three girls, East End factory girls, and a couple of little children crowded in the cart.	В тележке сидели три девушки, с виду фабричные работницы Ист-Энда, и двое детей.

"This'll tike us rahnd Edgware?" asked the driver, wild-eyed, white-faced; and when my brother told him it would if he turned to the left, he whipped up at once without the formality of thanks.	- Как проехать на Эджуэр? - спросил бледный, растерянный возница. Брат ответил, что надо свернуть налево, и молодой человек хлестнул пони, даже не поблагодарив.
My brother noticed a pale grey smoke or haze rising among the houses in front of them, and veiling the white facade of a terrace beyond the road that appeared between the backs of the villas.	Брат заметил, что дома перед ним и фасад террасы, примыкающей к одной из вилл, стоявших по ту сторону дороги, окутаны голубоватой дымкой, точно мглой.

Mrs. Elphinstone suddenly cried out at a number of tongues of smoky red flame leaping up above the houses in front of them against the hot, blue sky.	Мис-сис Элфинстон вдруг вскрикнула, увидав над домами красные языки пламени, взлетавшие в ярко-синее небо.
The tumultuous noise resolved itself now into the disorderly mingling of many voices, the gride of many wheels, the creaking of waggons, and the staccato of hoofs.	Из хаоса звуков стали выделяться голоса, грохот колес, скрип повозок и дробный стук копыт.
The lane came round sharply not fifty yards from the crossroads.	Ярдов за пятьдесят от перекрестка узкая дорога круто заворачивала.

"Good heavens!" cried Mrs. Elphinstone. "What is this you are driving us into?"	- Боже мой! - вскрикнула миссис Элфинстон. -Куда же вы нас везете?
My brother stopped.	Брат остановился.
For the main road was a boiling stream of people, a torrent of human beings rushing northward, one pressing on another.	Большая дорога представляла собой сплошной клокочущий людской поток, стремившийся к северу.

A great bank of dust, white and luminous in the blaze of the sun, made everything within twenty feet of the ground grey and indistinct and was perpetually renewed by the hurrying feet of a dense crowd of horses and of men and women on foot, and by the wheels of vehicles of every description.	Облако белой пыли, сверкающее в лучах солнца, поднималось над землей футов на двадцать, окутывало все сплошной пеленой и ни на минуту не рассеивалось, так как лошади, пешеходы и колеса всевозможных экипажей вздымали все новые и новые клубы.
"Way!" my brother heard voices crying. "Make way!"	- Дорогу! - слышались крики. - Дайте дорогу!

It was like riding into the smoke of a fire to approach the meeting point of the lane and road; the crowd roared like a fire, and the dust was hot and pungent.	Когда они приближались к перекрестку, им казалось, будто они въезжают в горящий лес; толпа шумела, как пламя, а пыль была жгучей и едкой.
And, indeed, a little way up the road a villa was burning and sending rolling masses of black smoke across the road to add to the confusion.	Впереди пылала вилла, увеличивая смятение, и клубы черного дыма стлались по дороге.
Two men came past them.	Мимо прошли двое мужчин.

Then a dirty woman, carrying a heavy bundle and weeping.	Потом какая-то женщина, перепачканная и заплаканная, с тяжелым узлом.

A lost retriever dog, with hanging tongue, circled dubiously round them, scared and wretched, and fled at my brother's threat.	Потерявшаяся охотничья собака, испуганная и жалкая, высунув язык, покружилась вокруг коляски и убежала, когда брат цыкнул на нее.

So much as they could see of the road Londonward between the houses to the right was a tumultuous stream of dirty, hurrying people, pent in between the villas on either side; the black heads, the crowded forms, grew into distinctness as they rushed towards the corner, hurried past, and merged their individuality again in a receding multitude that was swallowed up at last in a cloud of dust.	Впереди, насколько хватал глаз, вся дорога от Лондона казалась сплошным клокочущим потоком грязных и толкающих друг друга людей, катившимся между двумя рядами вилл. У поворота дороги из черного месива тел на миг выступали отдельные лица и фигуры, потом они проносились мимо и снова сливались в сплошную массу, полускрытую облаком пыли.
"Go on! Go on!" cried the voices. "Way! Way!"	-Пропустите!..- раздавались крики.- Дорогу, дорогу!

One man's hands pressed on the back of another.	Руки идущих сзади упирались в спины передних.
My brother stood at the pony's head.	Брат вел под уздцы пони.
Irresistibly attracted, he advanced slowly, pace by pace, down the lane.	Подхваченный толпой, он медленно, шаг за шагом продвигался вперед.
Edgware had been a scene of confusion, Chalk Farm a riotous tumult, but this was a whole population in movement.	В Эджуэре чувствовалось беспокойство, в Чок-Фарме была паника - казалось, происходило переселение народов.
It is hard to imagine that host.	Трудно описать эти полчища.

It had no character of its own. The figures poured out past the corner, and receded with their backs to the group in the lane.	Это была безликая масса, появлявшаяся из-за угла и исчезавшая за поворотом.
Along the margin came those who were on foot threatened by the wheels, stumbling in the ditches, blundering into one another.	По обочине дороги плелись пешеходы, увертываясь от колес экипажей, сталкиваясь, спотыкаясь, падая в канаву.

The carts and carriages crowded close upon one another, making little way for those swifter and more impatient vehicles that darted forward every now and then when an opportunity showed itself of doing so, sending the people scattering against the fences and gates of the villas.	Повозки и экипажи тянулись вплотную друг за другом. Более проворные и нетерпеливые иногда вырывались вперед, заставляя пешеходов жаться к окаймлявшим дорогу заборам и воротам вилл.
"Push on!" was the cry. "Push on!	- Скорей, скорей! - слышались крики. - Дорогу!
They are coming!"	Они идут!

In one cart stood a blind man in the uniform of the Salvation Army, gesticulating with his crooked fingers and bawling,	В одной повозке стоял слепой старик в мундире Армии спасения. Он размахивал руками со скрюченными пальцами и вопил:
"Eternity! Eternity!"	"Вечность, вечность!"
His voice was hoarse and very loud so that my brother could hear him long after he was lost to sight in the dust.	Он охрип, но кричал так пронзительно, что брат еще долго слышал его после того, как тот скрылся в облаке пыли.

Some of the people who crowded in the carts whipped stupidly at their horses and quarrelled with other drivers; some sat motionless, staring at nothing with miserable eyes; some gnawed their hands with thirst, or lay prostrate in the bottoms of their conveyances.	Многие ехавшие в экипажах без толку нахлестывали лошадей и переругивались; некоторые сидели неподвижно, жалкие, растерянные; другие грызли руки от жажды или лежали, бессильно растянувшись, в повозках.
The horses' bits were covered with foam, their eyes bloodshot.	Глаза лошадей налились кровью, удила Выли покрыты пеной.

There were cabs, carriages, shop cars, waggons, beyond counting; a mail cart, a road-cleaner's cart marked	Тут были бесчисленные кэбы, коляски, фургоны, тележки, почтовая карета, телега мусорщика о надписью:
"Vestry of St. Pancras," a huge timber waggon crowded with roughs.	"Приход св. Панкратия", - большая платформа для досок, переполненная оборванцами.
A brewer's dray rumbled by with its two near wheels splashed with fresh blood.	Катилась фура для перевозки пива, колеса ее были забрызганы свежей кровью.
"Clear the way!" cried the voices. "Clear the way!"	- Дайте дорогу! - раздались крики. - Дорогу!

"Eter-nity! Eter-nity!" came echoing down the road.	- Вечность, вечность! - доносилось, как эхо, издалека.
There were sad, haggard women tramping by, well dressed, with children that cried and stumbled, their dainty clothes smothered in dust, their weary faces smeared with tears.	Тут были женщины, бледные и грустные, хорошо одетые, с плачущими и еле передвигавшими ноги детьми; дети были все в пыли и заплаканы.
With many of these came men, sometimes helpful, sometimes lowering and savage.	Со многими женщинами шли мужья, то заботливые, то озлобленные и мрачные.

Fighting side by side with them pushed some weary street outcast in faded black rags, wide-eyed, loud-voiced, and foul-mouthed.	Тут же прокладывали себе дорогу оборванцы в выцветших томных лохмотьях, с дикими глазами, зычно кричавшие и цинично ругавшиеся.
There were sturdy workmen thrusting their way along, wretched, unkempt men, clothed like clerks or shopmen, struggling spasmodically; a wounded soldier my brother noticed, men dressed in the clothes of railway porters, one wretched creature in a nightshirt with a coat thrown over it.	Рядом о рослыми рабочими, энергично пробиравшимися вперед, теснились тщедушные растрепанные люди, похожие по одежде на клерков или приказчиков; брат заметил раненого солдата, железнодорожных носильщиков и какую-то жалкую женщину в пальто, наброшенном поверх ночной рубашки.

But varied as its composition was, certain things all that host had in common.	Но, несмотря на все свое разнообразие, люди в этой толпе имели нечто общее.
There were fear and pain on their faces, and fear behind them.	Лица у всех были испуганные, измученные, чувствовалось, что всех гонит страх.
A tumult up the road, a quarrel for a place in a waggon, sent the whole host of them quickening their pace; even a man so scared and broken that his knees bent under him was galvanised for a moment into renewed activity.	Всякий шум впереди, на дороге, спор из-за места в повозке заставлял всю толпу ускорять шаг; даже люди, до того напуганные и измученные, что у них подгибались колени, вдруг, точно гальванизированные страхом, становились на мгновение более энергичными.

The heat and dust had already been at work upon this multitude.	Жара и пыль истомили толпу.
Their skins were dry, their lips black and cracked.	Кожа пересохла, губы почернели и потрескались.

They were all thirsty, weary, and footsore.	Всех мучила жажда, все устали, все натрудили ноги.
And amid the various cries one heard disputes, reproaches, groans of weariness and fatigue; the voices of most of them were hoarse and weak.	Повсюду слышались споры, упреки, стоны изнеможения; у большинства голоса были хриплые и слабые.
Through it all ran a refrain:	Вся толпа то и дело выкрикивала, точно припев:

"Way! Way!	- Скорей, скорой!
The Martians are coming!"	Марсиане идут!
Few stopped and came aside from that flood.	Некоторые останавливались в отходили в сторону от людского потока.
The lane opened slantingly into the main road with a narrow opening, and had a delusive appearance of coming from the direction of London.	Проселок, на котором стояла коляска, выходил на шоссе и казался ответвлением лондонской дороги.

Yet a kind of eddy of people drove into its mouth; weaklings elbowed out of the stream, who for the most part rested but a moment before plunging into it again.	Его захлестывал бурный прилив, толпа оттесняла сюда более слабых; постояв здесь и отдохнув, они снова кидались в давку.
A little way down the lane, with two friends bending over him, lay a man with a bare leg, wrapped about with bloody rags.	Посреди дороги лежал человек с обнаженной ногой, перевязанной окровавленной тряпкой, и над ним склонились двое.
He was a lucky man to have friends.	Счастливец, у него нашлись друзья.

A little old man, with a grey military moustache and a filthy black frock coat, limped out and sat down beside the trap, removed his boot--his sock was blood-stained--shook out a pebble, and hobbled on again; and then a little girl of eight or nine, all alone, threw herself under the hedge close by my brother, weeping.	Маленький старичок, с седыми подстриженными по-военному усами, в грязном черном сюртуке, выбрался, прихрамывая, из давки, сел на землю, снял башмак - носок был в крови, - вытряс мелкие камешки и снова надел. Девочка лет восьми-девяти бросилась на землю у забора неподалеку от моего брата и расплакалась:
"I can't go on!	- Не могу больше идти!
I can't go on!"	Не могу!

My brother woke from his torpor of astonishment and lifted her up, speaking gently to her, and carried her to Miss Elphinstone.	Брат, очнувшись от столбняка, стал утешать девочку, поднял ее и отнес к мисс Элфинстон.
So soon as my brother touched her she became quite still, as if frightened.	Девочка испуганно притихла.
"Ellen!" shrieked a woman in the crowd, with tears in her voice--"Ellen!"	- Эллен! - жалобно кричала какая-то женщина в толпе. - Эллен!
And the child suddenly darted away from my brother, crying	Девочка вдруг вырвалась из рук брата с криком:
"Mother!"	"Мама!"

"They are coming," said a man on horseback, riding past along the lane.	- Они идут, - сказал человек, ехавший верхом по проселку.
"Out of the way, there!" bawled a coachman, towering high; and my brother saw a closed carriage turning into the lane.	- Прочь с дороги, эй, вы! - кричал, привстав на козлах, какой-то кучер.

The people crushed back on one another to avoid the horse.	Брат увидел закрытую карету, сворачивающую на проселок.
My brother pushed the pony and chaise back into the hedge, and the man drove by and stopped at the turn of the way.	Пешеходы расступились, расталкивая друг друга, чтобы не попасть под лошадь. Брат отвел пони ближе к забору, карета проехала мимо и остановилась на повороте.

It was a carriage, with a pole for a pair of horses, but only one was in the traces.	Это была карета с дышлом для пары, но впряжена была только одна лошадь.
My brother saw dimly through the dust that two men lifted out something on a white stretcher and put it gently on the grass beneath the privet hedge.	Брат смутно различал сквозь облако пыли, что двое мужчин вынесли кого-то из кареты на белых носилках и осторожно положили на траву у живой изгороди.
One of the men came running to my brother.	Один из них подбежал к брату.
"Where is there any water?" he said. "He is dying fast, and very thirsty. It is Lord Garrick."	- Есть тут где-нибудь вода? - спросил он. - Он умирает, пить просит... Это лорд Гаррик.

"Lord Garrick!" said my brother; "the Chief Justice?"	- Лорд Гаррик? - воскликнул брат. - Коронный судья?
"The water?" he said.	-Где тут вода?
"There may be a tap," said my brother, "in some of the houses. We have no water.	- Может быть, в одном из этих домов есть водопровод, - сказал брат. - У нас нет воды.
I dare not leave my people."	Я я боюсь оставить своих.
The man pushed against the crowd towards the gate of the corner house.	Человек стал проталкиваться сквозь толпу к воротам углового дома.
"Go on!" said the people, thrusting at him. "They are coming!	- Вперед! Вперед! - кричали люди, напирая на него. - Они идут!

Go on!"	Не задерживайте!
Then my brother's attention was distracted by a bearded, eagle-faced man lugging a small handbag, which split even as my brother's eyes rested on it and disgorged a mass of sovereigns that seemed to break up into separate coins as it struck the ground. They rolled hither and thither among the struggling feet of men and horses.	Брат заметил бородатого мужчину с орлиным профилем, в руке он нес небольшой саквояж; саквояж раскрылся, из него посыпались золотые соверены, со звоном падая на землю и катясь под ноги двигавшихся людей и лошадей.

The man stopped and looked stupidly at the heap, and the shaft of a cab struck his shoulder and sent him reeling. He gave a shriek and dodged back, and a cartwheel shaved him narrowly.	Бородатый мужчина остановился, тупо глядя на рассыпавшееся золото; оглобля кэба ударила его в плечо, он пошатнулся, вскрикнул и отскочил и сторону, чуть не попав под колесо.
"Way!" cried the men all about him. "Make way!"	- Дорогу! - кричали ему. - Не останавливайтесь!
So soon as the cab had passed, he flung himself, with both hands open, upon the heap of coins, and began thrusting handfuls in his pocket.	Как только кэб проехал, бородатый мужчина бросился на землю, протянул руки к куче монет и стал совать их пригоршнями в карманы.

A horse rose close upon him, and in another moment, half rising, he had been borne down under the horse's hoofs.	Вдруг над ним вздыбилась лошадь; он приподнялся, но тут же упал под копыта.

"Stop!" screamed my brother, and pushing a woman out of his way, tried to clutch the bit of the horse.	- Стой! - закричал брат и, оттолкнув какую-то женщину, бросился вперед, чтобы схватить лошадь под уздцы.
Before he could get to it, he heard a scream under the wheels, and saw through the dust the rim passing over the poor wretch's back.	Но, прежде чем брат успел это сделать, послышался крик, и сквозь клубы пыли он увидел, как колесо проехало по спине упавшего.

The driver of the cart slashed his whip at my brother, who ran round behind the cart.	Кучер хлестнул кнутом подбежавшего брата.
The multitudinous shouting confused his ears.	Рев толпы оглушил его.
The man was writhing in the dust among his scattered money, unable to rise, for the wheel had broken his back, and his lower limbs lay limp and dead.	Несчастный корчился в пыли среди золотых монет и не мог подняться; колесо, переехав его, повредило позвоночник, и нижняя часть его тела была парализована.
My brother stood up and yelled at the next driver, and a man on a black horse came to his assistance.	Брат пытался остановить следующий экипаж. Какой-то человек верхом на вороной лошади вызвался помочь ему.

"Get him out of the road," said he; and, clutching the man's collar with his free hand, my brother lugged him sideways. But he still clutched after his money, and regarded my brother fiercely, hammering at his arm with a handful of gold.	- Стащите его с дороги! - крикнул он. Врат схватил за шиворот упавшего и стал тащить его в сторону, но тот все силился подобрать монеты и яростно бил брата по руке кулаком, сжимавшим пригоршню золота.
"Go on! Go on!" shouted angry voices behind. "Way! Way!"	- Не останавливайтесь, проходите! - злобно кричали сзади. - Дорогу, дорогу!
There was a smash as the pole of a carriage crashed into the cart that the man on horseback stopped.	Послышался треск, и дышло кареты ударилось о повозку, которую остановил мужчина на вороной лошади.

My brother looked up, and the man with the gold twisted his head round and bit the wrist that held his collar.	Брат повернулся, и человек с золотыми монетами изловчился и укусил его за руку.
There was a concussion, and the black horse came staggering sideways, and the carthorse pushed beside it.	Вороная лошадь шарахнулась, а лошадь с повозкой пронеслась мимо, чуть не задов брата копытом.
A hoof missed my brother's foot by a hair's breadth.	Он выпустил упавшего и отскочил в сторону.

He released his grip on the fallen man and jumped back. He saw anger change to terror on the face of the poor wretch on the ground, and in a moment he was hidden and my brother was borne backward and carried past the entrance of the lane, and had to fight hard in the torrent to recover it.	Он видел, как злоба сменилась ужасом на лице корчившегося на земле несчастного; в следующий момент брата оттеснили, он потерял его из виду и с большим трудом вернулся на проселок.

He saw Miss Elphinstone covering her eyes, and a little child, with all a child's want of sympathetic imagination, staring with dilated eyes at a dusty something that lay black and still, ground and crushed under the rolling wheels.	Он увидел, что мисс Элфинстон закрыла глаза рукой, а маленький мальчик с детским любопытством широко раскрытыми глазами смотрит на пыльную черную кучу под колесами катившихся экипажей.

"Let us go back!" he shouted, and began turning the pony round. "We cannot cross this—hell," he said and they went back a hundred yards the way they had come, until the fighting crowd was hidden.	- Поедемте обратно! - крикнул брат и стал поворачивать пони. - Нам не пробраться через этот ад. - Они проехали сто ярдов в обратном направлении, пока обезумевшая толпа не скрылась за поворотом.
As they passed the bend in the lane my brother saw the face of the dying man in the ditch under the privet, deadly white and drawn, and shining with perspiration.	Проезжая мимо канавы, брат увидел под изгородью мертвенно-бледное, покрытое потом, искаженное лицо умирающего.
The two women sat silent, crouching in their seat and shivering.	Обе женщины сидели молча, их сотрясала дрожь.

Then beyond the bend my brother stopped again.	За поворотом брат остановился.
Miss Elphinstone was white and pale, and her sister-in-law sat weeping, too wretched even to call upon "George."	Мисс Элфинстон была очень бледна; ее невестка плакала и забыла даже про своего Джорджа.
My brother was horrified and perplexed.	Брат тоже был потрясен и растерян.
So soon as they had retreated he realised how urgent and unavoidable it was to attempt this crossing.	Едва отъехав от шоссе, он понял, что другого выхода нет, как снова попытаться его пересечь.
He turned to Miss Elphinstone, suddenly resolute.	Он решительно повернулся к мисс Элфинстон.

"We must go that way," he said, and led the pony round again.	- Мы все же должны там проехать, - сказал он и снова повернул пони.
For the second time that day this girl proved her quality.	Второй раз за этот день девушка обнаружила недюжинное присутствие духа.
To force their way into the torrent of people, my brother plunged into the traffic and held back a cab horse, while she drove the pony across its head.	Брат бросился вперед и осадил какую-то лошадь, тащившую кэб, чтобы миссис Элфинстон могла проехать.
A waggon locked wheels for a moment and ripped a long splinter from the chaise.	Кэб зацепился колесом и обломал крыло коляски.

In another moment they were caught and swept forward by the stream.	В следующую секунду поток подхватил их и понес.
My brother, with the cabman's whip marks red across his face and hands, scrambled into the chaise and took the reins from her.	Брат, с красными рубцами на лице и руках от бича кучера, правившего кэбом, вскочил в коляску и взял вожжи.
"Point the revolver at the man behind," he said, giving it to her, "if he presses us too hard. No!--point it at his horse."	- Цельтесь в человека позади, - сказал он, передавая револьвер мисс Элфинстон, - если он будет слишком напирать... Нет, цельтесь лучше в его лошадь.
Then he began to look out for a chance of edging to the right across the road.	Он попытался проехать по правому краю и пересечь дорогу.

But once in the stream he seemed to lose volition, to become a part of that dusty rout.	Это оказалось невозможным, пришлось смешаться с потоком и двигаться по течению.
They swept through Chipping Barnet with the torrent; they were nearly a mile beyond the centre of the town before they had fought across to the opposite side of the way.	Вместе с толпой они миновали Чиппинг-Барнет и отъехали почти на милю от центра города, прежде чем им удалось пробиться на другую сторону дороги.

It was din and confusion indescribable; but in and beyond the town the road forks repeatedly, and this to some extent relieved the stress.	Кругом был невообразимый шум и давка, но в городе и за городом дорога несколько раз разветвлялась, и толпа немного убавилась.
They struck eastward through Hadley, and there on either side of the road, and at another place farther on they came upon a great multitude of people drinking at the stream, some fighting to come at the water.	Они направились к востоку через Хэдли и здесь по обе стороны дороги увидели множество людей, пивших прямо из реки и дравшихся из-за места у воды.

And farther on, from a lull near East Barnet, they saw two trains running slowly one after the other without signal or order--trains swarming with people, with men even among the coals behind the engines--going northward along the Great Northern Railway.	Еще дальше, с холма близ Ист-Барнета, они видели, как вдали медленно, без гудков, друг за другом двигались на север два поезда; не только вагоны, но даже тендеры с углем были облеплены народом.
My brother supposes they must have filled outside London, for at that time the furious terror of the people had rendered the central termini impossible.	Очевидно, поезда эти заполнялись пассажирами еще до Лондона, потому что из-за паники посадка на центральных вокзалах была совершенно невозможна.

Near this place they halted for the rest of the afternoon, for the violence of the day had already utterly exhausted all three of them.	Вскоре они остановились отдохнуть: все трое устали от пережитых волнений.
They began to suffer the beginnings of hunger; the night was cold, and none of them dared to sleep.	Они чувствовали первые приступы голода, ночь была холодная, никто из них не решался уснуть.

And in the evening many people came hurrying along the road nearby their stopping place, fleeing from unknown dangers before them, and going in the direction from which my brother had come. CHAPTER SEVENTEEN THE "THUNDER CHILD"	В сумерках мимо их стоянки проходили беженцы, спасаясь от неведомой опасности, - они шли в ту сторону, откуда приехал брат. 17. "Сын грома"
Had the Martians aimed only at destruction, they might on Monday have annihilated the entire population of London, as it spread itself slowly through the home counties.	Если бы марсиане добивались только разрушения, то они могли бы тогда же, в понедельник, уничтожить все население Лондона, пока оно медленно растекалось по ближайшим графствам.

Not only along the road through Barnet, but also through Edgware and Waltham Abbey, and along the roads eastward to Southend and Shoeburyness, and south of the Thames to Deal and Broadstairs, poured the same frantic rout.	Не только по дороге к Барнету, но и по дорогам к Эджуэру и Уолтхем-Эбби, и на восток к Саусэнду и Шубэринесу, и к югу от Темзы, к Дилю и Бродстэрсу стремилась такая же обезумевшая толпа.

If one could have hung that June morning in a balloon in the blazing blue above London every northward and eastward road running out of the tangled maze of streets would have seemed stippled black with the streaming fugitives, each dot a human agony of terror and physical distress.	Если бы в это июньское утро кто-нибудь, поднявшись на воздушном шаре в ослепительную синеву, взглянул на Лондон сверху, то ему показалось бы, что все северные и восточные дороги, расходящиеся от гигантского клубка улиц, испещрены черными точками, каждая точка - это человек, охваченный смертельным страхом и отчаянием.

I have set forth at length in the last chapter my brother's account of the road through Chipping Barnet, in order that my readers may realise how that swarming of black dots appeared to one of those concerned.	В конце предыдущей главы я передал рассказ моего брата о дороге че- рез Чиппинг-Барнет, чтобы показать читате- лям, как воспринимал вблизи этот рой черных точек один из бежен- цев.

Never before in the history of the world had such a mass of human beings moved and suffered together.	Ни разу еще за всю ис- торию не двигалось и не страдало вместе та- кое множество людей.
The legendary hosts of Goths and Huns, the hugest armies Asia has ever seen, would have been but a drop in that current.	Легендарные полчища готов и гуннов, огром- ные орды азиатов пока- зались бы только кап- лей в этом потоке.

And this was no disciplined march; it was a stampede-- a stampede gigantic and terrible--without order and without a goal, six million people unarmed and unprovisioned, driving headlong.	Это было стихийное массовое движение, паническое, стадное бегство, всеобщее и ужасающее, без всякого порядка, без определенной цели; шесть миллионов людей, безоружных, без запасов еды, стремились куда-то очертя голову.
It was the beginning of the rout of civilisation, of the massacre of mankind.	Это было началом падения цивилизации, гибели человечества.

Directly below him the balloonist would have seen the network of streets far and wide, houses, churches, squares, crescents, gardens--already derelict--spread out like a huge map, and in the southward blotted.	Прямо под собой воздухоплаватель увидел бы сеть длинных широких улиц, дома, церкви, площади, перекрестки, сады, уже безлюдные, распростертые, точно огромная карта, запачканная в той части, где обозначены южные районы города.
Over Ealing, Richmond, Wimbledon, it would have seemed as if some monstrous pen had flung ink upon the chart.	Над Илингом, Ричмондом, Уимблдоном словно какое-то чудовищное перо накапало чернильные кляксы.

Steadily, incessantly, each black splash grew and spread, shooting out ramifications this way and that, now banking itself against rising ground, now pouring swiftly over a crest into a new-found valley, exactly as a gout of ink would spread itself upon blotting paper.	Безостановочно, неудержимо каждая клякса ширилась и растекалась, разветвляясь во все стороны и быстро переливаясь через возвышенности в какую-нибудь открывшуюся ложбину, - так расплывается чернильное пятно на промокательной бумаге.

And beyond, over the blue hills that rise southward of the river, the glittering Martians went to and fro, calmly and methodically spreading their poison cloud over this patch of country and then over that, laying it again with their steam jets when it had served its purpose, and taking possession of the conquered country.	Дальше, за голубыми холмами, поднимавшимися на юг от реки, расхаживали марсиане в своей сверкающей броне, спокойно и методически выпуская в тот или иной район ядовитые облака газа; затем они рассеивали газ струями пара и не спеша занимали завоеванную территорию.
They do not seem to have aimed at extermination so much as at complete demoralisation and the destruction of any opposition.	Они, очевидно, не стремились все уничтожить, хотели только вызвать полную деморализацию и таким образом сломить всякое сопротивление.

They exploded any stores of powder they came upon, cut every telegraph, and wrecked the railways here and there.	Они взрывали пороховые склады, перерезали телеграфные провода и портили в разных местах железнодорожное полотно.
They were hamstringing mankind.	Они как бы подрезали человечеству подколенную жилу.
They seemed in no hurry to extend the field of their operations, and did not come beyond the central part of London all that day.	По-видимому, они не торопились расширить зону своих действий и в этот день не пошли дальше центра Лондона.
It is possible that a very considerable number of people in London stuck to their houses through Monday morning.	Возможно, что значительное количество лондонских жителей оставалось еще в своих домах в понедельник утром.

Certain it is that many died at home suffocated by the Black Smoke.	Достоверно известно, что многие из них были задушены черным газом.
Until about midday the Pool of London was an astonishing scene.	До полудня лондонский Пул представлял удивительное зрелище.
Steamboats and shipping of all sorts lay there, tempted by the enormous sums of money offered by fugitives, and it is said that many who swam out to these vessels were thrust off with boathooks and drowned.	Пароходы и другие суда еще стояли там, и за переезд предлагались громадные деньги. Говорят, что многие бросались вплавь к судам, их отталкивали баграми, и они тонули.

About one o'clock in the afternoon the thinning remnant of a cloud of the black vapour appeared between the arches of Blackfriars Bridge.	Около часу дня под арками моста Блэкфрайер показались тонкие струйки черного газа.

At that the Pool became a scene of mad confusion, fighting, and collision, and for some time a multitude of boats and barges jammed in the northern arch of the Tower Bridge, and the sailors and lightermen had to fight savagely against the people who swarmed upon them from the riverfront.	Тотчас же весь Пул превратился в арену бешеного смятения, борьбы и свалки; множество лодок и катеров стеснилось в северной арке моста Тауэр, и матросы и грузчики отчаянно отбивались от толпы, напирающей с берега.
People were actually clambering down the piers of the bridge from above.	Некоторые даже спускались вниз по устоям моста...

When, an hour later, a Martian appeared beyond the Clock Tower and waded down the river, nothing but wreckage floated above Limehouse.	Когда час спустя за Вестминстером появился первый марсианин и направился вниз по реке, за Лаймхаузом плавали лишь одни обломки.
Of the falling of the fifth cylinder I have presently to tell.	Я уже упоминал о пятом цилиндре.
The sixth star fell at Wimbledon.	Шестой упал возле Уимблдона.
My brother, keeping watch beside the women in the chaise in a meadow, saw the green flash of it far beyond the hills.	Брат, охраняя своих спутниц, спавших в коляске на лугу, видел зеленую вспышку огня далеко за холмами.

On Tuesday the little party, still set upon getting across the sea, made its way through the swarming country towards Colchester.	Во вторник, все еще не теряя надежды уехать морем, они продолжали пробираться с толпой беженцев к Колчестеру.
The news that the Martians were now in possession of the whole of London was confirmed.	Слухи о том, что марсиане уже захватили Лондон, подтвердились.
They had been seen at Highgate, and even, it was said, at Neasden.	Их заметили у Хайгета и даже у Нисдона.
But they did not come into my brother's view until the morrow.	Мой брат увидел их только на следующий день.

That day the scattered multitudes began to realise the urgent need of provisions.	Вскоре толпы беженцев стали нуждаться в продовольствии.
As they grew hungry the rights of property ceased to be regarded.	Голодные люди не церемонились с чужой собственностью.
Farmers were out to defend their cattle-sheds, granaries, and ripening root crops with arms in their hands.	Фермеры вынуждены были с оружием в руках защищать свои скотные дворы, амбары и еще не снятый с полей урожай.

A number of people now, like my brother, had their faces eastward, and there were some desperate souls even going back towards London to get food.	Некоторые беженцы, подобно моему брату, повернули на восток. Находились такие смельчаки, которые в поисках пищи возвращались обратно в сторону Лондона.
These were chiefly people from the northern suburbs, whose knowledge of the Black Smoke came by hearsay.	Это были главным образом жители северных предместий, которые знали о черном газе лишь понаслышке.

He heard that about half the members of the government had gathered at Birmingham, and that enormous quantities of high explosives were being prepared to be used in automatic mines across the Midland counties.	Г оворили, что около половины членов правительства собралось в Бирмингеме и что большое количество взрывчатых веществ было заготовлено для закладки автоматических мин в графствах Мидлена.

He was also told that the Midland Railway Company had replaced the desertions of the first day's panic, had resumed traffic, and was running northward trains from St. Albans to relieve the congestion of the home counties.	Брат слышал также, что мидленская железнодорожная компания исправила все повреждения, причиненные в первый день паники, восстановила сообщение, и поезда снова идут к северу от Сент-Олбенса, чтобы уменьшить наплыв беженцев в окрестные графства.

There was also a placard in Chipping Ongar announcing that large stores of flour were available in the northern towns and that within twenty-four hours bread would be distributed among the starving people in the neighbourhood.	В Чиппинг-Онгаре висело объявление, сообщавшее, что в северных городах имеются большие запасы муки и что в ближайшие сутки хлеб будет распределен между голодающими.
But this intelligence did not deter him from the plan of escape he had formed, and the three pressed eastward all day, and heard no more of the bread distribution than this promise.	Однако это сообщение не побудило брата изменить свой план; они весь день продвигались к востоку и нигде не видели обещанной раздачи хлеба.

Nor, as a matter of fact, did anyone else hear more of it.	Да и никто этого не видел.
That night fell the seventh star, falling upon Primrose Hill.	В эту ночь на Примроз-Хилле упал седьмой цилиндр.
It fell while Miss Elphinstone was watching, for she took that duty alternately with my brother. She saw it.	Он упал во время дежурства мисс Элфинстон. Она дежурила ночью попеременно с братом и видела, как он падал.

On Wednesday the three fugitives--they had passed the night in a field of unripe wheat-reached Chelmsford, and there a body of the inhabitants, calling itself the Committee of Public Supply, seized the pony as provisions, and would give nothing in exchange for it but the promise of a share in it the next day.	В среду, после ночевки в пшеничном поле, трое беженцев достигли Челмсфорда, где несколько жителей, назвавшихся комитетом общественного питания, отобрали у них пони и не выдали ничего взамен, но пообещали дать долю при разделе пони на другой день.

Here there were rumours of Martians at Epping, and news of the destruction of Waltham Abbey Powder Mills in a vain attempt to blow up one of the invaders.	По слухам, марсиане были уже у Эппинга; говорили, что пороховые заводы в Уолтхем-Эбби разрушились при неудачной попытке взорвать одного из марсиан.
People were watching for Martians here from the church towers.	На церковных колокольнях были установлены сторожевые посты.

My brother, very luckily for him as it chanced, preferred to push on at once to the coast rather than wait for food, although all three of them were very hungry.	Брат, - к счастью, как выяснилось позже, - предпочел идти пешком к морю, не дожидаясь выдачи съестных припасов, хотя все трое были очень голодны.
By midday they passed through Tillingham, which, strangely enough, seemed to be quite silent and deserted, save for a few furtive plunderers hunting for food.	Около полудня они прошли через Тиллингхем, который казался вымершим; только несколько мародеров рыскали по домам, в поисках еды.

Near Tillingham they suddenly came in sight of the sea, and the most amazing crowd of shipping of all sorts that it is possible to imagine.	За Тиллингхемом они внезапно увидели море и огромное скопление всевозможных судов на рейде.
For after the sailors could no longer come up the Thames, they came on to the Essex coast, to Harwich and Walton and Clacton, and afterwards to Foulness and Shoebury, to bring off the people.	Боясь подниматься вверх по Темзе, моряки направились к берегам Эссекса - к Гарвичу, Уолтону и Клэктону, а потом к Фаулнессу и Шубэри, где забирали на борт пассажиров.
They lay in a huge sickle-shaped curve that vanished into mist at last towards the Naze.	Суда стояли в большом серповидном заливе, берега которого терялись в тумане у Нэйза.

Close inshore was a multitude of fishing smacks-- English, Scotch, French, Dutch, and Swedish; steam launches from the Thames, yachts, electric boats; and beyond were ships of large burden, a multitude of filthy colliers, trim merchantmen, cattle ships, passenger boats, petroleum tanks, ocean tramps, an old white transport even, neat white and grey liners from Southampton and Hamburg; and along the blue coast across the Blackwater my brother could make out dimly a dense swarm of boats chaffering with the people on the beach, a swarm which also extended up the	У самого берега стояли небольшие рыбачьи шхуны: английские, шотландские, французские, голландские и шведские; паровые катера с Темзы, яхты, моторные лодки; дальше виднелись более крупные суда - угольщики, грузовые пароходы, пассажирские, нефтеналивные океанские пароходы, старый белый транспорт, красивые, серые с белым, пароходы, курсирующие между Саутгемптоном и Г амбургом. Вдоль всего берега до Блэкуотера толпились лодки - лодочники торговались с пассажирами, стоявшими на взморье; и так почти до самого Молдона.

About a couple of miles out lay an ironclad, very low in the water, almost, to my brother's perception, like a water-logged ship.	Мили за две от берега стояло одетое в броню судно, почти совсем погруженное в воду, как показалось брату.
This was the ram Thunder Child.	Это был миноносец "Сын грома".

It was the only warship in sight, but far away to the right over the smooth surface of the sea--for that day there was a dead calm--lay a serpent of black smoke to mark the next ironclads of the Channel Fleet, which hovered in an extended line, steam up and ready for action, across the Thames estuary during the course of the Martian conquest, vigilant and yet powerless to prevent it.	Других военных судов поблизости не было, но вдалеке, вправо, над спокойной поверхностью моря - в этот день был мертвый штиль - змеился черный дымок; это броненосцы ламаншской эскадры, вытянувшись в длинную линию против устья Темзы, стояли под парами, готовые к бою, и зорко наблюдали за победоносным шествием марсиан, бессильные, однако, ему помешать.
At the sight of the sea, Mrs. Elphinstone, in spite of the assurances of her sister-in-law, gave way to panic.	При виде моря миссис Элфинстон перепугалась, хотя золовка и старалась приободрить ее.

She had never been out of England before, she would rather die than trust herself friendless in a foreign country, and so forth.	Она никогда не выезжала из Англии, она скорей согласится умереть, чем уехать на чужбину.
She seemed, poor woman, to imagine that the French and the Martians might prove very similar.	Бедняжка, кажется, думала, что французы не лучше марсиан.

She had been growing increasingly hysterical, fearful, and depressed during the two days' journeyings.	Во время двухдневного путешествия она часто нервничала и плакала.
Her great idea was to return to Stanmore.	Она хотела возвратиться в Стэнмор.

Things had been always well and safe at Stanmore.	Наверно, в Стэнморе все спокойно и благополучно.
They would find George at Stanmore.	И в Стэнморе их ждет Джордж...
It was with the greatest difficulty they could get her down to the beach, where presently my brother succeeded in attracting the attention of some men on a paddle steamer from the Thames.	С большим трудом удалось уговорить ее спуститься к берегу, где брату посчастливилось привлечь внимание нескольких матросов на колесном пароходе с Темзы.
They sent a boat and drove a bargain for thirty-six pounds for the three.	Они выслали лодку и сторговались на тридцати шести фунтах за троих.

The steamer was going, these men said, to Ostend.	Пароход шел, по их словам, в Остенде.
It was about two o'clock when my brother, having paid their fares at the gangway, found himself safely aboard the steamboat with his charges.	Было уже около двух часов, когда брат и его спутницы, заплатив у сходней за свои места, взошли наконец на пароход.
There was food aboard, albeit at exorbitant prices, and the three of them contrived to eat a meal on one of the seats forward.	Здесь можно было достать еду, хотя и по баснословно дорогой цене; они решили пообедать и расположились на носу.

There were already a couple of score of passengers aboard, some of whom had expended their last money in securing a passage, but the captain lay off the Blackwater until five in the afternoon, picking up passengers until the seated decks were even dangerously crowded.	На борту уже набралось около сорока человек; многие истратили свои последние деньги, чтобы получить место; но капитан стоял у Блэкуотера до пяти часов, набирая новых пассажиров, пока вся палуба не наполнилась народом.
He would probably have remained longer had it not been for the sound of guns that began about that hour in the south.	Он, может быть, остался бы и дольше, если бы на юге не началась канонада.

As if in answer, the ironclad seaward fired a small gun and hoisted a string of flags.	Как бы в ответ на нее с миноносца раздался выстрел из небольшой пушки и взвились сигнальные флажки.
A jet of smoke sprang out of her funnels.	Клубы дыма вырывались из его труб.
Some of the passengers were of opinion that this firing came from Shoeburyness, until it was noticed that it was growing louder.	Некоторые из пассажиров уверяли, что пальба доносится из Шубэринеса, пока не стало ясно, что канонада приближается.

At the same time, far away in the southeast the masts and upperworks of three ironclads rose one after the other out of the sea, beneath clouds of black smoke.	Далеко на юго-востоке в море показались мачты трех броненосцев, окутанных черным дымом.
But my brother's attention speedily reverted to the distant firing in the south.	Но внимание брата отвлекла отдаленная орудийная пальба на юге.
He fancied he saw a column of smoke rising out of the distant grey haze.	Ему показалось, что он увидел в тумане поднимающийся столб дыма.

The little steamer was already flapping her way eastward of the big crescent of shipping, and the low Essex coast was growing blue and hazy, when a Martian appeared, small and faint in the remote distance, advancing along the muddy coast from the direction of Foulness.	Пароходик заработал колесами и двинулся к востоку от длинной изогнутой линии судов. Низкий берег Эссекса уже оделся голубоватой дымкой, когда появился марсианин. Маленький, чуть заметный на таком расстоянии, он приближался по илистому берегу со стороны Фаулнесса.
At that the captain on the bridge swore at the top of his voice with fear and anger at his own delay, and the paddles seemed infected with his terror.	Перепуганный капитан стал злобно браниться во весь голос, ругая себя за задержку, и лопасти колес, казалось, заразились его страхом.

Every soul aboard stood at the bulwarks or on the seats of the steamer and stared at that distant shape, higher than the trees or church towers inland, and advancing with a leisurely parody of a human stride.	Все пассажиры стояли у поручней и смотрели на марсианина, который возвышался над деревьями и колокольнями на берегу и двигался так, словно пародировал человеческую походку.
It was the first Martian my brother had seen, and he stood, more amazed than terrified, watching this Titan advancing deliberately towards the shipping, wading farther and farther into the water as the coast fell away.	Это был первый марсианин, увиденный братом; брат скорее с удивлением, чем со страхом, смотрел на этого титана, осторожно приближавшегося к линии судов и шагавшего по воде все дальше и дальше от берега.

Then, far away beyond the Crouch, came another, striding over some stunted trees, and then yet another, still farther off, wading deeply through a shiny mudflat that seemed to hang halfway up between sea and sky.	Потом - далеко за Кра-учем - показался другой марсианин, шагавший по перелеску; а за ним -еще дальше - третий, точно идущий вброд че-рез поблескивающую илистую отмель, кото-рая, казалось, висела между небом и морем.
They were all stalking seaward, as if to intercept the escape of the multitudinous vessels that were crowded between Foulness and the Naze.	Все они шли прямо в море, как будто намере-ваясь помешать отплы-тию судов, собравшихся между Фаулнессом и Нейзом.

In spite of the throbbing exertions of the engines of the little paddle-boat, and the pouring foam that her wheels flung behind her, she receded with terrifying slowness from this ominous advance.	Несмотря на усиленное пыхтение машины и на бугры пены за колесами, пароходик очень медленно уходил от приближавшейся опасности.

Glancing northwestward, my brother saw the large crescent of shipping already writhing with the approaching terror; one ship passing behind another, another coming round from broadside to end on, steamships whistling and giving off volumes of steam, sails being let out, launches rushing hither and thither.	Взглянув на северо-запад, брат заметил, что порядок среди судов нарушился: в панике они заворачивали, шли наперерез друг другу; пароходы давали свистки и выпускали клубы пара, паруса поспешно распускались, катера сновали туда и сюда.
He was so fascinated by this and by the creeping danger away to the left that he had no eyes for anything seaward.	Увлеченный этим зрелищем, брат не смотрел по сторонам.

And then a swift movement of the steamboat (she had suddenly come round to avoid being run down) flung him headlong from the seat upon which he was standing.	Неожиданный поворот, сделанный, чтобы избежать столкновения, сбросил брата со скамейки, на которой он стоял.
There was a shouting all about him, a trampling of feet, and a cheer that seemed to be answered faintly.	Кругом затопали, закричали "ура", на которое откуда-то слабо ответили.
The steamboat lurched and rolled him over upon his hands.	Тут судно накренилось, и брата отбросило в сторону.

He sprang to his feet and saw to starboard, and not a hundred yards from their heeling, pitching boat, a vast iron bulk like the blade of a plough tearing through the water, tossing it on either side in huge waves of foam that leaped towards the steamer, flinging her paddles helplessly in the air, and then sucking her deck down almost to the waterline.	Он вскочил и увидал за бортом, всего в каких-нибудь ста ярдах от накренившегося и нырявшего пароходика, мощное стальное тело, точно лемех плуга, разрезавшее воду на две огромные пенистые волны; пароходик беспомощно махал лопастями колес по воздуху и накренялся почти до ватерлинии.
A douche of spray blinded my brother for a moment.	Целый душ пены ослепил на мгновение брата.

When his eyes were clear again he saw the monster had passed and was rushing landward.	Протерев глаза, он увидел, что огромное судно пронеслось мимо и идет к берегу.
Big iron upperworks rose out of this headlong structure, and from that twin funnels projected and spat a smoking blast shot with fire.	Надводная часть длинного стального корпуса высоко поднималась над водой, а из двух труб вырывались искры и клубы дыма.
It was the torpedo ram, Thunder Child, steaming headlong, coming to the rescue of the threatened shipping.	Это был миноносец "Сын грома", спешивший на выручку находившимся в опасности судам.

Keeping his footing on the heaving deck by clutching the bulwarks, my brother looked past this charging leviathan at the Martians again, and he saw the three of them now close together, and standing so far out to sea that their tripod supports were almost entirely submerged.	Ухватившись за поручни на раскачивавшейся палубе, брат отвел взгляд от промчавшегося левиафана и взглянул на марсиан. Все трое теперь сошлись и стояли так далеко в море, что их треножники были почти скрыты водой.

Thus sunken, and seen in remote perspective, they appeared far less formidable than the huge iron bulk in whose wake the steamer was pitching so helplessly.	Погруженные в воду, на таком далеком расстоянии они не казались уже чудовищными по сравнению со стальным гигантом, в кильватере которого беспомощно качался пароходик.
It would seem they were regarding this new antagonist with astonishment.	Марсиане как будто с удивлением рассматривали нового противника.
To their intelligence, it may be, the giant was even such another as themselves.	Быть может, этот гигант показался им похожим на них самих.
The Thunder Child fired no gun, but simply drove full speed towards them.	"Сын грома" шел полным ходом без выстрелов.

It was probably her not firing that enabled her to get so near the enemy as she did.	Вероятно, благодаря этому ему и удалось подойти так близко к врагу.
They did not know what to make of her.	Марсиане не знали, как поступить с ним.
One shell, and they would have sent her to the bottom forthwith with the Heat-Ray.	Один снаряд, и они тотчас же пустили бы его ко дну тепловым лучом.
She was steaming at such a pace that in a minute she seemed halfway between the steamboat and the Martians--a diminishing black bulk against the receding horizontal expanse of the Essex coast.	"Сын грома" шел таким ходом, что через минуту уже покрыл половину расстояния между пароходиком и марсианами, - черное, быстро уменьшающееся пятно на фоне низкого, убегающего берега Эссекса.

Suddenly the foremost Martian lowered his tube and discharged a canister of the black gas at the ironclad.	Вдруг передний марсианин опустил свою трубу и метнул в миноносец тучи черного газа.
It hit her larboard side and glanced off in an inky jet that rolled away to seaward, an unfolding torrent of Black Smoke, from which the ironclad drove clear.	Точно струя чернил залила левый борт миноносца, черное облако дыма заклубилось по морю, но миноносец проскочил.

To the watchers from the steamer, low in the water and with the sun in their eyes, it seemed as though she were already among the Martians.	Наблюдателям, глядящим против солнца с низко сидящего в воде пароходика, казалось, что миноносец находится уже среди марсиан.

They saw the gaunt figures separating and rising out of the water as they retreated shoreward, and one of them raised the camera-like generator of the Heat-Ray.	Потом гигантские фигуры марсиан разделились и стали отступать к берегу, все выше и выше вырастая над водой.
He held it pointing obliquely downward, and a bank of steam sprang from the water at its touch.	Один из них поднял генератор теплового луча, направляя его под углом вниз; облако пара поднялось с поверхности воды от прикосновения теплового луча.
It must have driven through the iron of the ship's side like a white-hot iron rod through paper.	Он прошел сквозь стальную броню миноносца, как раскаленный железный прут сквозь лист бумаги.

A flicker of flame went up through the rising steam, and then the Martian reeled and staggered.	Вдруг среди облака пара блеснула вспышка, марсианин дрогнул и пошатнулся.
In another moment he was cut down, and a great body of water and steam shot high in the air.	Через секунду второй залп сбил его, и смерч из воды и пара взлетел высоко в воздух.
The guns of the Thunder Child sounded through the reek, going off one after the other, and one shot splashed the water high close by the steamer, ricocheted towards the other flying ships to the north, and smashed a smack to matchwood.	Орудия "Сына грома" гремели дружными залпами. Один снаряд, взметнув водяной столб, упал возле пароходика, отлетел рикошетом к другим судам, уходившим к северу, и раздробил в щепы рыбачью шхуну.

But no one heeded that very much.	Но никто не обратил на это внимания.
At the sight of the Martian's collapse the captain on the bridge yelled inarticulately, and all the crowding passengers on the steamer's stern shouted together.	Увидев, что марсианин упал, капитан на мостике громко крикнул, и столпившиеся на корме пассажиры подхватили его крик.
And then they yelled again. For, surging out beyond the white tumult, drove something long and black, the flames streaming from its middle parts, its ventilators and funnels spouting fire.	Вдруг все снова закричали: из белого хаоса пара, вздымая волны, неслось что-то длинное, черное, объятое пламенем, с вентиляторами и трубами, извергающими огонь.

She was alive still; the steering gear, it seems, was intact and her engines working.	Миноносец все еще боролся; руль, по-видимому, был не поврежден, и машины работали.
She headed straight for a second Martian, and was within a hundred yards of him when the Heat-Ray came to bear.	Он шел прямо на второго марсианина и находился в ста ярдах от него, когда тот направил на "Сына грома" тепловой луч.
Then with a violent thud, a blinding flash, her decks, her funnels, leaped upward.	Палуба и трубы с грохотом взлетели вверх среди ослепительного пламени.

The Martian staggered with the violence of her explosion, and in another moment the flaming wreckage, still driving forward with the impetus of its pace, had struck him and crumpled him up like a thing of cardboard.	Марсианин пошатнулся от взрыва, и через секунду пылающие обломки судна, все еще несшиеся вперед по инерции, ударили и подмяли его, как картонную куклу.
My brother shouted involuntarily.	Брат невольно вскрикнул.
A boiling tumult of steam hid everything again.	Снова все скрылось в хаосе кипящей воды и пара.
"Two!" yelled the captain.	- Два! - крикнул капитан.

Everyone was shouting. The whole steamer from end to end rang with frantic cheering that was taken up first by one and then by all in the crowding multitude of ships and boats that was driving out to sea.	Все кричали, весь пароходик от кормы до носа сотрясался от радостного крика, подхваченного сперва на одном, а потом на всех судах и лодках, шедших в море.
The steam hung upon the water for many minutes, hiding the third Martian and the coast altogether.	Пар висел над водой несколько минут, скрывая берег и третьего марсианина.

And all this time the boat was paddling steadily out to sea and away from the fight; and when at last the confusion cleared, the drifting bank of black vapour intervened, and nothing of the Thunder Child could be made out, nor could the third Martian be seen.	Пароходик продолжал работать колесами, уходя с места боя. Когда наконец пар рассеялся, его сменил черный дым, нависший такой тучей, что нельзя было разглядеть ни "Сына грома", ни третьего марсианина.
But the ironclads to seaward were now quite close and standing in towards shore past the steamboat.	Броненосцы с моря подошли совсем близко и остановились между берегом и пароходиком.

The little vessel continued to beat its way seaward, and the ironclads receded slowly towards the coast, which was hidden still by a marbled bank of vapour, part steam, part black gas, eddying and combining in the strangest way.	Суденышко уходило в море; броненосцы же стали приближаться к берегу, все еще скрытому причудливо свивавшимися клубами пара и черного газа.
The fleet of refugees was scattering to the northeast; several smacks were sailing between the ironclads and the steamboat.	Целая флотилия спасавшихся судов уходила к северо-востоку; несколько рыбачьих шхун ныряло между броненосцами и пароходиком.

After a time, and before they reached the sinking cloud bank, the warships turned northward, and then abruptly went about and passed into the thickening haze of evening southward.	Не дойдя до оседавшего облака пара и газа, эскадра повернула к северу и скрылась в черных сумерках.
The coast grew faint, and at last indistinguishable amid the low banks of clouds that were gathering about the sinking sun.	Берег расплывался, теряясь в облаках, сгущавшихся вокруг заходящего солнца.
Then suddenly out of the golden haze of the sunset came the vibration of guns, and a form of black shadows moving.	Вдруг из золотистой мглы заката донеслись вибрирующие раскаты орудий и показались какие-то темные двигающиеся тени.

Everyone struggled to the rail of the steamer and peered into the blinding furnace of the west, but nothing was to be distinguished clearly.	Все бросились к борту, всматриваясь в ослепительное сияние вечерней зари, но ничего нельзя было разобрать.
A mass of smoke rose slanting and barred the face of the sun.	Туча дыма поднялась и скрыла солнце.
The steamboat throbbed on its way through an interminable suspense.	Пароходик, пыхтя, отплывал все дальше, и находившиеся на нем люди так и не увидали, чем кончилось морское сражение.
The sun sank into grey clouds, the sky flushed and darkened, the evening star trembled into sight.	Солнце скрылось среди серых туч; небо побагровело, затем потемнело; вверху блеснула вечерняя звезда.

It was deep twilight when the captain cried out and pointed.	Было уже совсем темно, когда капитан что-то крикнул и показал вдаль.
My brother strained his eyes.	Брат стал напряженно всматриваться.

Something rushed up into the sky out of the greyness--rushed slantingly upward and very swiftly into the luminous clearness above the clouds in the western sky; something flat and broad, and very large, that swept round in a vast curve, grew smaller, sank slowly, and vanished again into the grey mystery of the night.	Что-то взлетело к небу из недр туманного мрака и косо поднялось кверху, быстро двигаясь в отблеске зари над тучами на западном небосклоне; что-то плоское, широкое, огромное, описав большую дугу и снижаясь, пропало в таинственном сумраке ночи.
And as it flew it rained down darkness upon the land. BOOK TWO THE EARTH UNDER THE MARTIANS CHAPTER ONE UNDER FOOT	Над землею скользнула зловещая тень. Часть вторая "Земля под властью марсиан" 1. Под пятой

In the first book I have wandered so much from my own adventures to tell of the experiences of my brother that all through the last two chapters I and the curate have been lurking in the empty house at Halliford whither we fled to escape the Black Smoke.	В первой книге я сильно отклонился в сторону от своих собственных приключений, рассказывая о похождениях брата. Пока разыгрывались события, описанные в двух последних главах, мы со священником сидели в пустом доме в Голлифорде, где мы спрятались, спасаясь от черного газа.
There I will resume.	С этого момента я и буду продолжать свой рассказ.

We stopped there all Sunday night and all the next day--the day of the panic--in a little island of daylight, cut off by the Black Smoke from the rest of the world.	Мы оставались там всю ночь с воскресенья на понедельник и весь следующий день, день паники, на маленьком островке дневного света, отрезанные от остального мира черным газом.
We could do nothing but wait in aching inactivity during those two weary days.	Эти два дня мы провели в тягостном бездействии.
My mind was occupied by anxiety for my wife.	Я очень тревожился за жену.
I figured her at Leatherhead, terrified, in danger, mourning me already as a dead man.	Я представлял ее себе в Лезерхэде; должно быть, она перепугана, в опасности и уверена, что меня уже нет в живых.

I paced the rooms and cried aloud when I thought of how I was cut off from her, of all that might happen to her in my absence.	Я ходил по комнатам, содрогаясь при мысли о том, что может случиться с пей в мое отсутствие.
My cousin I knew was brave enough for any emergency, but he was not the sort of man to realise danger quickly, to rise promptly.	Я не сомневался в мужестве своего двоюродного брата, но он был не из тех людей, которые быстро замечают опасность и действуют без промедления.
What was needed now was not bravery, but circumspection.	Здесь требовалась не храбрость, а осмотрительность.
My only consolation was to believe that the Martians were moving London-ward and away from her.	Единственным утешением для меня было то, что марсиане двигались к Лондону, удаляясь от Лезерхэда.

Such vague anxieties keep the mind sensitive and painful.	Такая тревога изматывает человека.
I grew very weary and irritable with the curate's perpetual ejaculations; I tired of the sight of his selfish despair.	Я очень устал, и меня раздражали постоянные вопли священника и его эгоистическое отчаяние.

After some ineffectual remonstrance I kept away from him, staying in a room--evidently a children's schoolroom-containing globes, forms, and copybooks.	После нескольких безрезультатных попыток его образумить, я ушел в одну из комнат, очевидно, классную, где находились глобусы, модели и тетради.

When he followed me thither, I went to a box room at the top of the house and, in order to be alone with my aching miseries, locked myself in.	Когда он пробрался за мной и туда, я полез на чердак и заперся там в каморке; мне хотелось остаться наедине со своим горем.
We were hopelessly hemmed in by the Black Smoke all that day and the morning of the next.	В течение этого дня и следующего мы были безнадежно отрезаны от мира черным газом.
There were signs of people in the next house on Sunday evening-- a face at a window and moving lights, and later the slamming of a door.	В воскресенье вечером мы заметили признаки людей в соседнем доме: чье-то лицо у окна, свет, хлопанье дверей.
But I do not know who these people were, nor what became of them.	Не знаю, что это были за люди и что стало с ними.

We saw nothing of them next day.	На другой день мы их больше не видели.
The Black Smoke drifted slowly riverward all through Monday morning, creeping nearer and nearer to us, driving at last along the roadway outside the house that hid us.	Черный газ в понедельник утром медленно сползал к реке, подбираясь все ближе и ближе к нам, и наконец заклубился по дороге перед самым домом, где мы скрывались.

A Martian came across the fields about midday, laying the stuff with a jet of superheated steam that hissed against the walls, smashed all the windows it touched, and scalded the curate's hand as he fled out of the front room.	Около полудня в поле показался марсианин, выпускавший из какого-то прибора струю горячего пара, который со свистом ударялся о стены, разбивая оконные стекла, и обжег руку священнику, когда тот выбежал на дорогу из комнаты.
When at last we crept across the sodden rooms and looked out again, the country northward was as though a black snowstorm had passed over it.	Когда много времени спустя мы прокрались в отсыревшие от пара комнаты и снова выглянули на улицу, вся земля к северу была словно запорошена черным снегом.

Looking towards the river, we were astonished to see an unaccountable redness mingling with the black of the scorched meadows.	Взглянув на долину реки, мы были очень удивлены, заметив у черных сожженных лугов какой-то странный красноватый оттенок.
For a time we did not see how this change affected our position, save that we were relieved of our fear of the Black Smoke.	Мы не Сразу сообразили, насколько это меняло наше положение, - мы видели только, что теперь нечего бояться черного газа.
But later I perceived that we were no longer hemmed in, that now we might get away.	Наконец я понял, что мы свободны и можем уйти, что дорога к спасению открыта.

So soon as I realised that the way of escape was open, my dream of action returned.	Мной снова овладела жажда деятельности.
But the curate was lethargic, unreasonable.	Но священник по-прежнему находился в состоянии крайней апатии.
"We are safe here," he repeated; "safe here."	- Мы здесь в полной безопасности, - повторял он, - в полной безопасности.
I resolved to leave him--would that I had! Wiser now for the artilleryman's teaching, I sought out food and drink.	Я решил покинуть его (о, если бы я это сделал!) и стал запасаться провиантом и питьем, помня о наставлениях артиллериста.

I had found oil and rags for my burns, and I also took a hat and a flannel shirt that I found in one of the bedrooms.	Я нашел масло и тряпку, чтобы перевязать свои ожоги, захватил шляпу и фуфайку, обнаруженные в одной из спален.
When it was clear to him that I meant to go alone--had reconciled myself to going alone--he suddenly roused himself to come.	Когда священник понял, что я решил уйти один, он тоже начал собираться.
And all being quiet throughout the afternoon, we started about five o'clock, as I should judge, along the blackened road to Sunbury.	Нам как будто ничто не угрожало, и мы отправились по почерневшей дороге на Санбэри. По моим расчетам, было около пяти часов вечера.

In Sunbury, and at intervals along the road, were dead bodies lying in contorted attitudes, horses as well as men, overturned carts and luggage, all covered thickly with black dust.	В Санбэри и на дороге валялись скорченные трупы людей и лошадей, опрокинутые повозки и разбросанная поклажа; все было покрыто слоем черной пыли.
That pall of cindery powder made me think of what I had read of the destruction of Pompeii.	Этот угольно-черный покров напомнил мне все то, что я читал о разрушении Помпеи.

We got to Hampton Court without misadventure, our minds full of strange and unfamiliar appearances, and at Hampton Court our eyes were relieved to find a patch of green that had escaped the suffocating drift.	Мы дошли благополучно до Хэмптон-Корт, удрученные странным и необычным видом местности; в Хэмптон-Корт мы с радостью увидели клочок зелени, уцелевшей от гибельной лавины.
We went through Bushey Park, with its deer going to and fro under the chestnuts, and some men and women hurrying in the distance towards Hampton, and so we came to Twickenham.	Мы прошли через Баши-парк, где под каштанами бродили лани; вдалеке несколько мужчин и женщин спешили к Хэмптону. Наконец, мы добрались до Туикенхема.
These were the first people we saw.	Здесь в первый раз мы встретили людей.

Away across the road the woods beyond Ham and Petersham were still afire.	Вдали за Хемом и Питерсхемом все еще горели леса.
Twickenham was uninjured by either Heat-Ray or Black Smoke, and there were more people about here, though none could give us news.	Туикенхем избежал тепловых лучей и черного газа, и там попадались люди, но никто не мог сообщить нам ничего нового.
For the most part they were like ourselves, taking advantage of a lull to shift their quarters.	Почти все они так же, как и мы, спешили дальше, пользуясь затишьем.

I have an impression that many of the houses here were still occupied by scared inhabitants, too frightened even for flight.	Мне показалось, что кое-где в домах еще оставались жители, вероятно, слишком напуганные, чтобы бежать.
Here too the evidence of a hasty rout was abundant along the road.	И здесь, на дороге, виднелись следы панического бегства.
I remember most vividly three smashed bicycles in a heap, pounded into the road by the wheels of subsequent carts.	Мне ясно запомнились три изломанных велосипеда, лежавших кучей и вдавленных в грунт проехавшими по ним колесами.
We crossed Richmond Bridge about half past eight.	Мы перешли Ричмондский мост около половины девятого.

We hurried across the exposed bridge, of course, but I noticed floating down the stream a number of red masses, some many feet across.	Мы спешили, чтобы поскорей миновать открытый мост, но я все же заметил какие-то красные груды в несколько футов шириной, плывшие вниз по течению.

I did not know what these were--there was no time for scrutiny--and I put a more horrible interpretation on them than they deserved.	Я не знал, что это такое, - мне некогда было разглядывать; я дал им страшное истолкование, хотя для этого не было никаких оснований.

Here again on the Surrey side were black dust that had once been smoke, and dead bodies--a heap near the approach to the station; but we had no glimpse of the Martians until we were some way towards Barnes.	Здесь, в сторону Сэррея, тоже лежала черная пыль, бывшая недавно газом, и валялись трупы, особенно много у дороги к станции. Марсиан мы не видели, пока не подошли к Барнсу.
We saw in the blackened distance a group of three people running down a side street towards the river, but otherwise it seemed deserted.	Селение казалось покинутым; мы увидели там трех человек, бежавших по переулку к реке.
Up the hill Richmond town was burning briskly; outside the town of Richmond there was no trace of the Black Smoke.	На вершине холма горел Ричмонд; за Ричмондом следов черного газа не было видно.

Then suddenly, as we approached Kew, came a number of people running, and the upperworks of a Martian fighting-machine loomed in sight over the housetops, not a hundred yards away from us.	Когда мы приближались к Кью, мимо нас пробежало несколько человек и над крышами домов - ярдов за сто от нас - показалась верхняя часть боевой машины марсианина.
We stood aghast at our danger, and had the Martian looked down we must immediately have perished.	Стоило марсианину взглянуть вниз - и мы пропали бы.
We were so terrified that we dared not go on, but turned aside and hid in a shed in a garden.	Мы оцепенели от ужаса, потом бросились в сторону и спрятались в каком-то сарае.
There the curate crouched, weeping silently, and refusing to stir again.	Священник присел на землю, всхлипывая и отказываясь идти дальше.

But my fixed idea of reaching Leatherhead would not let me rest, and in the twilight I ventured out again.	Но я решил во что бы то ни стало добраться до Лезерхэда и с наступлением темноты двинуться дальше.
I went through a shrubbery, and along a passage beside a big house standing in its own grounds, and so emerged upon the road towards Kew.	Я пробрался сквозь кустарник, прошел мимо большого дома с пристройками и вышел на дорогу к Кью.
The curate I left in the shed, but he came hurrying after me.	Священника я оставил в сарае, но он вскоре догнал меня.
That second start was the most foolhardy thing I ever did.	Трудно себе представить что-либо безрассуднее этой попытки.

For it was manifest the Martians were about us.	Было очевидно, что мы окружены марсианами.
No sooner had the curate overtaken me than we saw either the fighting-machine we had seen before or another, far away across the meadows in the direction of Kew Lodge.	Едва священник догнал меня, как мы снова увидели вдали, за полями, тянувшимися к Кью-Лоджу, боевой треножник, возможно, тот же самый, а может быть, другой.
Four or five little black figures hurried before it across the green-grey of the field, and in a moment it was evident this Martian pursued them.	Четыре или пять маленьких черных фигурок бежали от пего по серо-зеленому полю: очевидно, марсианин преследовал их.

In three strides he was among them, and they ran radiating from his feet in all directions.	В три шага он их догнал; они побежали из-под его ног в разные стороны по радиусам.
He used no Heat-Ray to destroy them, but picked them up one by one.	Марсианин не прибег к тепловому лучу и не уничтожил их.

Apparently he tossed them into the great metallic carrier which projected behind him, much as a workman's basket hangs over his shoulder.	Он просто подобрал их всех в большую металлическую корзину, висевшую позади.

It was the first time I realised that the Martians might have any other purpose than destruction with defeated humanity.	В первый раз мне пришло в голову, что марсиане, быть может, вовсе не хотят уничтожить людей, а собираются воспользоваться побежденным человечеством для других целей.
We stood for a moment petrified, then turned and fled through a gate behind us into a walled garden, fell into, rather than found, a fortunate ditch, and lay there, scarce daring to whisper to each other until the stars were out.	С минуту мы стояли, пораженные ужасом; потом повернули назад и через ворота прокрались в обнесенный стеной сад, заползли в какую-то яму, едва осмеливаясь перешептываться друг с другом, и лежали там, пока на небе не блеснули звезды.

I suppose it was nearly eleven o'clock before we gathered courage to start again, no longer venturing into the road, but sneaking along hedgerows and through plantations, and watching keenly through the darkness, he on the right and I on the left, for the Martians, who seemed to be all about us.	Было, должно быть, около одиннадцати часов вечера, когда мы решились повторить нашу попытку и пошли уже не по дороге, а полями, вдоль изгородей, всматриваясь в темноте - я налево, священник направо, - нет ли марсиан, которые, казалось, все собрались вокруг нас.

In one place we blundered upon a scorched and blackened area, now cooling and ashen, and a number of scattered dead bodies of men, burned horribly about the heads and trunks but with their legs and boots mostly intact; and of dead horses, fifty feet, perhaps, behind a line of four ripped guns and smashed gun carriages.	В одном месте мы натолкнулись на почерневшую, опаленную площадку, уже остывшую и покрытую пеплом, с целой грудой трупов, обгорелых и обезображенных, - уцелели только ноги и башмаки. Тут же валялись туши лошадей, на расстоянии, может быть, пятидесяти футов от четырех разорванных пушек с разбитыми лафетами.
Sheen, it seemed, had escaped destruction, but the place was silent and deserted.	Селение Шин, по-видимому, избежало разрушения, но было пусто и безмолвно.

Here we happened on no dead, though the night was too dark for us to see into the side roads of the place.	Здесь нам больше не попадалось трупов; впрочем, ночь была до того темна, что мы не могли разглядеть даже боковых улиц.
In Sheen my companion suddenly complained of faintness and thirst, and we decided to try one of the houses.	В Шипе мой спутник вдруг стал жаловаться на слабость и жажду, и мы решили зайти в один из домов.
The first house we entered, after a little difficulty with the window, was a small semi-detached villa, and I found nothing eatable left in the place but some mouldy cheese.	Первый дом, куда мы проникли через окно, оказался небольшой виллой с полусорванной крышей; я не мог найти там ничего съедобного, кроме куска заплесневелого сыра.

There was, however, water to drink; and I took a hatchet, which promised to be useful in our next house-breaking.	Зато там была вода и можно было напиться; я захватил попавшийся мне на глаза топор, который мог пригодиться нам при взломе другого дома.
We then crossed to a place where the road turns towards Mortlake.	Мы подошли к тому месту, где дорога поворачивает на Мортлейк.
Here there stood a white house within a walled garden, and in the pantry of this domicile we found a store of food--two loaves of bread in a pan, an uncooked steak, and the half of a ham.	Здесь среди обнесенного стеной сада стоял белый дом; в кладовой мы нашли запас продовольствия: две ковриги хлеба, кусок сырого мяса и пол-окорока.

I give this catalogue so precisely because, as it happened, we were destined to subsist upon this store for the next fortnight.	Я перечисляю все это так подробно потому, что в течение двух следующих недель нам пришлось довольствоваться этим запасом.
Bottled beer stood under a shelf, and there were two bags of haricot beans and some limp lettuces.	На полках мы нашли бутылки с пивом, два мешка фасоли и пучок вялого салата.
This pantry opened into a kind of wash-up kitchen, and in this was firewood; there was also a cupboard, in which we found nearly a dozen of burgundy, tinned soups and salmon, and two tins of biscuits.	Кладовая выходила в судомойню, где лежали дрова и стоял буфет. В буфете мы нашли почти дюжину бургундского, мясные и рыбные консервы и две жестянки с бисквитами.

We sat in the adjacent kitchen in the dark--for we dared not strike a light--and ate bread and ham, and drank beer out of the same bottle.	Мы сидели в темной кухне, так как боялись зажечь огонь, ели хлеб с ветчиной и пили пиво из одной бутылки.
The curate, who was still timorous and restless, was now, oddly enough, for pushing on, and I was urging him to keep up his strength by eating when the thing happened that was to imprison us.	Священник, по-прежнему пугливый и беспокойный, почему-то стоял за то, чтобы скорее идти, и я едва уговорил его подкрепиться. Но тут произошло событие, превратившее нас в пленников.
"It can't be midnight yet," I said, and then came a blinding glare of vivid green light.	- Вероятно, до полуночи еще далеко, - сказал я, и тут вдруг блеснул ослепительный зеленый свет.

Everything in the kitchen leaped out, clearly visible in green and black, and vanished again.	Вся кухня осветилась на мгновение зеленым блеском.
And then followed such a concussion as I have never heard before or since.	Затем последовал такой удар, какого я никогда не слыхал ни раньше, ни после.
So close on the heels of this as to seem instantaneous came a thud behind me, a clash of glass, a crash and rattle of falling masonry all about us, and the plaster of the ceiling came down upon us, smashing into a multitude of fragments upon our heads.	Послышался звон разбитого стекла, грохот обвалившейся каменной кладки, посыпалась штукатурка, разбиваясь на мелкие куски о наши головы. Я повалился на пол, ударившись о выступ печи, и лежал оглушенный.

I was knocked headlong across the floor against the oven handle and stunned.	Священник говорил, что я долго был без сознания.
I was insensible for a long time, the curate told me, and when I came to we were in darkness again, and he, with a face wet, as I found afterwards, with blood from a cut forehead, was dabbing water over me.	Когда я пришел в себя, кругом снова было темно и священник брызгал на меня водой; его лицо было мокро от крови, которая, как я после разглядел, текла из рассеченного лба.
For some time I could not recollect what had happened.	В течение нескольких минут я не мог сообразить, что случилось.
Then things came to me slowly.	Наконец память малопомалу вернулась ко мне.

A bruise on my temple asserted itself.	Я почувствовал на виске боль от ушиба.
"Are you better?" asked the curate in a whisper.	- Вам лучше? - шепотом спросил священник.
At last I answered him.	Я не сразу ответил ему.
I sat up.	Потом приподнялся и сел.
"Don't move," he said. "The floor is covered with smashed crockery from the dresser.	- Не двигайтесь, - сказал он, - пол усеян осколками посуды из буфета.
You can't possibly move without making a noise, and I fancy they are outside."	Вы не сможете двигаться бесшумно, а мне кажется, они совсем рядом.

We both sat quite silent, so that we could scarcely hear each other breathing.	Мы сидели так тихо, что каждый слышал дыхание другого.
Everything seemed deadly still, but once something near us, some plaster or broken brickwork, slid down with a rumbling sound.	Могильная тишина; только раз откуда-то сверху упал не то кусок штукатурки, не то кирпич.
Outside and very near was an intermittent, metallic rattle.	Снаружи, где-то очень близко, слышалось металлическое побрякивание.
"That!" said the curate, when presently it happened again.	- Слышите? - сказал священник, когда звук повторился.
"Yes," I said. "But what is it?"	- Да, - ответил я. - Но что это такое?

"A Martian!" said the curate.	- Марсианин! - прошептал священник.
I listened again.	Я снова прислушался.
"It was not like the Heat-Ray," I said, and for a time I was inclined to think one of the great fighting-machines had stumbled against the house, as I had seen one stumble against the tower of Shepperton Church.	- Это был не тепловой луч, - сказал я и подумал, что один из боевых треножников наткнулся на дом. На моих глазах треножник налетел на церковь в Шеппертоне.
Our situation was so strange and incomprehensible that for three or four hours, until the dawn came, we scarcely moved.	В таком выжидательном положении мы просидели неподвижно в течение трех или четырех часов, пока не рассвело.

And then the light filtered in, not through the window, which remained black, but through a triangular aperture between a beam and a heap of broken bricks in the wall behind us.	Наконец свет проник к нам, но не через окно, которое оставалось темным, а сквозь треугольное отверстие в стене позади нас, между балкой и грудой осыпавшихся кирпичей.
The interior of the kitchen we now saw greyly for the first time.	В серых, предутренних сумерках мы в первый раз разглядели внутренность кухни.
The window had been burst in by a mass of garden mould, which flowed over the table upon which we had been sitting and lay about our feet.	Окно было завалено рыхлой землей, которая насыпалась на стол, где мы ужинали, и покрывала пол.

Outside, the soil was banked high against the house.	Снаружи земля была взрыта и, очевидно, засыпала дом.
At the top of the window frame we could see an uprooted drainpipe.	В верхней части оконной рамы виднелась исковерканная дождевая труба.
The floor was littered with smashed hardware; the end of the kitchen towards the house was broken into, and since the daylight shone in there, it was evident the greater part of the house had collapsed.	Пол был усеян металлическими обломками. Конец кухни, ближе к жилым комнатам, осел, и когда рассвело, то нам стало ясно, что большая часть дома разрушена.

Contrasting vividly with this ruin was the neat dresser, stained in the fashion, pale green, and with a number of copper and tin vessels below it, the wallpaper imitating blue and white tiles, and a couple of coloured supplements fluttering from the walls above the kitchen range.	Резким контрастом с этими развалинами был чистенький кухонный шкаф, окрашенный в бледно-зеленый цвет, обои в белых и голубых квадратах и две раскрашенные картинки на стене.
As the dawn grew clearer, we saw through the gap in the wall the body of a Martian, standing sentinel, I suppose, over the still glowing cylinder.	Когда стало совсем светло, мы увидели в щель фигуру марсианина, стоявшего, как я понял потом, на страже над еще не остывшим цилиндром.

At the sight of that we crawled as circumspectly as possible out of the twilight of the kitchen into the darkness of the scullery.	Мы осторожно поползли из полутемной кухни в темную судомойню.
Abruptly the right interpretation dawned upon my mind.	Вдруг меня осенило: я понял, что случилось.
"The fifth cylinder," I whispered, "the fifth shot from Mars, has struck this house and buried us under the ruins!"	- Пятый цилиндр, - прошептал я, - пятый выстрел с Марса попал в этот дом и похоронил нас под развалинами!
For a time the curate was silent, and then he whispered:	Священник долго молчал, потом прошептал:
"God have mercy upon us!"	- Господи, помилуй нас!

I heard him presently whimpering to himself.	И стал что-то бормотать про себя.
Save for that sound we lay quite still in the scullery; I for my part scarce dared breathe, and sat with my eyes fixed on the faint light of the kitchen door.	Все было тихо, мы сидели, притаившись в судомойне. Я боялся даже дышать и замер на месте, пристально глядя на слабо освещенный четырехугольник кухонной двери.
I could just see the curate's face, a dim, oval shape, and his collar and cuffs.	Я едва мог разглядеть лицо священника - неясный овал, его воротничок и манжеты.

Outside there began a metallic hammering, then a violent hooting, and then again, after a quiet interval, a hissing like the hissing of an engine.	Снаружи послышался звон металла, потом резкий свист и шипение, точно у паровой машины.
These noises, for the most part problematical, continued intermittently, and seemed if anything to increase in number as time wore on.	Все эти загадочные для нас звуки раздавались непрерывно, все усиливаясь и нарастая.

Presently a measured thudding and a vibration that made everything about us quiver and the vessels in the pantry ring and shift, began and continued.	Вдруг послышался какой-то размеренный вибрирующий гул, от которого все кругом задрожало и посуда в буфете зазвенела.
Once the light was eclipsed, and the ghostly kitchen doorway became absolutely dark.	Свет померк, и дверь кухни стала совсем темной.
For many hours we must have crouched there, silent and shivering, until our tired attention failed. . . .	Так мы сидели долгие часы, молчаливые, дрожащие, пока наконец не заснули от утомления...

At last I found myself awake and very hungry.	Я очнулся, чувствуя сильный голод.
I am inclined to believe we must have spent the greater portion of a day before that awakening.	Вероятно, мы проспали большую часть дня.
My hunger was at a stride so insistent that it moved me to action.	Голод придал мне решимости.
I told the curate I was going to seek food, and felt my way towards the pantry.	Я сказал священнику, что отправлюсь на поиски еды, и пополз по направлению к кладовой.

He made me no answer, but so soon as I began eating the faint noise I made stirred him up and I heard him crawling after me. CHAPTER TWO WHAT WE SAW FROM THE RUINED HOUSE	Он ничего не ответил, по как только услыхал, что я начал есть, тоже приполз ко мне. 2. Что мы видели из развалин дома

After eating we crept back to the scullery, and there I must have dozed again, for when presently I looked round I was alone.	Насытившись, мы поползли назад в судомойню, где я, очевидно, опять задремал, а очнувшись, обнаружил, что я один.
The thudding vibration continued with wearisome persistence.	Вибрирующий гул продолжался, не ослабевая, с раздражающим упорством.

I whispered for the curate several times, and at last felt my way to the door of the kitchen.	Я несколько раз шепотом позвал священника, потом пополз к двери кухни.
It was still daylight, and I perceived him across the room, lying against the triangular hole that looked out upon the Martians.	В дневном свете я увидел священника в другом конце комнаты: он лежал у треугольного отверстия, выходившего наружу, к марсианам.
His shoulders were hunched, so that his head was hidden from me.	Его плечи были приподняты, и головы не было видно.
I could hear a number of noises almost like those in an engine shed; and the place rocked with that beating thud.	Шум был, как в паровозном депо, и все здание содрогалось от пего.

Through the aperture in the wall I could see the top of a tree touched with gold and the warm blue of a tranquil evening sky.	Сквозь отверстие в стене я видел вершину дерева, освещенную солнцем, и клочок ясного голубого вечернего неба.
For a minute or so I remained watching the curate, and then I advanced, crouching and stepping with extreme care amid the broken crockery that littered the floor.	С минуту я смотрел на священника, потом подкрался поближе, осторожно переступая через осколки стекла и черепки.
I touched the curate's leg, and he started so violently that a mass of plaster went sliding down outside and fell with a loud impact.	Я тронул священника за ногу. Он так вздрогнул, что от наружной штукатурки с треском отвалился большой кусок.

I gripped his arm, fearing he might cry out, and for a long time we crouched motionless.	Я схватил его за руку, боясь, что он закричит, и мы оба замерли.
Then I turned to see how much of our rampart remained.	Потом я повернулся посмотреть, что осталось от нашего убежища.
The detachment of the plaster had left a vertical slit open in the debris, and by raising myself cautiously across a beam I was able to see out of this gap into what had been overnight a quiet suburban roadway. Vast, indeed, was the change that we beheld.	Обвалившаяся штукатурка образовала новое отверстие в стене; осторожно взобравшись на балку, я выглянул - и едва узнал пригородную дорогу: так все кругом изменилось.

The fifth cylinder must have fallen right into the midst of the house we had first visited.	Пятый цилиндр попал, очевидно, в тот дом, куда мы заходили сначала.
The building had vanished, completely smashed, pulverised, and dispersed by the blow.	Строение совершенно исчезло, превратилось в пыль и разлетелось.
The cylinder lay now far beneath the original foundations--deep in a hole, already vastly larger than the pit I had looked into at Woking.	Цилиндр лежал глубоко в земле, в воронке, более широкой, чем яма около Уокинга, в которую я в свое время заглядывал.

The earth all round it had splashed under that tremendous impact--"splashed" is the only word--and lay in heaped piles that hid the masses of the adjacent houses. It had behaved exactly like mud under the violent blow of a hammer.	Земля вокруг точно расплескалась от страшного удара ("расплескалась" - самое подходящее здесь слово) и засыпала соседние дома; такая же была бы картина, если бы ударили молотком по грязи.

Our house had collapsed backward; the front portion, even on the ground floor, had been destroyed completely; by a chance the kitchen and scullery had escaped, and stood buried now under soil and ruins, closed in by tons of earth on every side save towards the cylinder.	Наш дом завалился назад; передняя часть была разрушена до самого основания. Кухня и судомойня уцелели каким-то чудом и были засыпаны тоннами земли и мусора со всех сторон, кроме одной, обращенной к цилиндру.
Over that aspect we hung now on the very edge of the great circular pit the Martians were engaged in making.	Мы висели на краю огромной воронки, где работали марсиане.

The heavy beating sound was evidently just behind us, and ever and again a bright green vapour drove up like a veil across our peephole.	Тяжелые удары раздавались, очевидно, позади нас; ярко-зеленый пар то и дело поднимался из ямы и окутывал дымкой нашу щель.
The cylinder was already opened in the centre of the pit, and on the farther edge of the pit, amid the smashed and gravel-heaped shrubbery, one of the great fighting-machines, deserted by its occupant, stood stiff and tall against the evening sky.	Цилиндр был уже открыт, а в дальнем конце ямы, среди вырванных и засыпанных песком кустов, стоял пустой боевой треножник - огромный металлический остов, резко выступавший на фоне вечернего неба.

At first I scarcely noticed the pit and the cylinder, although it has been convenient to describe them first, on account of the extraordinary glittering mechanism I saw busy in the excavation, and on account of the strange creatures that were crawling slowly and painfully across the heaped mould near it.	Я начал свое описание с воронки и цилиндра, хотя в первую минуту мое внимание было отвлечено поразительной сверкающей машиной, копавшей землю, и странными неповоротливыми существами, неуклюже копошившимися возле нее в рыхлой земле.
The mechanism it certainly was that held my attention first.	Меня прежде всего заинтересовал этот механизм.

It was one of those complicated fabrics that have since been called handling-machines, and the study of which has already given such an enormous impetus to terrestrial invention.	Это была одна из тех сложных машин, которые назвали впоследствии многорукими и изучение которых дало такой мощный толчок техническим изобретениям.
As it dawned upon me first, it presented a sort of metallic spider with five jointed, agile legs, and with an extraordinary number of jointed levers, bars, and reaching and clutching tentacles about its body.	На первый взгляд она походила на металлического паука с пятью суставчатыми подвижными лапами и со множеством суставчатых рычагов и хватающих передаточных щупалец вокруг корпуса.

Most of its arms were retracted, but with three long tentacles it was fishing out a number of rods, plates, and bars which lined the covering and apparently strengthened the walls of the cylinder.	Большая часть рук этой машины была втянута, но тремя длинными щупальцами она хватала металлические шесты, прутья и листы - очевидно, броневую обшивку цилиндра.
These, as it extracted them, were lifted out and deposited upon a level surface of earth behind it.	Машин, вытаскивала, поднимала и складывала все это на ровную площадку позади воронки.
Its motion was so swift, complex, and perfect that at first I did not see it as a machine, in spite of its metallic glitter.	Все движения были так быстры, сложны и совершенны, что сперва я даже не принял ее за машину, несмотря на металлический блеск.

The fighting-machines were coordinated and animated to an extraordinary pitch, but nothing to compare with this.	Боевые треножники были тоже удивительно совершенны и казались одушевленными, но они были ничто в сравнении с этой.

People who have never seen these structures, and have only the ill-imagined efforts of artists or the imperfect descriptions of such eye-witnesses as myself to go upon, scarcely realise that living quality.	Люди, знающие эти машины только по бледным рисункам или по неполным рассказам очевидцев, вряд ли могут представить себе эти почти одухотворенные механизмы.
I recall particularly the illustration of one of the first pamphlets to give a consecutive account of the war.	Я вспомнил иллюстрацию в брошюре, дававшей подробное описание войны.

The artist had evidently made a hasty study of one of the fighting-machines, and there his knowledge ended. He presented them as tilted, stiff tripods, without either flexibility or subtlety, and with an altogether misleading monotony of effect.	Художник, очевидно, очень поверхностно ознакомился с одной из боевых машин, он изобразил их в виде неповоротливых наклонных треножников, лишенных гибкости и легкости и производящих однообразные действия.
The pamphlet containing these renderings had a considerable vogue, and I mention them here simply to warn the reader against the impression they may have created.	Брошюра, снабженная этими иллюстрациями, наделала много шуму, но я упоминаю о них только для того, чтобы читатели не получили неверного представления.

They were no more like the Martians I saw in action than a Dutch doll is like a human being.	Иллюстрации были не более похожи на тех марсиан, которых я видел, чем восковая кукла на человека.
To my mind, the pamphlet would have been much better without them.	По-моему, эти рисунки только испортили брошюру.
At first, I say, the handling-machine did not impress me as a machine, but as a crablike creature with a glittering integument, the controlling Martian whose delicate tentacles actuated its movements seeming to be simply the equivalent of the crab's cerebral portion.	Как я уже сказал, многорукая машина сперва показалась мне не машиной, а каким-то существом вроде краба с лоснящейся оболочкой; тело марсианина, тонкие щупальца которого регулировали все движения машины, я принял за нечто вроде мозгового придатка.

But then I perceived the resemblance of its grey-brown, shiny, leathery integument to that of the other sprawling bodies beyond, and the true nature of this dexterous workman dawned upon me.	Затем я заметил тот же серовато-бурый кожистый лоснящийся покров на других копошившихся вокруг телах и разгадал тайну изумительного механизма.
With that realisation my interest shifted to those other creatures, the real Martians.	После этого я все свое внимание обратил на живых, настоящих марсиан.
Already I had had a transient impression of these, and the first nausea no longer obscured my observation. Moreover, I was concealed and motionless, and under no urgency of action.	Я уже мельком видел их, но теперь отвращение не мешало моим наблюдениям, и, кроме того, я наблюдал за ними из-за прикрытия, а не в момент поспешного бегства.

They were, I now saw, the most unearthly creatures it is possible to conceive.	Теперь я разглядел, что в этих существах не было ничего земного.
They were huge round bodies-- or, rather, heads--about four feet in diameter, each body having in front of it a face.	Это были большие круглые тела, скорее головы, около четырех футов в диаметре, с неким подобием лица.
This face had no nostrils--indeed, the Martians do not seem to have had any sense of smell, but it had a pair of very large dark-coloured eyes, and just beneath this a kind of fleshy beak.	На этих лицах не было ноздрей (марсиане, кажется, были лишены чувства обоняния), только два больших темных глаза и что-то вроде мясистого клюва под ними.

In the back of this head or body--I scarcely know how to speak of it-- was the single tight tympanic surface, since known to be anatomically an ear, though it must have been almost useless in our dense air.	Сзади на этой голове или теле (я, право, не знаю, как это назвать) находилась тугая перепонка, соответствующая (это выяснили позднее) нашему уху, хотя она, вероятно, оказалась бесполезной в нашей более сгущенной атмосфере.
In a group round the mouth were sixteen slender, almost whiplike tentacles, arranged in two bunches of eight each.	Около рта торчали шестнадцать тонких, похожих на бичи щупалец, разделенных на два пучка - по восьми щупалец в каждом.

These bunches have since been named rather aptly, by that distinguished anatomist, Professor Howes, the hands.	Эти пучки знаменитый анатом профессор Хоус довольно удачно назвал руками.
Even as I saw these Martians for the first time they seemed to be endeavouring to raise themselves on these hands, but of course, with the increased weight of terrestrial conditions, this was impossible.	Когда я впервые увидел марсиан, мне показалось, что они старались опираться на эти руки, но этому, видимо, мешал увеличившийся в земных условиях вес их тел.
There is reason to suppose that on Mars they may have progressed upon them with some facility.	Можно предположить, что на Марсе они довольно легко передвигаются при помощи этих щупалец.

The internal anatomy, I may remark here, as dissection has since shown, was almost equally simple.	Внутреннее анатомическое строение марсиан, как показали позднейшие вскрытия, оказалось очень несложным.
The greater part of the structure was the brain, sending enormous nerves to the eyes, ear, and tactile tentacles.	Большую часть их тела занимал мозг с разветвлениями толстых нервов к глазам, уху и осязающим щупальцам.
Besides this were the bulky lungs, into which the mouth opened, and the heart and its vessels.	Кроме того, были найдены довольно сложные органы дыхания - легкие - и сердце с кровеносными сосудами.

The pulmonary distress caused by the denser atmosphere and greater gravitational attraction was only too evident in the convulsive movements of the outer skin.	Усиленная работа легких вследствие более плотной земной атмосферы и увеличения силы тяготения была заметна даже по конвульсивным движениям кожи марсиан.
And this was the sum of the Martian organs.	Таков был организм марсианина.
Strange as it may seem to a human being, all the complex apparatus of digestion, which makes up the bulk of our bodies, did not exist in the Martians.	Нам может показаться странным, что у марсиан, совершенно не оказалось никаких признаков сложного пищеварительного аппарата, являющегося одной из главных частей нашего "организма.

They were heads-- merely heads.	Они состояли из одной только головы.
Entrails they had none.	У них не было внутренностей.
They did not eat, much less digest.	Они не ели, не переваривали пищу.
Instead, they took the fresh, living blood of other creatures, and injected it into their own veins.	Вместо этого они брали свежую живую кровь других организмов и впрыскивали ее себе в вены.
I have myself seen this being done, as I shall mention in its place.	Я сам видел, как они это делали, и упомяну об этом в свое время.

But, squeamish as I may seem, I cannot bring myself to describe what I could not endure even to continue watching.	Чувство отвращения мешает мне подробно описать то, на что я не мог даже смотреть.

Let it suffice to say, blood obtained from a still living animal, in most cases from a human being, was run directly by means of a little pipette into the recipient canal. . . .	Дело в том, что марсиане, впрыскивая себе небольшой пипеткой кровь, в большинстве случаев человеческую, брали ее непосредственно из жил еще живого существа...

The bare idea of this is no doubt horribly repulsive to us, but at the same time I think that we should remember how repulsive our carnivorous habits would seem to an intelligent rabbit.	Одна мысль об этом кажется нам чудовищной, по в то же время я невольно думаю, какой отвратительной должна показаться наша привычка питаться мясом, скажем, кролику, вдруг получившему способность мыслить.
The physiological advantages of the practice of injection are undeniable, if one thinks of the tremendous waste of human time and energy occasioned by eating and the digestive process.	Нельзя отрицать физиологических преимуществ способа инъекции, если вспомнить, как много времени и энергии тратит человек на еду и пищеварение.

Our bodies are half made up of glands and tubes and organs, occupied in turning heterogeneous food into blood.	Наше тело наполовину состоит из желез, пищеварительных каналов и органов равного рода, занятых перегонкой пищи в кровь.
The digestive processes and their reaction upon the nervous system sap our strength and colour our minds.	Влияние пищеварительных процессов на нервную систему подрывает наши силы, отражается на нашей психике.
Men go happy or miserable as they have healthy or unhealthy livers, or sound gastric glands.	Люди счастливы или несчастны в зависимости от состояния печени или поджелудочной железы.

But the Martians were lifted above all these organic fluctuations of mood and emotion.	Марсиане свободны от этих влияний организма на настроение и эмоции.
Their undeniable preference for men as their source of nourishment is partly explained by the nature of the remains of the victims they had brought with them as provisions from Mars.	То, что марсиане предпочитали людей как источник питания, отчасти объясняется природой тех жертв, которые они привезли с собой с Марса в качестве провианта.

These creatures, to judge from the shrivelled remains that have fallen into human hands, were bipeds with flimsy, silicious skeletons (almost like those of the silicious sponges) and feeble musculature, standing about six feet high and having round, erect heads, and large eyes in flinty sockets.	Эти существа, судя по тем высохшим останкам, которые попали в руки людей, тоже были двуногими, с непрочным кремнистым скелетом (вроде наших кремнистых губок) и слаборазвитой мускулатурой; они были около шести футов ростом, с круглой головой и большими глазами в кремнистых впадинах.
Two or three of these seem to have been brought in each cylinder, and all were killed before earth was reached.	В каждом цилиндре находилось, кажется, по два или по три таких существа, но все они были убиты еще до прибытия на Землю.

It was just as well for them, for the mere attempt to stand upright upon our planet would have broken every bone in their bodies.	Они все равно погибли бы на Земле, так как при первой же попытке встать на ноги сломали бы себе кости.
And while I am engaged in this description, I may add in this place certain further details which, although they were not all evident to us at the time, will enable the reader who is unacquainted with them to form a clearer picture of these offensive creatures.	Раз я уже занялся этим описанием, то добавлю здесь кое-какие подробности, которые в то время не были ясны для нас и которые помогут читателю, не видевшему марсиан, составить себе более ясное представление об этих грозных созданиях.

In three other points their physiology differed strangely from ours.	В трех отношениях их физиология, резко отличалась от нашей.

Their organisms did not sleep, any more than the heart of man sleeps.	Их организм не нуждался в сне и постоянно бодрствовал, как у людей сердце.
Since they had no extensive muscular mechanism to recuperate, that periodical extinction was unknown to them.	Им не приходилось возмещать сильное мускульное напряжение, и поэтому периодическое прекращение деятельности было им неизвестно.
They had little or no sense of fatigue, it would seem.	Так же чуждо было им ощущение усталости.

On earth they could never have moved without effort, yet even to the last they kept in action.	На Земле они передвигались с большими усилиями, но даже и здесь находились в непрерывной деятельности.
In twenty-four hours they did twenty-four hours of work, as even on earth is perhaps the case with the ants.	Подобно муравьям, они работали все двадцать четыре часа в сутки.
In the next place, wonderful as it seems in a sexual world, the Martians were absolutely without sex, and therefore without any of the tumultuous emotions that arise from that difference among men.	Во-вторых, марсиане были бесполыми и потому не знали тех бурных эмоций, которые возникают у людей вследствие различия полов.

A young Martian, there can now be no dispute, was really born upon earth during the war, and it was found attached to its parent, partially budded off, just as young lilybulbs bud off, or like the young animals in the fresh-water polyp.	Точно установлено, что на Земле во время войны родился один марсианин; он был найден на теле своего родителя отпочковавшимся, как молодые лилии из луковиц или молодые организмы пресноводного полипа.
In man, in all the higher terrestrial animals, such a method of increase has disappeared; but even on this earth it was certainly the primitive method.	У человека и у всех высших видов земных животных подобный способ размножения, который считается самым примитивным, не существует.

Among the lower animals, up even to those first cousins of the vertebrated animals, the Tunicates, the two processes occur side by side, but finally the sexual method superseded its competitor altogether.	У низших животных, кончая оболочниками, стоящими ближе всего к позвоночным, существуют оба способа размножения, но на высших ступенях развития половой способ размножения совершенно вытесняет почкование.
On Mars, however, just the reverse has apparently been the case.	На Марсе, по-видимому, развитие шло в обратном направлении.

It is worthy of remark that a certain speculative writer of quasi-scientific repute, writing long before the Martian invasion, did forecast for man a final structure not unlike the actual Martian condition.	Любопытно, что один писатель, склонный к лженаучным умозрительным построениям, еще задолго до нашествия марсиан предсказал человеку будущего как раз то строение, какое оказалось у них.

His prophecy, I remember, appeared in November or December, 1893, in a long-defunct publication, the Pall Mall Budget, and I recall a caricature of it in a pre-Martian periodical called Punch.	Его предсказание, если не ошибаюсь, появилось в 1893 году в ноябрьском или декабрьском номере давно уже прекратившего существование "Пэл-Мэл баджит".

He pointed out--writing in a foolish, facetious tone-- that the perfection of mechanical appliances must ultimately supersede limbs; the perfection of chemical devices, digestion; that such organs as hair, external nose, teeth, ears, and chin were no longer essential parts of the human being, and that the tendency of natural selection would lie in the direction of their steady diminution through the coming ages.	Я припоминаю карикатуру на эту тему, помещенную в известном юмористическом журнале домарсианской эпохи "Панч". Автор статьи доказывал, излагая свою мысль в веселом, шутливом тоне, что развитие механических приспособлений должно в конце концов задержать развитие человеческого тела, а химическая пища ликвидирует пищеварение; он утверждал, что волосы, нос, зубы, уши, подбородок постепенно потеряют свое значение для человека и естественный отбор в течение грядущих веков их уничтожит.

The brain alone remained a cardinal necessity.	Будет развиваться один только мозг.
Only one other part of the body had a strong case for survival, and that was the hand, "teacher and agent of the brain."	Еще одна часть тела переживет остальные - это рука, "учитель и слуга мозга".
While the rest of the body dwindled, the hands would grow larger.	Все части тела будут атрофироваться, руки же будут все более и более развиваться.

There is many a true word written in jest, and here in the Martians we have beyond dispute the actual accomplishment of such a suppression of the animal side of the organism by the intelligence.	Истина нередко высказывается в форме шутки. У марсиан мы, несомненно, видим подобное подчинение животной стороны организма интеллекту.
To me it is quite credible that the Martians may be descended from beings not unlike ourselves, by a gradual development of brain and hands (the latter giving rise to the two bunches of delicate tentacles at last) at the expense of the rest of the body.	Мне кажется вполне вероятным, что у марсиан, произошедших от существ, в общем похожих на нас, мозг и руки (последние в конце концов заменились двумя пучками щупалец) постепенно развились за счет остального организма.

Without the body the brain would, of course, become a mere selfish intelligence, without any of the emotional substratum of the human being.	Мозг без тела должен был создать, конечно, более эгоистичный интеллект, без всяких человеческих эмоции.
The last salient point in which the systems of these creatures differed from ours was in what one might have thought a very trivial particular.	Третье отличие марсиан от нас с первого взгляда может показаться несущественным.

Micro-organisms, which cause so much disease and pain on earth, have either never appeared upon Mars or Martian sanitary science eliminated them ages ago. A hundred diseases, all the fevers and contagions of human life, consumption, cancers, tumours and such morbidities, never enter the scheme of their life.	Микроорганизмы, возбудители стольких болезней и страданий на Земле, либо никогда не появлялись на Марсе, либо санитария марсиан уничтожила их много столетни тому назад, Сотни заразных болезней, лихорадки и воспаления, поражающие человека, чахотка, рак, опухоли и тому подобные недуги были им совершенно неизвестны.

And speaking of the differences between the life on Mars and terrestrial life, I may allude here to the curious suggestions of the red weed.	Говоря о различии между жизнью на Земле и на Марсе, я должен упомянуть о странном появлении красной травы.
Apparently the vegetable kingdom in Mars, instead of having green for a dominant colour, is of a vivid blood-red tint.	Очевидно, растительное царство Марса в отличие от земного, где преобладает зеленый цвет, имеет кроваво-красную окраску.
At any rate, the seeds which the Martians (intentionally or accidentally) brought with them gave rise in all cases to red-coloured growths.	Во всяком случае, те семена, которые марсиане (намеренно или случайно) привезли с собой, давали ростки красного цвета.

Only that known popularly as the red weed, however, gained any footing in competition with terrestrial forms.	Впрочем, в борьбе с земными видами растений только одна всем известная красная трава достигла некоторого развития.
The red creeper was quite a transitory growth, and few people have seen it growing.	Красный вьюн скоро засох, и лишь немногие его видели.
For a time, however, the red weed grew with astonishing vigour and luxuriance.	Что же касается красной травы, то некоторое время она росла удивительно быстро.

It spread up the sides of the pit by the third or fourth day of our imprisonment, and its cactus-like branches formed a carmine fringe to the edges of our triangular window.	Она появилась на краях ямы на третий или четвертый день нашего заточения, и ее побеги, походившие на ростки кактуса, образовали карминовую бахрому вокруг нашего треугольного окна.
And afterwards I found it broadcast throughout the country, and especially wherever there was a stream of water.	Впоследствии я встречал ее в изобилии по всей стране, особенно поблизости от воды.

The Martians had what appears to have been an auditory organ, a single round drum at the back of the head-body, and eyes with a visual range not very different from ours except that, according to Philips, blue and violet were as black to them.	Марсиане имели орган слуха - круглую перепонку на задней стороне головы-тела, и их глаза по силе зрения не уступали нашим, только синий и фиолетовый цвет, по мнению Филипса, должен был казаться им черным.

It is commonly supposed that they communicated by sounds and tentacular gesticulations; this is asserted, for instance, in the able but hastily compiled pamphlet (written evidently by someone not an eye-witness of Martian actions) to which I have already alluded, and which, so far, has been the chief source of information concerning them.	Предполагают, что они общались друг с другом при помощи звуков и движений щупалец; так утверждает, например, интересная, но наспех написанная брошюра, автор которой, очевидно, не видел марсиан; на эту брошюру я уже ссылался, она до сих пор служит главным источником сведений о марсианах.
Now no surviving human being saw so much of the Martians in action as I did.	Однако ни один из оставшихся в живых людей не наблюдал так близко марсиан, как я.

I take no credit to myself for an accident, but the fact is so.	Это произошло, правда, не по моему желанию, но все же это несомненный факт.
And I assert that I watched them closely time after time, and that I have seen four, five, and (once) six of them sluggishly performing the most elaborately complicated operations together without either sound or gesture.	Я наблюдал за ними внимательно день за днем и утверждаю, что видел собственными глазами, как четверо, пятеро и один раз даже шестеро марсиан, с трудом передвигаясь, выполняли самые тонкие, сложные работы сообща, не обмениваясь ни звуком, ни жестом.

Their peculiar hooting invariably preceded feeding; it had no modulation, and was, I believe, in no sense a signal, but merely the expiration of air preparatory to the suctional operation.	Издаваемое ими лишенное всяких модуляций уханье слышалось обычно перед едой; по-моему, оно вовсе на служило сигналом, а происходило просто вследствии выдыхания воздуха перед впрыскиванием крови.

I have a certain claim to at least an elementary knowledge of psychology, and in this matter I am convinced--as firmly as I am convinced of anything--that the Martians interchanged thoughts without any physical intermediation. And I have been convinced of this in spite of strong preconceptions.	Мне известны основы психологии, и я твердо убежден, что марсиане обменивались мыслями без посредства физических органов. Утверждаю это, несмотря на мое предубеждение против телепатии.

Before the Martian invasion, as an occasional reader here or there may remember, I had written with some little vehemence against the telepathic theory.	Перед нашествием марсиан, если только читатель помнит мои статьи, я высказывался довольно резко против телепатических теорий.
The Martians wore no clothing.	Марсиане не носили одежды.
Their conceptions of ornament and decorum were necessarily different from ours; and not only were they evidently much less sensible of changes of temperature than we are, but changes of pressure do not seem to have affected their health at all seriously.	Их понятия о нарядах и приличиях, естественно, расходились с нашими; они не только были менее чувствительны к переменам температуры, чем мы, но и перемена давления, по-видимому, не отразилась вредно на их здоровье.

Yet though they wore no clothing, it was in the other artificial additions to their bodily resources that their great superiority over man lay.	Хотя они не носили одежды, но их громадное превосходство над людьми заключалось в других искусственных приспособлениях, которыми они пользовались.
We men, with our bicycles and road-skates, our Lilienthal soaring-machines, our guns and sticks and so forth, are just in the beginning of the evolution that the Martians have worked out.	Мы с нашими велосипедами и прочими средствами передвижения, с нашими летательными аппаратами Лилиенталя, с нашими пушками, ружьями и всем прочим находимся только в начале той эволюции, которую уже проделали марсиане.

They have become practically mere brains, wearing different bodies according to their needs just as men wear suits of clothes and take a bicycle in a hurry or an umbrella in the wet.	Они сделались как бы чистым разумом, пользующимся различными машинами смотря по надобности, точно так же как человек меняет одежду, берет для скорости передвижения велосипед или зонт для защиты от дождя.

And of their appliances, perhaps nothing is more wonderful to a man than the curious fact that what is the dominant feature of almost all human devices in mechanism is absent--the wheel is absent; among all the things they brought to earth there is no trace or suggestion of their use of wheels.	В машинах марсиан для нас удивительней всего совершенное отсутствие важнейшего элемента почти всех человеческих изобретений в области механики - колеса; ни в одной машине из доставленных ими на Землю нет даже подобия колес.
One would have at least expected it in locomotion.	Можно было бы ожидать, что у них применяются колеса, по крайней мере, для передвижения.

And in this connection it is curious to remark that even on this earth Nature has never hit upon the wheel, or has preferred other expedients to its development.	Однако в связи с этим любопытно отметить, что природа даже и на Земле не знает колес и предпочитает достигать своих целей другими средствами.
And not only did the Martians either not know of (which is incredible), or abstain from, the wheel, but in their apparatus singularly little use is made of the fixed pivot or relatively fixed pivot, with circular motions thereabout confined to one plane.	Марсиане тоже не знают (что, впрочем, маловероятно) или избегают колес и очень редко пользуются в своих аппаратах неподвижными или относительно неподвижными осями с круговым движением, сосредоточенным в одной плоскости.

Almost all the joints of the machinery present a complicated system of sliding parts moving over small but beautifully curved friction bearings.	Почти все соединения в их машинах представляют собой сложную систему скользящих деталей, двигающихся на небольших, искусно изогнутых подшипниках.

And while upon this matter of detail, it is remarkable that the long leverages of their machines are in most cases actuated by a sort of sham musculature of the disks in an elastic sheath; these disks become polarised and drawn closely and powerfully together when traversed by a current of electricity.	Затронув эту тему, я должен упомянуть и о том, что длинные рычажные соединения в машинах марсиан приводятся в движение подобием мускулатуры, состоящим из дисков в эластичной оболочке; эти диски поляризуются при прохождении электрического тока и плотно прилегают друг к другу.

In this way the curious parallelism to animal motions, which was so striking and disturbing to the human beholder, was attained.	Благода- ря такому устройству получается странное сходство с движения-ми живого существа, столь поражавшее и даже ошеломлявшее наблюдателя.
Such quasi- muscles abounded in the crablike handling-machine which, on my first peeping out of the slit, I watched unpacking the cylinder.	Такого рода подобия мускулов находились в изобилии и в той на-поминавшей краба многорукой машине, которая "распаковыва-ла" цилиндр, когда я первый раз заглянул в щель.

It seemed infinitely more alive than the actual Martians lying beyond it in the sunset light, panting, stirring ineffectual tentacles, and moving feebly after their vast journey across space.	Она казалась гораздо более живой, чем марсиане, лежавшие возле нее и освещенные косыми лучами восходящего солнца; они тяжело дышали, шевелили щупальцами и еле передвигались после утомительного перелета в межпланетном пространстве.
While I was still watching their sluggish motions in the sunlight, and noting each strange detail of their form, the curate reminded me of his presence by pulling violently at my arm.	Я долго наблюдал за их медлительными движениями при свете солнца и подмечал особенности их строения, пока священник не напомнил о своем присутствии, неожиданно схватив меня за руку.

I turned to a scowling face, and silent, eloquent lips.	Я обернулся и увидел его нахмуренное лицо и сердито сжатые губы.
He wanted the slit, which permitted only one of us to peep through; and so I had to forego watching them for a time while he enjoyed that privilege.	Он хотел тоже посмотреть в щель: место было только для одного. Таким образом, я должен был на время отказаться от наблюдений за марсианами и предоставить эту привилегию ему.

When I looked again, the busy handling-machine had already put together several of the pieces of apparatus it had taken out of the cylinder into a shape having an unmistakable likeness to its own; and down on the left a busy little digging mechanism had come into view, emitting jets of green vapour and working its way round the pit, excavating and embanking in a methodical and discriminating manner.	Когда я снова заглянул в щель, многорукая машина уже успела собрать части вынутого из цилиндра аппарата; новая машина имела точно такую же форму, как и первая. Внизу налево работал какой-то небольшой механизм; выпуская клубы зеленого дыма, он рыл землю и продвигался вокруг ямы, углубляя и выравнивая ее.

This it was which had caused the regular beating noise, and the rhythmic shocks that had kept our ruinous refuge quivering.	Эта машина и производила тот размеренный гул, от которого сотрясалось наше полуразрушенное убежище.
It piped and whistled as it worked.	Машина дымила и свистела во время работы.
So far as I could see, the thing was without a directing Martian at all. CHAPTER THREE THE DAYS OF IMPRISONMENT	Насколько я мог судить, никто не управлял ею. 3. Дни заточения
The arrival of a second fighting-machine drove us from our peephole into the scullery, for we feared that from his elevation the Martian might see down upon us behind our barrier.	Появление второго боевого треножника загнало нас в судомойню, так как мы опасались, что со своей вышки марсианин заметит нас за нашим прикрытием.

At a later date we began to feel less in danger of their eyes, for to an eye in the dazzle of the sunlight outside our refuge must have been blank blackness, but at first the slightest suggestion of approach drove us into the scullery in heart-throbbing retreat.	Позже мы поняли, что наше убежище должно казаться находившимся на ярком свете марсианам темным пятном, и перестали бояться, но сначала при каждом приближении марсиан мы в панике бросались в судомойню.
Yet terrible as was the danger we incurred, the attraction of peeping was for both of us irresistible.	Однако, невзирая на опасность, нас неудержимо тянуло к щели.

And I recall now with a sort of wonder that, in spite of the infinite danger in which we were between starvation and a still more terrible death, we could yet struggle bitterly for that horrible privilege of sight.	Теперь я с удивлением вспоминаю, что, несмотря на всю безвыходность нашего положения - ведь нам грозила либо голодная, либо еще более ужасная смерть, - мы даже затевали драку из-за того, кому смотреть первому.
We would race across the kitchen in a grotesque way between eagerness and the dread of making a noise, and strike each other, and thrust and kick, within a few inches of exposure.	Мы бежали на кухню, сгорая от нетерпения и боясь произвести малейший шум, отчаянно толкались и лягались, находясь на волосок от гибели.

The fact is that we had absolutely incompatible dispositions and habits of thought and action, and our danger and isolation only accentuated the incompatibility.	Мы были совершенно разными людьми по характеру, по манере мыслить и действовать; опасность и заключение еще резче выявили это различие.
At Halliford I had already come to hate the curate's trick of helpless exclamation, his stupid rigidity of mind.	Уже в Голлифорде меня возмещали беспомощность и напыщенная ограниченность священника.
His endless muttering monologue vitiated every effort I made to think out a line of action, and drove me at times, thus pent up and intensified, almost to the verge of craziness.	Его бесконечные невнятные монологи мешали мне сосредоточиться, обдумать создавшееся положение и доводили меня, и без того крайне возбужденного, чуть не до припадка.

He was as lacking in restraint as a silly woman.	У него было не больше выдержки, чем у глупенькой женщины.
He would weep for hours together, and I verily believe that to the very end this spoiled child of life thought his weak tears in some way efficacious.	Он готов был плакать по целым часам, и я уверен, что он, как ребенок, воображал, что слезы помогут ему.
And I would sit in the darkness unable to keep my mind off him by reason of his importunities.	Даже в темноте он ежеминутно докучал своей назойливостью.

He ate more than I did, and it was in vain I pointed out that our only chance of life was to stop in the house until the Martians had done with their pit, that in that long patience a time might presently come when we should need food.	Кроме того, он ел больше меня, и я тщетно напоминал ему, что нам ради нашего спасения необходимо оставаться дома до тех пор, пока марсиане не кончат работу и яме, и что поэтому надо экономить еду.
He ate and drank impulsively in heavy meals at long intervals.	Он ел и пил сразу помногу после больших перерывов.
He slept little.	Спал мало.

As the days wore on, his utter carelessness of any consideration so intensified our distress and danger that I had, much as I loathed doing it, to resort to threats, and at last to blows.	Дни шли за днями; его крайняя беспечность и безрассудность ухудшали наше и без того отчаянное положение и увеличивали опасность, так что я волей-неволей должен был прибегнуть к угрозам, даже к побоям.
That brought him to reason for a time.	Это образумило его, но ненадолго.

But he was one of those weak creatures, void of pride, timorous, anaemic, hateful souls, full of shifty cunning, who face neither God nor man, who face not even themselves.	Он принадлежал к числу тех слабых, вялых, лишенных самолюбия, трусливых и в то же время хитрых созданий, которые не решаются смотреть прямо в глаза ни богу, ни людям, ни даже самим себе.

It is disagreeable for me to recall and write these things, but I set them down that my story may lack nothing.	Мне неприятно вспоминать и писать об этом, но я обязан рассказывать все.
Those who have escaped the dark and terrible aspects of life will find my brutality, my flash of rage in our final tragedy, easy enough to blame; for they know what is wrong as well as any, but not what is possible to tortured men.	Те, кому удалось избежать томных и страшных сторон жизни, на задумываясь, осудят мою жестокость, мою вспышку ярости в последнем акте нашей драмы; они отлично знают, что хорошо и что дурно, но, полагаю, не ведают, до чего муки могут довести человека.
But those who have been under the shadow, who have gone down at last to elemental things, will have a wider charity.	Однако те, которые сами прошли сквозь мрак до самых низин примитивной жизни, поймут меня и будут снисходительны.

And while within we fought out our dark, dim contest of whispers, snatched food and drink, and gripping hands and blows, without, in the pitiless sunlight of that terrible June, was the strange wonder, the unfamiliar routine of the Martians in the pit.	И вот, пока мы с священником в тишине и мраке пререкались вполголоса, вырывали друг у друга еду и питье, толкались и дрались, в яме снаружи под беспощадным июньским солнцем марсиане налаживали свою непонятную для нас жизнь.
Let me return to those first new experiences of mine.	Я вернусь к рассказу о том, что я видел.

After a long time I ventured back to the peephole, to find that the new- comers had been reinforced by the occupants of no fewer than three of the fighting-machines. These last had brought with them certain fresh appliances that stood in an orderly manner about the cylinder.	После долгого переры- ва я наконец решил- ся подползти к щели и увидел, что появи- лись еще три боевых треножника, которые притащили какие-то новые приспособле- ния, расставленные теперь в стройном по- рядке вокруг цилин- дра.
The second handling- machine was now completed, and was busied in serving one of the novel contrivances the big machine had brought.	Вторая многорукая машина, теперь за- конченная, обслужи- вала новый механизм, принесенный боевым треножником.

This was a body resembling a milk can in its general form, above which oscillated a pear-shaped receptacle, and from which a stream of white powder flowed into a circular basin below.	Корпус этого нового аппарата по форме походил на молочный бидон с грушевидной вращающейся воронкой наверху, из которой сыпался в подставленный снизу круглый котел белый порошок.
The oscillatory motion was imparted to this by one tentacle of the handling-machine.	Вращение производило одно из щупалец многорукой машины.

With two spatulate hands the handling-machine was digging out and flinging masses of clay into the pear-shaped receptacle above, while with another arm it periodically opened a door and removed rusty and blackened clinkers from the middle part of the machine.	Две лопатообразные руки копали глину и бросали ее в грушевидный приемник, в то время как третья рука периодически открывала дверцу и удаляла из средней части прибора обгоревший шлак.
Another steely tentacle directed the powder from the basin along a ribbed channel towards some receiver that was hidden from me by the mound of bluish dust.	Четвертое стальное щупальце направляло порошок из котла по колончатой трубке в какой-то новый приемник, скрытый от меня кучей голубоватой пыли.

From this unseen receiver a little thread of green smoke rose vertically into the quiet air.	Из этого невидимого приемника поднималась вверх струйка зеленого дыма.
As I looked, the handling-machine, with a faint and musical clinking, extended, telescopic fashion, a tentacle that had been a moment before a mere blunt projection, until its end was hidden behind the mound of clay.	Многорукая машина с негромким музыкальным звоном вдруг вытянула, как подзорную трубу, щупальце, казавшееся минуту назад тупым отростком, и закинула его за кучу глины.

In another second it had lifted a bar of white aluminium into sight, untarnished as yet, and shining dazzlingly, and deposited it in a growing stack of bars that stood at the side of the pit.	Через секунду щупальце подняло вверх полосу белого алюминия, еще не остывшего и ярко блестевшего, и бросило ее на клетку из таких же полос, сложенную возле ямы.
Between sunset and starlight this dexterous machine must have made more than a hundred such bars out of the crude clay, and the mound of bluish dust rose steadily until it topped the side of the pit.	От заката солнца до появления звезд эта ловкая машина изготовила не менее сотни таких полос прямо из глины, и куча голубоватой пыли стала подниматься выше края ямы.

The contrast between the swift and complex movements of these contrivances and the inert panting clumsiness of their masters was acute, and for days I had to tell myself repeatedly that these latter were indeed the living of the two things.	Контраст между быстрыми и сложными движениями всех этих машин и медлительными, неуклюжими движениями их хозяев был так разителен, что мне пришлось долго убеждать себя, что марсиане, а не их орудия являются живыми существами.
The curate had possession of the slit when the first men were brought to the pit.	Когда в яму принесли первых пойманных людей, у щели стоял священник.
I was sitting below, huddled up, listening with all my ears.	Я сидел на полу и напряженно прислушивался.

He made a sudden movement backward, and I, fearful that we were observed, crouched in a spasm of terror.	Вдруг он отскочил назад, и я в ужасе притаился, думая, что нас заметили.
He came sliding down the rubbish and crept beside me in the darkness, inarticulate, gesticulating, and for a moment I shared his panic.	Он тихонько пробрался ко мне по мусору и присел рядом в темноте, невнятно бормоча и показывая что-то жестами; испуг его передался и мне.
His gesture suggested a resignation of the slit, and after a little while my curiosity gave me courage, and I rose up, stepped across him, and clambered up to it.	Знаком он дал понять, что уступает мне щель; любопытство придало мне храбрости; я встал, перешагнул через священника и припал к щели.

At first I could see no reason for his frantic behaviour.	Сначала я не понял причины его страха.
The twilight had now come, the stars were little and faint, but the pit was illuminated by the flickering green fire that came from the aluminium-making.	Наступили сумерки, звезды казались крошечными, тусклыми, но яма освещалась зелеными вспышками от машины, изготовлявшей алюминии.
The whole picture was a flickering scheme of green gleams and shifting rusty black shadows, strangely trying to the eyes.	Неровные вспышки зеленого огня и двигавшиеся черные смутные тени производили жуткое впечатление.
Over and through it all went the bats, heeding it not at all.	В воздухе кружились летучие мыши, ничуть не пугавшиеся.

The sprawling Martians were no longer to be seen, the mound of blue-green powder had risen to cover them from sight, and a fighting-machine, with its legs contracted, crumpled, and abbreviated, stood across the corner of the pit.	Теперь копошащихся марсиан не было видно за выросшей кучей голубовато-зеленого порошка. В одном из углов ямы стоял укороченный боевой треножник со сложенными поджатыми ногами.
And then, amid the clangour of the machinery, came a drifting suspicion of human voices, that I entertained at first only to dismiss.	Вдруг среди гула машин послышались как будто человеческие голоса. Я подумал, что мне померещилось, и сначала не обратил на это внимания.

I crouched, watching this fighting-machine closely, satisfying myself now for the first time that the hood did indeed contain a Martian.	Я нагнулся, наблюдая за боевым треножником, и тут только окончательно убедился, что в колпаке его находился марсианин.
As the green flames lifted I could see the oily gleam of his integument and the brightness of his eyes.	Когда зеленое пламя вспыхнуло ярче, я разглядел его лоснящийся кожный покров и блеск его глаз.
And suddenly I heard a yell, and saw a long tentacle reaching over the shoulder of the machine to the little cage that hunched upon its back.	Вдруг послышался крик, и я увидел, как длинное щупальце протянулось за плечо машины к металлической клетке, висевшей сзади.

Then something- -something struggling violently--was lifted high against the sky, a black, vague enigma against the starlight; and as this black object came down again, I saw by the green brightness that it was a man.	Щупальце подняло что-то отчаянно барахтавшееся высоко в воздух - черный, неясный, загадочный предмет на фоне звездного неба; когда этот предмет опустился, я увидел при вспышке зеленого света, что это человек.
For an instant he was clearly visible.	Я видел его одно мгновение.
He was a stout, ruddy, middle-aged man, well dressed; three days before, he must have been walking the world, a man of considerable consequence.	Это был хорошо одетый, сильный, румяный, средних лет мужчина. Три дня назад это, вероятно, был человек, уверенно шагавший по земле.

I could see his staring eyes and gleams of light on his studs and watch chain.	Я видел его широко раскрытые глаза и отблеск огня на его пуговицах и часовой цепочке.
He vanished behind the mound, and for a moment there was silence.	Он исчез по другую сторону кучи, и на мгновение все стихло.
And then began a shrieking and a sustained and cheerful hooting from the Martians.	Потом послышались отчаянные крики и продолжительное, удовлетворенное уханье марсиан...
I slid down the rubbish, struggled to my feet, clapped my hands over my ears, and bolted into the scullery.	Я соскользнул с кучи щебня, встал на ноги и, зажав уши, бросился в судомойню.

The curate, who had been crouching silently with his arms over his head, looked up as I passed, cried out quite loudly at my desertion of him, and came running after me.	Священник, который сидел сгорбившись, обхватив голову руками, взглянул на меня, когда я пробегал мимо, довольно громко вскрикнул, очевидно, думая, что я покидаю его, и бросился за мной...

That night, as we lurked in the scullery, balanced between our horror and the terrible fascination this peeping had, although I felt an urgent need of action I tried in vain to conceive some plan of escape; but afterwards, during the second day, I was able to consider our position with great clearness.	В эту ночь, пока мы сидели в судомойне, разрываясь между смертельным страхом и желанием взглянуть в щель, я тщетно пытался придумать какой-нибудь способ спасения, хотя понимал, что действовать надо безотлагательно. Но на следующий день я заставил себя трезво оценить создавшееся положение.

The curate, I found, was quite incapable of discussion; this new and culminating atrocity had robbed him of all vestiges of reason or forethought.	Священник не мог участвовать в обсуждении планов; от страха он лишился способности логически рассуждать и мог действовать лишь импульсивно.
Practically he had already sunk to the level of an animal.	В сущности, он стал почти животным.
But as the saying goes, I gripped myself with both hands.	Мне приходилось рассчитывать только на самого себя.
It grew upon my mind, once I could face the facts, that terrible as our position was, there was as yet no justification for absolute despair.	Обдумав все хладнокровно, я решил, что, несмотря на весь ужас нашего положения, отчаиваться не следует.

Our chief chance lay in the possibility of the Martians making the pit nothing more than a temporary encampment.	Мы могли надеяться, что марсиане расположились в яме только временно.
Or even if they kept it permanently, they might not consider it necessary to guard it, and a chance of escape might be afforded us.	Пусть они даже превратят яму в постоянный лагерь, и тогда нам может представиться случай к бегству, если они не сочтут нужным ее охранять.

I also weighed very carefully the possibility of our digging a way out in a direction away from the pit, but the chances of our emerging within sight of some sentinel fighting-machine seemed at first too great.	Я обдумал также очень тщательно план подкопа с противоположной стороны, но здесь нам угрожала опасность быть замеченными с какого-нибудь сторожевого треножника.
And I should have had to do all the digging myself.	Кроме того, подкоп пришлось бы делать мне одному.
The curate would certainly have failed me.	На священника полагаться было нельзя.

It was on the third day, if my memory serves me right, that I saw the lad killed. It was the only occasion on which I actually saw the Martians feed.	Три дня спустя (если память мне не изменяет) на моих глазах был умерщвлен юноша; это был единственный раз, когда я видел, как питаются марсиане.
After that experience I avoided the hole in the wall for the better part of a day.	После этого я почти целый день не подходил к щели.
I went into the scullery, removed the door, and spent some hours digging with my hatchet as silently as possible; but when I had made a hole about a couple of feet deep the loose earth collapsed noisily, and I did not dare continue.	Я отправился в судомойню, отворил дверь и несколько часов рыл топором землю, стараясь производить как можно меньше шума. Но когда я вырыл яму фута в два глубиной, тяжелая земля с шумом осела, и я не решился рыть дальше.

I lost heart, and lay down on the scullery floor for a long time, having no spirit even to move.	Я замер и долго лежал на полу, боясь пошевельнуться.
And after that I abandoned altogether the idea of escaping by excavation.	После этого я бросил мысль о подкопе.
It says much for the impression the Martians had made upon me that at first I entertained little or no hope of our escape being brought about by their overthrow through any human effort.	Интересно отметить один факт: впечатление, произведенное на меня марсианами, было таково, что я не надеялся на победу людей, благодаря которой мог бы спастись.

But on the fourth or fifth night I heard a sound like heavy guns.	Однако на четвертую или пятую ночь послышались выстрелы тяжелых орудий.
It was very late in the night, and the moon was shining brightly.	Была глубокая ночь, и луна ярко сияла.

The Martians had taken away the excavating-machine, and, save for a fighting-machine that stood in the remoter bank of the pit and a handling-machine that was buried out of my sight in a corner of the pit immediately beneath my peephole, the place was deserted by them.	Марсиане убрали экскаватор и куда-то скрылись; лишь на некотором расстоянии от ямы стоял боевой треножник, да в одном из углов ямы многорукая машина продолжала работать как раз под щелью, в которую я смотрел.

Except for the pale glow from the handling-machine and the bars and patches of white moonlight the pit was in darkness, and, except for the clinking of the handling-machine, quite still.	В яме было совсем темно, за исключением тех мест, куда падал лунный свет или отблеск многорукой машины, нарушавшей тишину своим лязгом.
That night was a beautiful serenity; save for one planet, the moon seemed to have the sky to herself.	Ночь была ясная, тихая. Луна почти безраздельно царила в небе, одна только звезда нарушала ее одиночество.
I heard a dog howling, and that familiar sound it was that made me listen.	Вдруг послышался собачий лай, и этот знакомый звук заставил меня насторожиться.
Then I heard quite distinctly a booming exactly like the sound of great guns.	Потом очень отчетливо я услышал гул, словно грохот тяжелых орудий.

Six distinct reports I counted, and after a long interval six again.	Я насчитал шесть выстрелов и после долгого перерыва - еще шесть.
And that was all. CHAPTER FOUR THE DEATH OF THE CURATE	Потом все стихло. 4. Смерть священника
It was on the sixth day of our imprisonment that I peeped for the last time, and presently found myself alone.	Это произошло на шестой день нашего заточения. Я смотрел в щель и вдруг почувствовал, что я один.
Instead of keeping close to me and trying to oust me from the slit, the curate had gone back into the scullery.	Только что стоявший рядом со мной и отталкивавший меня от щели священник почему-то ушел в судомойню.
I was struck by a sudden thought.	Мне показалось это подозрительным.

I went back quickly and quietly into the scullery.	Беззвучно ступая, я быстро двинулся в судомойню.
In the darkness I heard the curate drinking.	В темноте я услыхал, что священник пьет.
I snatched in the darkness, and my fingers caught a bottle of burgundy.	Я протянул руку и нащупал бутылку бургундского.
For a few minutes there was a tussle.	Несколько минут мы боролись.
The bottle struck the floor and broke, and I desisted and rose.	Бутылка упала и разбилась. Я выпустил его и поднялся на ноги.
We stood panting and threatening each other.	Мы стояли друг против друга, тяжело дыша, сжимая кулаки.

In the end I planted myself between him and the food, and told him of my determination to begin a discipline.	Наконец я встал между ним и запасами провизии и сказал, что решил ввести строгую дисциплину.
I divided the food in the pantry, into rations to last us ten days.	Я разделил весь запас продовольствия на части так, чтобы его хватило на десять дней.
I would not let him eat any more that day.	Сегодня он больше ничего не получит.

In the afternoon he made a feeble effort to get at the food.	Днем он пытался снова подобраться к припасам.
I had been dozing, but in an instant I was awake.	Я задремал было, но сразу встрепенулся.

All day and all night we sat face to face, I weary but resolute, and he weeping and complaining of his immediate hunger.	Весь день и всю ночь мы сидели друг против друга; я смертельно устал, но был тверд, он хныкал и жаловался на нестерпимый голод.
It was, I know, a night and a day, but to me it seemed--it seems now--an interminable length of time.	Я знаю, что так прошли лишь одна ночь и один день, но мне казалось тогда и даже теперь кажется, что это тянулось целую вечность.
And so our widened incompatibility ended at last in open conflict.	Постоянные разногласия между нами привели наконец к открытому столкновению.
For two vast days we struggled in undertones and wrestling contests.	В течение двух долгих дней мы перебранивались вполголоса, спорили, пререкались.

There were times when I beat and kicked him madly, times when I cajoled and persuaded him, and once I tried to bribe him with the last bottle of burgundy, for there was a rain-water pump from which I could get water.	Иногда я терял самообладание и бил его, иногда ласково убеждал, раз я даже попытался соблазнить его последней бутылкой бургундского: в кухне был насос для дождевой воды, откуда я мог напиться.
But neither force nor kindness availed; he was indeed beyond reason.	Но ни уговоры, ни побои не действовали, казалось, он сошел с ума.
He would neither desist from his attacks on the food nor from his noisy babbling to himself.	Он по-прежнему пытался захватить провизию и продолжал разговаривать вслух сам с собой.

The rudimentary precautions to keep our imprisonment endurable he would not observe.	Он вел себя очень неосторожно, и мы каждую минуту могли быть обнаружены.
Slowly I began to realise the complete overthrow of his intelligence, to perceive that my sole companion in this close and sickly darkness was a man insane.	Скоро я понял, что он совсем потерял рассудок, -я оказался в темноте наедине с сумасшедшим.
From certain vague memories I am inclined to think my own mind wandered at times.	Мне думается, что и я был в то время не вполне нормален.

I had strange and hideous dreams whenever I slept.	Меня мучили дикие, ужасные сны.
It sounds paradoxical, but I am inclined to think that the weakness and insanity of the curate warned me, braced me, and kept me a sane man.	Как это ни странно, но я склонен думать, что сумасшествие священника послужило мне предостережением: я напряженно следил за собой и поэтому сохранил рассудок.
On the eighth day he began to talk aloud instead of whispering, and nothing I could do would moderate his speech.	На восьмой день священник начал говорить, и я ничем не мог удержать поток его красноречия.

"It is just, O God!" he would say, over and over again. "It is just.	- Это справедливая кара, о боже, - повторял он поминутно, - справедливая!
On me and mine be the punishment laid.	Порази меня и весь род мой.
We have sinned, we have fallen short. There was poverty, sorrow; the poor were trodden in the dust, and I held my peace.	Мы согрешили, мы впали в грех... Повсюду люди страдали, бедных смешивали с прахом, а я молчал.

I preached acceptable folly--my God, what folly!-- when I should have stood up, though I died for it, and called upon them to repent-repent! . . .	Мои проповеди - сущее безумие, о боже мой, что за безумие! Я должен был восстать и, не щадя жизни своей, призывать к покаянию, к покаянию!..

Oppressors of the poor and needy . . . !	Угнетатели бедных и страждущих!..
The wine press of God!"	Карающая десница господня!..
Then he would suddenly revert to the matter of the food I withheld from him, praying, begging, weeping, at last threatening.	Потом он снова вспомнил о провизии, к которой я его не подпускал, умолял меня, плакал, угрожал.
He began to raise his voice--I prayed him not to. He perceived a hold on me--he threatened he would shout and bring the Martians upon us.	Он начал повышать голос; я просил не делать этого; он понял спою власть надо мной и начал грозить, что будет кричать и привлечет внимание марсиан.

For a time that scared me; but any concession would have shortened our chance of escape beyond estimating.	Сперва это меня испугало, по я понял, что, уступи я, наши шансы на спасение уменьшились бы.
I defied him, although I felt no assurance that he might not do this thing.	Я отказал ему, хоть и не был уверен, что он не приведет в исполнение свою угрозу.
But that day, at any rate, he did not.	В этот день, во всяком случае, этого не произошло.

He talked with his voice rising slowly, through the greater part of the eighth and ninth days--threats, entreaties, mingled with a torrent of half-sane and always frothy repentance for his vacant sham of God's service, such as made me pity him.	Он говорил все громче и громче весь восьмой и девятый день; это были угрозы, мольбы, порывы полубезумного многоречивого раскаяния в небрежном, недостойном служении богу. Мне даже стало жаль его.
Then he slept awhile, and began again with renewed strength, so loudly that I must needs make him desist.	Немного поспав, он снова начал говорить, на этот раз так громко, что я вынужден был вмешаться.
"Be still!" I implored.	- Молчите! - умолял я.

He rose to his knees, for he had been sitting in the darkness near the copper.	Он опустился на колени в темноте возле котла.
"I have been still too long," he said, in a tone that must have reached the pit, "and now I must bear my witness.	- Я слишком долго молчал, - сказал он так громко, что его должны были услышать в яме, - теперь я должен свидетельствовать.
Woe unto this unfaithful city!	Горе этому беззаконному граду!
Woe!	Горе!
Woe!	Горе!
Woe!	Горе!

Woe! Woe! To the inhabitants of the earth by reason of the other voices of the trumpet—"	Горе обитателям Земли, ибо уже прозвучала труба.
"Shut up!" I said, rising to my feet, and in a terror lest the Martians should hear us. "For God's sake—"	- Замолчите! - прохрипел я, вскакивая, ужасаясь при мысли, что марсиане услышат нас. - Ради бога, замолчите!..
"Nay," shouted the curate, at the top of his voice, standing likewise and extending his arms. "Speak!	- Нет! - воскликнул громко священник, поднимаясь и простирая вперед руки. - Изреки!

The word of the Lord is upon me!"	Слово божие в моих устах!

In three strides he was at the door leading into the kitchen.	В три прыжка он очутился у двери в кухню.
"I must bear my witness!	- Я должен свидетельствовать!
I go!	Я иду!
It has already been too long delayed."	Я и так уже долго медлил.
I put out my hand and felt the meat chopper hanging to the wall. In a flash I was after him.	Я схватил секач, висевший на стене, и бросился за ним.
I was fierce with fear.	От страха я пришел в бешенство.
Before he was halfway across the kitchen I had overtaken him.	Я настиг его посреди кухни.

With one last touch of humanity I turned the blade back and struck him with the butt.	Поддаваясь последнему порыву человеколюбия, я повернул острие ножа к себе и ударил его рукояткой.
He went headlong forward and lay stretched on the ground.	Он упал ничком на пол.
I stumbled over him and stood panting.	Я, шатаясь, перешагнул через него и остановился, тяжело дыша.
He lay still.	Он лежал не двигаясь.
Suddenly I heard a noise without, the run and smash of slipping plaster, and the triangular aperture in the wall was darkened.	Вдруг я услышал шум снаружи, как будто осыпалась штукатурка, и треугольное отверстие в стене закрылось.

I looked up and saw the lower surface of a handling-machine coming slowly across the hole.	Я взглянул вверх и увидел, что многорукая машина двигается мимо щели.
One of its gripping limbs curled amid the debris; another limb appeared, feeling its way over the fallen beams.	Одно из щупалец извивалось среди обломков. Показалось второе щупальце, заскользившее по рухнувшим балкам.
I stood petrified, staring.	Я замер от ужаса.

Then I saw through a sort of glass plate near the edge of the body the face, as we may call it, and the large dark eyes of a Martian, peering, and then a long metallic snake of tentacle came feeling slowly through the hole.	Потом я увидел нечто вроде прозрачной пластинки, прикрывавшей чудовищное лицо и большие темные глаза марсианина. Металлический спрут извивался, щупальце медленно просовывалось в пролом.
I turned by an effort, stumbled over the curate, and stopped at the scullery door.	Я отскочил, споткнулся о священника и остановился у двери судомойни.
The tentacle was now some way, two yards or more, in the room, and twisting and turning, with queer sudden movements, this way and that.	Щупальце просунулось ярда на два в кухню, извиваясь и поворачиваясь во все стороны.

For a while I stood fascinated by that slow, fitful advance.	Несколько секунд я стоял как зачарованный, глядя на его медленное, толчкообразное приближение.
Then, with a faint, hoarse cry, I forced myself across the scullery.	Потом, тихо вскрикнув от страха, бросился в судомойню.

I trembled violently; I could scarcely stand upright.	Я так дрожал, что едва стоял на ногах.
I opened the door of the coal cellar, and stood there in the darkness staring at the faintly lit doorway into the kitchen, and listening.	Открыв дверь в угольный подвал, я стоял в темноте, глядя через щель в двери и прислушиваясь.
Had the Martian seen me?	Заметил ли меня марсианин?

What was it doing now?	Что он там делает?
Something was moving to and fro there, very quietly; every now and then it tapped against the wall, or started on its movements with a faint metallic ringing, like the movements of keys on a split-ring.	В кухне что-то медленно двигалось, задевало за стены с легким металлическим побрякиванием, точно связка ключей на кольце.
Then a heavy body--I knew too well what--was dragged across the floor of the kitchen towards the opening.	Затем какое-то тяжелое тело - я хорошо знал, какое, - поволоклось по полу кухни к отверстию.
Irresistibly attracted, I crept to the door and peeped into the kitchen.	Я не удержался, подошел к двери и заглянул в кухню.

In the triangle of bright outer sunlight I saw the Martian, in its Briareus of a handling-machine, scrutinizing the curate's head.	В треугольном, освещенном солнцем отверстии я увидел марсианина в многорукой машине, напоминавшего Бриарея, он внимательно разглядывал голову священника.
I thought at once that it would infer my presence from the mark of the blow I had given him.	Я сразу же подумал, что он догадается о моем присутствии по глубокой ране.
I crept back to the coal cellar, shut the door, and began to cover myself up as much as I could, and as noiselessly as possible in the darkness, among the firewood and coal therein.	Я пополз в угольный погреб, затворил дверь и в темноте, стараясь не шуметь, стал зарываться в уголь и наваливать на себя дрова.

Every now and then I paused, rigid, to hear if the Martian had thrust its tentacles through the opening again.	Каждую минуту я застывал и прислушивался, не двигается ли наверху щупальце марсианина.
Then the faint metallic jingle returned.	Вдруг легкое металлическое побрякивание возобновилось.
I traced it slowly feeling over the kitchen.	Щупальце медленно двигалось по кухне.
Presently I heard it nearer--in the scullery, as I judged.	Все ближе и ближе - оно уже в судомойне.
I thought that its length might be insufficient to reach me.	Я надеялся, что оно не достанет до меня.
I prayed copiously.	Я начал горячо молиться.

It passed, scraping faintly across the cellar door.	Щупальце царапнуло по двери погреба.
An age of almost intolerable suspense intervened; then I heard it fumbling at the latch!	Наступила целая вечность почти невыносимого ожидания; я услышал, как стукнула щеколда.
It had found the door!	Он отыскал дверь!
The Martians understood doors!	Марсиане понимают, что такое двери!
It worried at the catch for a minute, perhaps, and then the door opened.	Щупальце провозилось со щеколдой не более одной минуты; потом дверь отворилась.

In the darkness I could just see the thing--like an elephant's trunk more than anything else--waving towards me and touching and examining the wall, coals, wood and ceiling.	В темноте я лишь смутно видел этот гибкий отросток, больше всего напоминавший хобот слона; щупальце приближалось ко мне, трогало и ощупывало стену, куски угля, дрова и потолок.
It was like a black worm swaying its blind head to and fro.	Это был словно темней червь, поворачивавший свою слепую голову.
Once, even, it touched the heel of my boot.	Щупальце коснулось каблука моего ботинка.
I was on the verge of screaming; I bit my hand.	Я чуть но закричал, во сдержался, вцепившись зубами в руку.

For a time the tentacle was silent.	С минуту все было тихо.
I could have fancied it had been withdrawn.	Я уже начал думать, что оно исчезло.
Presently, with an abrupt click, it gripped something--! thought it had me!--and seemed to go out of the cellar again.	Вдруг, неожиданно щелкнув, оно схватило что-то, - мне показалось, что меня! - и как будто стало удаляться из погреба.
For a minute I was not sure.	Но я не был в этом уверен.
Apparently it had taken a lump of coal to examine.	Очевидно, оно захватило кусок угля.

I seized the opportunity of slightly shifting my position, which had become cramped, and then listened.	Воспользовавшись случаем, я расправил онемевшие члены и прислушался.
I whispered passionate prayers for safety.	Я горячо молился про себя о спасении.
Then I heard the slow, deliberate sound creeping towards me again.	Я не знал, дотянется оно до меня или нет.
Slowly, slowly it drew near, scratching against the walls and tapping the furniture.	Вдруг сильным коротким ударом оно захлопнуло дверь погреба.

While I was still doubtful, it rapped smartly against the cellar door and closed it.	Я слышал, как оно зашуршало по кладовой, слышал, как передвигались жестянки с бисквитами, как разбилась бутылка.
I heard it go into the pantry, and the biscuit-tins rattled and a bottle smashed, and then came a heavy bump against the cellar door.	Потом новый удар в дверь погреба.
Then silence that passed into an infinity of suspense.	Потом тишина и бесконечно томительное ожидание.
Had it gone?	Ушло или нет?
At last I decided that it had.	Наконец я решил, что ушло.

It came into the scullery no more; but I lay all the tenth day in the close darkness, buried among coals and firewood, not daring even to crawl out for the drink for which I craved.	Щупальце больше не возвращалось в угольный погреб; но я пролежал весь десятый день в темноте, зарывшись в уголь, не смея выползти даже, чтобы напиться, хотя мне страшно хотелось пить.
It was the eleventh day before I ventured so far from my security. CHAPTER FIVE THE STILLNESS	Только на одиннадцатый день я решился выйти из своего убежища. 5. Тишина
My first act before I went into the pantry was to fasten the door between the kitchen and the scullery.	Прежде чем пойти в кладовую, я запер дверь из кухни в судомойню.

But the pantry was empty; every scrap of food had gone.	Но кладовая была пуста; провизия вся исчезла - до последней крошки.
Apparently, the Martian had taken it all on the previous day.	Очевидно, марсианин все унес.
At that discovery I despaired for the first time.	Впервые за эти десять дней меня охватило отчаяние.
I took no food, or no drink either, on the eleventh or the twelfth day.	Не только в этот день, но и в последующие два дня я не ел ничего.
At first my mouth and throat were parched, and my strength ebbed sensibly.	Рот и горло у меня пересохли, я сильно ослабел.

I sat about in the darkness of the scullery, in a state of despondent wretchedness.	Я сидел в судомойне в темноте, потеряв всякую надежду.
My mind ran on eating. I thought I had become deaf, for the noises of movement I had been accustomed to hear from the pit had ceased absolutely.	Мне мерещились разные кушанья, и казалось, что я оглох, так как звуки, которые я привык слышать со стороны ямы, совершенно прекратились.
I did not feel strong enough to crawl noiselessly to the peephole, or I would have gone there.	У меня даже не хватило сил, чтобы бесшумно подползти к щели в кухне, иначе я бы это сделал.

On the twelfth day my throat was so painful that, taking the chance of alarming the Martians, I attacked the creaking rain-water pump that stood by the sink, and got a couple of glassfuls of blackened and tainted rain water.	На двенадцатый день горло у меня так пересохло, что я, рискуя привлечь внимание марсиан, стал качать скрипучий насос возле раковины и добыл стакана два темной, мутной жидкости.
I was greatly refreshed by this, and emboldened by the fact that no enquiring tentacle followed the noise of my pumping.	Вода освежила меня, и я несколько приободрился, видя, что на шум от насоса не явилось ни одно щупальце.
During these days, in a rambling, inconclusive way, I thought much of the curate and of the manner of his death.	В течение этих дней я много размышлял о священнике и его гибели, но мысли мои путались и разбегались.

On the thirteenth day I drank some more water, and dozed and thought disjointedly of eating and of vague impossible plans of escape.	На тринадцатый день я выпил еще немного воды и в полудреме думал о еде и строил фантастические, невыполнимые планы побега.
Whenever I dozed I dreamt of horrible phantasms, of the death of the curate, or of sumptuous dinners; but, asleep or awake, I felt a keen pain that urged me to drink again and again.	Как только я начинал дремать, меня мучили кошмары: то смерть священника, то роскошные пиры. Но и во сне и наяву я чувствовал такую мучительную боль в горле, что, просыпаясь, пил и пил без конца.
The light that came into the scullery was no longer grey, but red.	Свет, проникавший в судомойню, был теперь не сероватый, а красноватый.

To my disordered imagination it seemed the colour of blood.	Нервы у меня были так расстроены, что этот свет казался мне кровавым.
On the fourteenth day I went into the kitchen, and I was surprised to find that the fronds of the red weed had grown right across the hole in the wall, turning the half-light of the place into a crimson-coloured obscurity.	На четырнадцатый день я отправился в кухню и очень удивился, увидев, что трещина в стене заросла красной травой и полумрак приобрел красноватый оттенок.

It was early on the fifteenth day that I heard a curious, familiar sequence of sounds in the kitchen, and, listening, identified it as the snuffing and scratching of a dog.	Рано утром на пятнадцатый день я услышал в кухне какие-то странные, очень знакомые звуки. Прислушавшись, я решил, что это, должно быть, повизгивание и царапанье собаки.
Going into the kitchen, I saw a dog's nose peering in through a break among the ruddy fronds.	Войдя в кухню, я увидел собачью морду, просунувшуюся в щель сквозь заросли красной травы.
This greatly surprised me.	Я очень удивился.
At the scent of me he barked shortly.	Почуяв меня, собака отрывисто залаяла.

I thought if I could induce him to come into the place quietly I should be able, perhaps, to kill and eat him; and in any case, it would be advisable to kill him, lest his actions attracted the attention of the Martians.	Я подумал, что, если удастся заманить ее в кухню без шума, я смогу убить ее и съесть; во всяком случае, лучше ее убить, не то она может привлечь внимание марсиан.
I crept forward, saying "Good dog!" very softly; but he suddenly withdrew his head and disappeared.	Я пополз к ней и ласково поманил шепотом: - Песик! Песик! Но собака скрылась.
I listened--I was not deaf--but certainly the pit was still.	Я прислушался - нет, я не оглох: в яме в самом деле тихо.

I heard a sound like the flutter of a bird's wings, and a hoarse croaking, but that was all.	Я различал только какой-то звук, похожий на хлопанье птичьих крыльев, да еще резкое карканье - и больше ничего.
For a long while I lay close to the peephole, but not daring to move aside the red plants that obscured it.	Долго лежал я у щели, не решаясь раздвинуть красную поросль.
Once or twice I heard a faint pitter-patter like the feet of the dog going hither and thither on the sand far below me, and there were more birdlike sounds, but that was all.	Раз или два я слышал легкий шорох - как будто собака бегала где-то внизу по песку. Слышал, как мне казалось, шуршание крыльев, и только.

At length, encouraged by the silence, I looked out.	Наконец, осмелев, я выглянул наружу.
Except in the corner, where a multitude of crows hopped and fought over the skeletons of the dead the Martians had consumed, there was not a living thing in the pit.	В яме никого. Только в одном углу стая ворон дралась над останками мертвецов, высосанных марсианами.
I stared about me, scarcely believing my eyes.	Я смотрел, не веря своим глазам.
All the machinery had gone.	Ни одной машины.

Save for the big mound of greyish-blue powder in one corner, certain bars of aluminium in another, the black birds, and the skeletons of the killed, the place was merely an empty circular pit in the sand.	Яма опустела; в одном углу - груда серовато-го- лубой пыли, в другом - несколько алюмини- евых полос да черные птицы над человечески- ми останками.
Slowly I thrust myself out through the red weed, and stood upon the mound of rubble.	Медленно пролез я сквозь красную поросль и встал на кучу щебня.

I could see in any direction save behind me, to the north, and neither Martians nor sign of Martians were to be seen.	Передо мной было открытое пространство, только сзади, на севере, горизонт был закрыт разрушенным домом, - и нигде я не заметил никаких признаков марсиан.
The pit dropped sheerly from my feet, but a little way along the rubbish afforded a practicable slope to the summit of the ruins.	Яма начиналась как раз у моих ног, но по щебню можно было взобраться на груду обломков.

My chance of escape had come.	Значит, я спасен!
I began to tremble.	Я весь затрепетал.

I hesitated for some time, and then, in a gust of desperate resolution, and with a heart that throbbed violently, I scrambled to the top of the mound in which I had been buried so long.	Несколько минут я стоял в нерешительности, потом в порыве отчаянной смелости, с бьющимся сердцем вскарабкался на вершину развалин, под которыми я был так долго заживо погребен.
I looked about again.	Я осмотрелся еще раз.
To the northward, too, no Martian was visible.	И к северу тоже ни одного марсианина.

When I had last seen this part of Sheen in the daylight it had been a straggling street of comfortable white and red houses, interspersed with abundant shady trees.	Когда в последний раз я видел эту часть Шина при дневном свете, здесь тянулась извилистая улица - нарядные белые и красные домики, окруженные тенистыми деревьями.
Now I stood on a mound of smashed brickwork, clay, and gravel, over which spread a multitude of red cactus-shaped plants, knee-high, without a solitary terrestrial growth to dispute their footing.	Теперь я стоял на груде мусора, кирпичей, глины и песка, густо поросшей какими-то похожими на кактус, по колено высотой, красными растениями, заглушившими всю земную растительность.

The trees near me were dead and brown, but further a network of red thread scaled the still living stems.	Деревья кругом стояли оголенные, черные; по еще живым стволам взбирались красные побеги.
The neighbouring houses had all been wrecked, but none had been burned; their walls stood, sometimes to the second story, with smashed windows and shattered doors.	Окрестные дома все были разрушены, но ни один не сгорел; стены уцелели до второго этажа, но все окна были разбиты, двери сорваны.
The red weed grew tumultuously in their roofless rooms.	Красная трава буйно росла даже в комнатах.
Below me was the great pit, with the crows struggling for its refuse.	Подо мной в яме вороны дрались из-за падали.

A number of other birds hopped about among the ruins.	Множество птиц порхало по развалинам.
Far away I saw a gaunt cat slink crouchingly along a wall, but traces of men there were none.	По стене одного дома осторожно спускалась тощая кошка; но признаков людей я не видел нигде.
The day seemed, by contrast with my recent confinement, dazzlingly bright, the sky a glowing blue.	День показался мне после моего заточения ослепительным, небо - ярко-голубым.
A gentle breeze kept the red weed that covered every scrap of unoccupied ground gently swaying.	Легкий ветерок слегка шевелил красную траву, разросшуюся повсюду, как бурьян.

And oh! the sweetness of the air! CHAPTER SIX THE WORK OF FIFTEEN DAYS	О, каким сладостным показался мне воздух! 6. Что сделали марсиане за две недели
For some time I stood tottering on the mound regardless of my safety.	Несколько минут я стоял, пошатываясь, на груде мусора и обломков, совершенно забыв про опасность.
Within that noisome den from which I had emerged I had thought with a narrow intensity only of our immediate security.	В той зловонной берлоге, откуда я только что вылез, я все время думал лишь об угрожавшей мне опасности.

I had not realised what had been happening to the world, had not anticipated this startling vision of unfamiliar things.	Я не знал, что произошло за эти дни, не ожидал такого поразительного зрелища.
I had expected to see Sheen in ruins--I found about me the landscape, weird and lurid, of another planet.	Я думал увидеть Шин в развалинах - передо мной расстилался странный и зловещий ландшафт, словно на другой планете.
For that moment I touched an emotion beyond the common range of men, yet one that the poor brutes we dominate know only too well.	В эту минуту я испытал чувство, чуждое людям, но хорошо знакомое подвластным нам животным.

I felt as a rabbit might feel returning to his burrow and suddenly confronted by the work of a dozen busy navvies digging the foundations of a house.	Я испытал то, что чувствует кролик, возвратившийся к своей норке и вдруг обнаруживший, что землекопы срыли до основания его жилище.
I felt the first inkling of a thing that presently grew quite clear in my mind, that oppressed me for many days, a sense of dethronement, a persuasion that I was no longer a master, but an animal among the animals, under the Martian heel.	Тогда я впервые смутно ощутил то, что потом стало мне вполне ясно, что угнетало меня уже много дней, - чувство развенчанности, убеждение, что я уже не царь Земли, а животное среди других тварей под пятой марсиан.

With us it would be as with them, to lurk and watch, to run and hide; the fear and empire of man had passed away.	С нами будет то же, что и с другими животными, -нас будут выслеживать, травить, а мы будем убегать и прятаться: царство человека кончилось.
But so soon as this strangeness had been realised it passed, and my dominant motive became the hunger of my long and dismal fast.	Эта мысль промелькнула и исчезла, и мной всецело овладело чувство голода: ведь я уже столько времени не ел!
In the direction away from the pit I saw, beyond a red-covered wall, a patch of garden ground unburied.	Невдалеке от ямы, за оградой, заросшей красной травой, я заметил уцелевший клочок сада.

This gave me a hint, and I went knee-deep, and sometimes neck-deep, in the red weed. The density of the weed gave me a reassuring sense of hiding.	Это внушило мне некоторую надежду, и я стал пробираться, увязая по колено, а то и по шею в красной траве и чувствуя себя в безопасности под ее прикрытием.
The wall was some six feet high, and when I attempted to clamber it I found I could not lift my feet to the crest.	Стена сада была около шести футов высоты, и когда я попробовал вскарабкаться на нее, оказалось, что я не в силах занести ногу.
So I went along by the side of it, and came to a corner and a rockwork that enabled me to get to the top, and tumble into the garden I coveted.	Я прошел дальше вдоль стены до угла, где увидел искусственный холм, взобрался на него и спрыгнул в сад.

Here I found some young onions, a couple of gladiolus bulbs, and a quantity of immature carrots, all of which I secured, and, scrambling over a ruined wall, went on my way through scarlet and crimson trees towards Kew--it was like walking through an avenue of gigantic blood drops--possessed with two ideas: to get more food, and to limp, as soon and as far as my strength permitted, out of this accursed unearthly region of the pit.	Тут я нашел несколько луковиц шпажника и много мелкой моркови. Собрав все это, я перелез через разрушенную стену и направился к Кью между деревьями, обвитыми багряной и карминовой порослью; это походило на прогулку среди кровавых сталактитов. Мной владела лишь одна мысль: набрать побольше съестного и бежать, уйти как можно скорей из этой проклятой, непохожей на земную местности!

Some way farther, in a grassy place, was a group of mushrooms which also I devoured, and then I came upon a brown sheet of flowing shallow water, where meadows used to be.	Несколько дальше я нашел в траве кучку грибов и съел их, затем наткнулся на темную полосу проточной воды - там, где раньше были луга.

These fragments of nourishment served only to whet my hunger.	Жалкая пища только обострила мой голод.
At first I was surprised at this flood in a hot, dry summer, but afterwards I discovered that it was caused by the tropical exuberance of the red weed.	Сначала я недоумевал, откуда взялась эта влага в разгаре жаркого, сухого лета, но потом догадался, что ее вызвало тропически-буйное произрастание красной травы.

Directly this extraordinary growth encountered water it straightway became gigantic and of unparalleled fecundity.	Как только это необыкновенное растение встречало воду, оно очень быстро достигало гигантских размеров и необычайно разрасталось.
Its seeds were simply poured down into the water of the Wey and Thames, and its swiftly growing and Titanic water fronds speedily choked both those rivers.	Его семена попали в воду Уэй и Темзы, и бурно растущие побеги скоро покрыли обе реки.

At Putney, as I afterwards saw, the bridge was almost lost in a tangle of this weed, and at Richmond, too, the Thames water poured in a broad and shallow stream across the meadows of Hampton and Twickenham.	В Путни, как я после увидел, мост был почти скрыт зарослями травы; у Ричмонда воды Темзы разлились широким, но неглубоким потоком по лугам Хэмптона и Туикенхема.

As the water spread the weed followed them, until the ruined villas of the Thames valley were for a time lost in this red swamp, whose margin I explored, and much of the desolation the Martians had caused was concealed.	Красная трава шла вслед за разливом, и скоро все разрушенные виллы в долине Темзы исчезли в алой трясине, на окраине которой я находился; красная трава скрыла следы опустошения, произведенного марсианами.
In the end the red weed succumbed almost as quickly as it had spread.	Впоследствии эта красная трава исчезла так же быстро, как и выросла.
A cankering disease, due, it is believed, to the action of certain bacteria, presently seized upon it.	Ее погубила болезнь, вызванная, очевидно, какими-то бактериями.

Now by the action of natural selection, all terrestrial plants have acquired a resisting power against bacterial diseases--they never succumb without a severe struggle, but the red weed rotted like a thing already dead.	Дело в том, что благодаря естественному отбору все земные растения выработали в себе способность сопротивляться бактериальным заражениям, они никогда не погибают без упорной борьбы; но красная трава засыхала на корню.
The fronds became bleached, and then shrivelled and brittle.	Листья ее белели, сморщивались и становились хрупкими.
They broke off at the least touch, and the waters that had stimulated their early growth carried their last vestiges out to sea.	Они отваливались при малейшем прикосновении, и вода, сначала помогавшая росту красной травы, тогда уносила последние ее остатки в море.

My first act on coming to this water was, of course, to slake my thirst.	Подойдя к воде, я, конечно, первым делом утолил жажду.
I drank a great deal of it and, moved by an impulse, gnawed some fronds of red weed; but they were watery, and had a sickly, metallic taste.	Я выпил очень много и, побуждаемый голодом, стал жевать листья красной травы, но они оказались водянистыми, и у них был противный металлический привкус.

I found the water was sufficiently shallow for me to wade securely, although the red weed impeded my feet a little; but the flood evidently got deeper towards the river, and I turned back to Mortlake.	Я обнаружил, что тут неглубоко, и смело пошел вброд, хотя красная трава и оплетала мне ноги. Но по мере приближения к реке становилось все глубже, и я повернул обратно по направлению к Мортлейку.

I managed to make out the road by means of occasional ruins of its villas and fences and lamps, and so presently I got out of this spate and made my way to the hill going up towards Roehampton and came out on Putney Common.	Я старался держаться дороги, ориентируясь по развалинам придорожных вилл, по заборам и фонарям, и наконец добрался до возвышенности, на которой стоит Рохэмптон, - я находился уже в окрестностях Путни.

Here the scenery changed from the strange and unfamiliar to the wreckage of the familiar: patches of ground exhibited the devastation of a cyclone, and in a few score yards I would come upon perfectly undisturbed spaces, houses with their blinds trimly drawn and doors closed, as if they had been left for a day by the owners, or as if their inhabitants slept within.	Здесь ландшафт изменился и потерял свою необычность: повсюду виднелись следы разрушения. Порою местность была так опустошена, как будто здесь пронесся циклон, а через несколько десятков ярдов попадались совершенно нетронутые участки, дома с аккуратно спущенными жалюзи и запертыми дверями, - казалось, они были покинуты их обитателями на день, на два или там просто мирно спали.

The red weed was less abundant; the tall trees along the lane were free from the red creeper.	Красная трава росла уже не так густо, высокие деревья вдоль дороги были свободны от ползучих красных побегов.
I hunted for food among the trees, finding nothing, and I also raided a couple of silent houses, but they had already been broken into and ransacked.	Я искал чего-нибудь съедобного под деревьями, но ничего не нашел; я заходил в два безлюдных дома, но в них, очевидно, уже побывали другие, и они были разграблены.
I rested for the remainder of the daylight in a shrubbery, being, in my enfeebled condition, too fatigued to push on.	Остаток дня я пролежал в кустарнике; я совершенно выбился из сил и не мог идти дальше.

All this time I saw no human beings, and no signs of the Martians.	За все это время я не встретил ни одного человека и не заметил нигде марсиан.
I encountered a couple of hungry-looking dogs, but both hurried circuitously away from the advances I made them.	Мне попались навстречу две отощавшие собаки, но обе убежали от меня, хотя я и подзывал их.
Near Roehampton I had seen two human skeletons--not bodies, but skeletons, picked clean--and in the wood by me I found the crushed and scattered bones of several cats and rabbits and the skull of a sheep.	Близ Рохэмптона я наткнулся на два человеческих скелета - не трупа, а скелета, - они были начисто обглоданы; в лесу я нашел разбросанные кости кошек и кроликов и череп овцы.

But though I gnawed parts of these in my mouth, there was nothing to be got from them.	Но на костях не осталось ни клочка мяса, напрасно я их глодал.
After sunset I struggled on along the road towards Putney, where I think the Heat-Ray must have been used for some reason.	Солнце зашло, а я все брел по дороге к Путни; здесь марсиане, очевидно, по каким-то соображениям, действовали тепловым лучом.
And in the garden beyond Roehampton I got a quantity of immature potatoes, sufficient to stay my hunger.	В огороде за Рохэмптоном я нарыл молодого картофеля и утолил голод.

From this garden one looked down upon Putney and the river.	Оттуда открывался вид на Путни и реку.

The aspect of the place in the dusk was singularly desolate: blackened trees, blackened, desolate ruins, and down the hill the sheets of the flooded river, red-tinged with the weed.	Мрачный и пустынный вид: почерневшие деревья, черные заброшенные развалины у подножия холма, заросшие красной травой болота в долине разлившейся реки и гнетущая тишина.
And over all--silence. It filled me with indescribable terror to think how swiftly that desolating change had come.	Меня охватил ужас при мысли о том, как быстро произошла эта перемена.
For a time I believed that mankind had been swept out of existence, and that I stood there alone, the last man left alive.	Я невольно подумал, что все человечество уничтожено, сметено с лица земли и что я стою здесь один, последний оставшийся в живых человек.

Hard by the top of Putney Hill I came upon another skeleton, with the arms dislocated and removed several yards from the rest of the body.	У самой вершины Путни-Хилла я нашел еще один скелет; руки его были оторваны и лежали в нескольких ярдах от позвоночника.
As I proceeded I became more and more convinced that the extermination of mankind was, save for such stragglers as myself, already accomplished in this part of the world.	Продвигаясь дальше, я мало-помалу приходил к убеждению, что все люди в этой местности уничтожены, за исключением немногих беглецов вроде меня.

The Martians, I thought, had gone on and left the country desolated, seeking food elsewhere.	Марсиане, очевидно, ушли дальше в поисках пищи, бросив опустошенную страну.
Perhaps even now they were destroying Berlin or Paris, or it might be they had gone northward. CHAPTER SEVEN THE MAN ON PUTNEY HILL	Может быть, сейчас они разрушают Берлин или Париж, если только не двинулись на север... 7. Человек на вершине Путни-Хилла
I spent that night in the inn that stands at the top of Putney Hill, sleeping in a made bed for the first time since my flight to Leatherhead.	Я провел эту ночь в гостинице на вершине Путни-Хилла и спал в постели первый раз со времени моего бегства в Лезерхэд.

I will not tell the needless trouble I had breaking into that house--afterwards I found the front door was on the latch--nor how I ransacked every room for food, until just on the verge of despair, in what seemed to me to be a servant's bedroom, I found a rat-gnawed crust and two tins of pineapple.	Не стоит рассказывать, как я напрасно ломился в дом, а потом обнаружил, что входная дверь закрыта снаружи на щеколду; как я, отчаявшись, обнаружил в какой-то каморке, кажется, комнате прислуги, черствую корку, обгрызенную крысами, и две банки консервированных ананасов.
The place had been already searched and emptied.	Кто-то уже обыскал дом и опустошил его.
In the bar I afterwards found some biscuits and sandwiches that had been overlooked.	Позднее я нашел в буфете несколько сухарей и сандвичей, очевидно, не замеченных моими предшественниками.

The latter I could not eat, they were too rotten, but the former not only stayed my hunger, but filled my pockets.	Сандвичи были несъедобны, сухарями же я не только утолил голод, но и набил карманы.
I lit no lamps, fearing some Martian might come beating that part of London for food in the night.	Я не зажигал лампы, опасаясь, что какой-нибудь марсианин в поисках еды заглянет в эту часть Лондонского графства.
Before I went to bed I had an interval of restlessness, and prowled from window to window, peering out for some sign of these monsters.	Прежде чем улечься, я долго с тревогой переходил от окна к окну и высматривал, нет ли где-нибудь этих чудовищ.

I slept little.	Спал я плохо.

As I lay in bed I found myself thinking consecutively--a thing I do not remember to have done since my last argument with the curate.	Лежа в постели, я заметил, что размышляю логично, чего не было со времени моей стычки со священником.
During all the intervening time my mental condition had been a hurrying succession of vague emotional states or a sort of stupid receptivity.	Все последние дни я или был нервно возбужден, или находился в состоянии тупого безразличия.
But in the night my brain, reinforced, I suppose, by the food I had eaten, grew clear again, and I thought.	Но в эту ночь мой мозг, очевидно, подкрепленный питанием, прояснился, и я снова стал логически мыслить.

Three things struggled for possession of my mind: the killing of the curate, the whereabouts of the Martians, and the possible fate of my wife.	Меня занимали три обстоятельства: убийство священника, местопребывание марсиан и участь моей жены.
The former gave me no sensation of horror or remorse to recall; I saw it simply as a thing done, a memory infinitely disagreeable but quite without the quality of remorse.	О первом я вспоминал без всякого чувства ужаса или угрызений совести, я смотрел на это как на совершившийся факт, о котором неприятно вспоминать, но раскаяния не испытывал.
I saw myself then as I see myself now, driven step by step towards that hasty blow, the creature of a sequence of accidents leading inevitably to that.	Тогда, как и теперь, я считаю, что шаг за шагом я был подведен к этой вспышке, я стал жертвой неотвратимых обстоятельств.

I felt no condemnation; yet the memory, static, unprogressive, haunted me.	Я не чувствовал себя виновным, но воспоминание об этом убийстве преследовало меня.
In the silence of the night, with that sense of the nearness of God that sometimes comes into the stillness and the darkness, I stood my trial, my only trial, for that moment of wrath and fear.	В ночной тишине и во мраке, когда ощущаешь близость божества, я вершил суд над самим собой; впервые мне приходилось быть в роли обвиняемого в поступке, совершенном под влиянием гнева и страха.
I retraced every step of our conversation from the moment when I had found him crouching beside me, heedless of my thirst, and pointing to the fire and smoke that streamed up from the ruins of Weybridge.	Я припоминал все наши разговоры с минуты нашей первой встречи, когда он, сидя возле меня и не обращая вниманий на мою жажду, указывал на огонь и дым среди развалин Уэйбриджа.

We had been incapable of co-operation--grim chance had taken no heed of that.	Мы были слишком различны, чтобы действовать сообща, но слепой случай свел нас.
Had I foreseen, I should have left him at Halliford.	Если бы я мог предвидеть дальнейшие события, то оставил бы его в Голлифорде.
But I did not foresee; and crime is to foresee and do.	Но я ничего не предвидел, а совершить преступление значит предвидеть и действовать.
And I set this down as I have set all this story down, as it was.	Я рассказал все, как есть.
There were no witnesses--all these things I might have concealed.	Свидетелей нет - я мог бы утаить свое преступление.

But I set it down, and the reader must form his judgment as he will.	Но я рассказал обо всем, пусть читатель судит меня.
And when, by an effort, I had set aside that picture of a prostrate body, I faced the problem of the Martians and the fate of my wife.	Когда я наконец усилием воли заставил себя не думать о совершенном мною убийстве, я стал размышлять о марсианах и о моей жене.

For the former I had no data; I could imagine a hundred things, and so, unhappily, I could for the latter.	Что касается первых, то у меня не было данных для каких-либо заключений, я мог предполагать что угодно. Со вторым пунктом дело обстояло ничуть не лучше.
And suddenly that night became terrible.	Ночь превратилась в кошмар.

I found myself sitting up in bed, staring at the dark.	Я сидел на постели, всматриваясь в темноту.
I found myself praying that the Heat-Ray might have suddenly and painlessly struck her out of being.	Я молил о том, чтобы тепловой луч внезапно и без мучений оборвал ее существование.
Since the night of my return from Leatherhead I had not prayed.	Я еще ни разу не молился после той ночи, когда возвращался из Лезерхэда.
I had uttered prayers, fetish prayers, had prayed as heathens mutter charms when I was in extremity; but now I prayed indeed, pleading steadfastly and sanely, face to face with the darkness of God.	Правда, находясь на волосок от смерти, я бормотал молитвы, но механически, так же, как язычник бормочет свои заклинания. Но теперь я молился по-настоящему, всем своим разумом и волей, перед лицом мрака, скрывавшего божество.

Strange night!	Странная ночь!
Strangest in this, that so soon as dawn had come, I, who had talked with God, crept out of the house like a rat leaving its hiding place- -a creature scarcely larger, an inferior animal, a thing that for any passing whim of our masters might be hunted and killed.	Она показалась мне еще более странной, когда на рассвете я, недавно беседовавший с богом, крадучись выбирался из дому, точно крыса из своего укрытия, - правда, покрупнее, чем крыса, но тем не менее я был низшим животным, которое могут из чистой прихоти поймать и убить.
Perhaps they also prayed confidently to God.	Быть может, и животные по-своему молятся богу.

Surely, if we have learned nothing else, this war has taught us pity—pity for those witless souls that suffer our dominion.	Эта война, по крайней мере, научила нас жалости к тем лишенным разума существам, которые находятся в нашей власти.
The morning was bright and fine, and the eastern sky glowed pink, and was fretted with little golden clouds.	Утро было ясное и теплое. На востоке небо розовело и клубились золотые облачка.

In the road that runs from the top of Putney Hill to Wimbledon was a number of poor vestiges of the panic torrent that must have poured Londonward on the Sunday night after the fighting began. There was a little two-wheeled cart inscribed with the name of Thomas Lobb, Greengrocer, New Malden, with a smashed wheel and an abandoned tin trunk; there was a straw hat trampled into the now hardened mud, and at the top of West Hill a lot of blood-stained glass about the overturned water trough.	По дороге с вершины Путни-Хилла к Уимблдону виднелись следы того панического потока, который устремился отсюда к Лондону в ночь на понедельник, когда началось сражение с марсианами: двухколесная ручная тележка с надписью "Томас Лобб, зеленщик, Нью-Молден", со сломанным колосом и разбитым жестяным ящиком, чья-то соломенная шляпа, втоптанная в затвердевшую теперь грязь, а на вершине Уэст-Хилла - осколки разбитое стекла с пятнами крови у опрокинутой колоды для водопоя.

My movements were languid, my plans of the vaguest.	Я шел медленно, не зная, что предпринять.
I had an idea of going to Leatherhead, though I knew that there I had the poorest chance of finding my wife.	Я хотел пробраться в Лезерхэд, хотя и знал, что меньше всего надежды было отыскать жену там.

Certainly, unless death had overtaken them suddenly, my cousins and she would have fled thence; but it seemed to me I might find or learn there whither the Surrey people had fled.	Без сомнения, если только смерть внезапно не настигла ее родных; они бежали оттуда вместе с ней; но мне казалось, что там я мог бы разузнать, куда бежали жители Сэррея.

I knew I wanted to find my wife, that my heart ached for her and the world of men, but I had no clear idea how the finding might be done.	Я хотел найти жену, но не знал, как ее найти, я тосковал по ней, я тосковал по всему человечеству.
I was also sharply aware now of my intense loneliness.	Я остро чувствовал свое одиночество.
From the corner I went, under cover of a thicket of trees and bushes, to the edge of Wimbledon Common, stretching wide and far.	Свернув на перекрестке, я направился к обширной Уимблдонской равнине.

That dark expanse was lit in patches by yellow gorse and broom; there was no red weed to be seen, and as I prowled, hesitating, on the verge of the open, the sun rose, flooding it all with light and vitality.	На темной почве выделялись желтые пятна дрока и ракитника; красной травы не было видно.
I came upon a busy swarm of little frogs in a swampy place among the trees.	Я осторожна пробирался по краю открытого пространства.
I stopped to look at them, drawing a lesson from their stout resolve to live.	Между тем взошло солнце, заливая все кругом своим живительным светом.

And presently, turning suddenly, with an odd feeling of being watched, I beheld something crouching amid a clump of bushes.	Я увидел в луже под деревьями выводок головастиков и остановился.
I stood regarding this.	Я смотрел на них, учась у них жизненному упорству.
I made a step towards it, and it rose up and became a man armed with a cutlass.	Вдруг я круто повернулся - я почувствовал, что за мной наблюдают, и, вглядевшись, заметил, что кто-то прячется в кустах. Постояв, я сделал шаг к кустам; оттуда высунулся человек, вооруженный тесаком.
I approached him slowly.	Я медленно приблизился к нему.

He stood silent and motionless, regarding me.	Он стоял молча, не шевелясь, и смотрел на меня.
As I drew nearer I perceived he was dressed in clothes as dusty and filthy as my own; he looked, indeed, as though he had been dragged through a culvert.	Подойдя еще ближе, я разглядел, что он весь в пыли и в грязи, совсем как я, - можно было подумать, что его протащили по канализационной трубе.
Nearer, I distinguished the green slime of ditches mixing with the pale drab of dried clay and shiny, coaly patches.	Подойдя еще ближе, я увидел, что одежда на нем вся в зеленых пятнах ила, в коричневых лепешках засохшей глины и в саже.

His black hair fell over his eyes, and his face was dark and dirty and sunken, so that at first I did not recognise him.	Черные волосы падали ему на глаза, лицо было грязное и осунувшееся, так что в первую минуту я не узнал его.
There was a red cut across the lower part of his face.	На его подбородке алел незаживший рубец.
"Stop!" he cried, when I was within ten yards of him, and I stopped.	- Стой! - закричал он, когда я подошел к нему на расстояние десяти ярдов. Я остановился.

His voice was hoarse. "Where do you come from?" he said.	Голос у него был хриплый. - Откуда вы идете? -спросил он.
I thought, surveying him.	Я настороженно наблюдал за ним.

"I come from Mortlake," I said. "I was buried near the pit the Martians made about their cylinder. I have worked my way out and escaped."	- Я иду из Мортлейка, - ответил я. - Меня засыпало возле ямы, которую марсиане вырыли около своего цилиндра... Я выбрался оттуда и спасся.
"There is no food about here," he said. "This is my country.	- Тут нет никакой еды, - заявил он. - Это моя земля.
All this hill down to the river, and back to Clapham, and up to the edge of the common.	Весь этот холм до реки и в ту сторону до Клэпхема и до выгона.
There is only food for one.	Еды тут найдется только на одного.
Which way are you going?"	Куда вы идете?
I answered slowly.	Я ответил не сразу.

"I don't know," I said. "I have been buried in the ruins of a house thirteen or fourteen days.	- Не знаю, - сказал я. - Я просидел в развалинах тринадцать или четырнадцать дней.
I don't know what has happened."	Я не знаю, что случилось за это время.
He looked at me doubtfully, then started, and looked with a changed expression.	Он посмотрел на меня недоверчиво, потом выражение его лица изменялось.
"I've no wish to stop about here," said I. "I think I shall go to Leatherhead, for my wife was there."	- Я не собираюсь здесь оставаться, - сказал я, - и думаю пойти в Лезерхэд: там я оставил жену.
He shot out a pointing finger.	Он ткнул в меня пальцем.

"It is you," said he; "the man from Woking.	-Так это вы, - спросил он, - человек из Уокинга?
And you weren't killed at Weybridge?"	Так вас не убило под Уэйбриджем?
I recognised him at the same moment.	В ту же минуту и я узнал его.
"You are the artilleryman who came into my garden."	- Вы тот самый артиллерист, который зашел ко мне в сад?
"Good luck!" he said. "We are lucky ones!	- Поздравляю! - сказал он. - Нам обоим повезло.
Fancy you!"	Подумать только, что это вы!
He put out a hand, and I took it.	Он протянул мне руку, я пожал ее.

"I crawled up a drain," he said. "But they didn't kill everyone.	- Я прополз по сточной трубе, - продолжал он. - Они не всех перебили.
And after they went away I got off towards Walton across the fields.	Когда они ушли, я полями пробрался к Уолтону.
But— It's not sixteen days altogether--and your hair is grey." He looked over his shoulder suddenly. "Only a rook," he said. "One gets to know that birds have shadows these days.	Но послушайте... Не прошло и шестнадцати дней, а вы совсем седой. - Вдруг он оглянулся через плечо. - Это грач, - сказал он. - Теперь замечаешь даже тень от птичьего крыла.
This is a bit open.	Здесь уж больно открытое место.
Let us crawl under those bushes and talk."	Заберемтесь-ка в кусты и потолкуем.

"Have you seen any Martians?" I said. "Since I crawled out—"	- Видели вы марсиан? - спросил я. - С тех пор как я выбрался...
"They've gone away across London," he said. "I guess they've got a bigger camp there.	- Они ушли к Лондону, - перебил он. - Мне думается, они там устроили большой лагерь.
Of a night, all over there, Hampstead way, the sky is alive with their lights.	Ночью в стороне Хэмпстеда все небо светится.
It's like a great city, and in the glare you can just see them moving.	Точно над большим городом. И видно, как движутся их тени.
By daylight you can't.	А днем их не видать.

But nearer--I haven't seen them--" (he counted on his fingers) "five days. Then I saw a couple across Hammersmith way carrying something big.	Ближе не показывались... - Он сосчитал по пальцам. - Вот уже пять дней... Тогда двое из них тащили что-то большое к Хаммерсмиту.
And the night before last"--he stopped and spoke impressively--"it was just a matter of lights, but it was something up in the air.	А позапрошлую ночь... - Он остановился и многозначительно добавил: - ...появились какие-то огни и в воздухе что-то носилось.
I believe they've built a flying-machine, and are learning to fly."	Я думаю, они построили летательную машину и пробуют летать.
I stopped, on hands and knees, for we had come to the bushes.	Я застыл на четвереньках, - мы уже подползали к кустам.

"Fly!"	- Летать?!
"Yes," he said, "fly."	- Да, - повторил он, - летать.
I went on into a little bower, and sat down.	Я залез поглубже в кусты и уселся на землю.
"It is all over with humanity," I said. "If they can do that they will simply go round the world."	-Значит, с человечеством будет покончено...-сказал я. - Если это им удастся, они попросту облетят вокруг света...
He nodded.	Он кивнул.
"They will.	- Они облетят.
But— It will relieve things over here a bit.	Но... Тогда здесь станет чуточку легче.
And besides—" He looked at me. "Aren't you satisfied it is up with humanity?	Да, впрочем... - Он посмотрел на меня. - Разве вам не ясно, что с человечеством уже покончено?

I am.	Я в этом убежден.
We're down; we're beat."	Мы уничтожены... Разбиты...
I stared.	Я взглянул на него.
Strange as it may seem, I had not arrived at this fact--a fact perfectly obvious so soon as he spoke.	Как это ни странно, эта мысль, такая очевидная, не приходила мне в голову.
I had still held a vague hope; rather, I had kept a lifelong habit of mind.	Я все еще смутно на что-то надеялся, - должно быть, по привычке.
He repeated his words,	Он решительно повторил:
"We're beat."	- Разбиты!

They carried absolute conviction. "It's all over," he said. "They've lost one--just one.	- Все кончено, - сказал он. - Они потеряли одного, только одного.

And they've made their footing good and crippled the greatest power in the world.	Они здорово укрепились и разбили величайшую державу в мире.
They've walked over us.	Они растоптали нас.
The death of that one at Weybridge was an accident.	Гибель марсианина под Уэйбриджем была случайностью.
And these are only pioneers.	И эти марсиане только пионеры.
They kept on coming.	Они продолжают прибывать.

These green stars--I've seen none these five or six days, but I've no doubt they're falling somewhere every night.	Эти зеленые звезды, я не видал их уже пять или шесть дней, но уверен, что они каждую ночь где-нибудь да падают.
Nothing's to be done.	Что делать?
We're under!	Мы покорены.
We're beat!"	Мы разбиты.
I made him no answer.	Я ничего не ответил.
I sat staring before me, trying in vain to devise some countervailing thought.	Я сидел, молча глядя перед собой, тщетно стараясь найти какие-нибудь возражения.
"This isn't a war," said the artilleryman. "It never was a war, any more than there's war between man and ants."	- Это даже не война, - продолжал артиллерист. -Разве может быть война между людьми и муравьями?

Suddenly I recalled the night in the observatory.	Мне вдруг вспомнилась ночь в обсерватории.
"After the tenth shot they fired no more--at least, until the first cylinder came."	- После десятого выстрела они больше не стреляли с Марса, по крайней мере, до прибытия первого цилиндра.
"How do you know?" said the artilleryman.	- Откуда вы это знаете? - спросил артиллерист.
I explained.	Я объяснил.
He thought.	Он задумался.
"Something wrong with the gun," he said. "But what if there is?	- Что-нибудь случилось у них с пушкой, - сказал он. - Да только что из того?
They'll get it right again.	Они снова ее наладят.

And even if there's a delay, how can it alter the end?	Пусть даже будет небольшая отсрочка, разве это что-нибудь изменит?
It's just men and ants.	Люди - и муравьи.
There's the ants builds their cities, live their lives, have wars, revolutions, until the men want them out of the way, and then they go out of the way.	Муравьи строят город, живут своей жизнью, ведут войны, совершают революции, пока они не мешают людям; если же они мешают, то их просто убирают.
That's what we are now--just ants.	Мы стали теперь муравьями.
Only—"	Только...
"Yes," I said.	- Что? - спросил я.
"We're eatable ants."	- Мы съедобные муравьи.

We sat looking at each other.	Мы молча переглянулись.
"And what will they do with us?" I said.	- А что они с нами сделают? - спросил я.
"That's what I've been thinking," he said; "that's what I've been thinking.	- Вот об этом-то я и думаю, - ответил он, - все время думаю.
After Weybridge I went south--thinking.	Из Уэйбриджа я пошел к югу и всю дорогу думал.
I saw what was up.	Я наблюдал.
Most of the people were hard at it squealing and exciting themselves.	Люди потеряли голову, они скулили и волновались.
But I'm not so fond of squealing.	Я не люблю скулить.

I've been in sight of death once or twice; I'm not an ornamental soldier, and at the best and worst, death--it's just death.	Мне приходилось смотреть в глаза смерти. Я не игрушечный солдатик и знаю, что умирать - плохо ли, хорошо ли - все равно придется.
And it's the man that keeps on thinking comes through.	Но если вообще кто-нибудь спасется, так это тот, кто не потеряет голову.
I saw everyone tracking away south.	Я видел, что все направлялись к югу.
Says I,	Я сказал себе:
'Food won't last this way,' and I turned right back.	"Еды там не хватит на всех", - и повернул в обратную сторону.
I went for the Martians like a sparrow goes for man.	Я питался около марсиан, как воробей около человека.

All round"--he waved a hand to the horizon--"they're starving in heaps, bolting, treading on each other. . . ."	А они там, - он указал рукой на горизонт, - дохнут от голода, топчут и рвут друг друга...
He saw my face, and halted awkwardly.	Он взглянул на меня и как-то замялся.
"No doubt lots who had money have gone away to France," he said. He seemed to hesitate whether to apologise, met my eyes, and went on: "There's food all about here.	- Конечно, - сказал он, - многим, у кого были деньги, удалось бежать во Францию. - Он опять посмотрел на меня с несколько виноватым видом и продолжал: - Жратвы тут вдоволь.
Canned things in shops; wines, spirits, mineral waters; and the water mains and drains are empty.	В лавках есть консервы, вино, спирт, минеральные воды; а колодцы и водопроводные трубы пусты.

Well, I was telling you what I was thinking.	Так вот, я вам скажу, о чем я иногда думал.
'Here's intelligent things,' I said, 'and it seems they want us for food.	Они разумные существа, сказал я себе, и, кажется, хотят употреблять нас в пищу.
First, they'll smash us up--ships, machines, guns, cities, all the order and organisation.	Сначала они уничтожат наши корабли, машины, пушки, города, весь порядок и организацию.
All that will go.	Все это будет разрушено.
If we were the size of ants we might pull through.	Если бы мы были такие же маленькие, как муравьи, мы могли бы ускользнуть в какую-нибудь щель.
But we're not.	Но мы не муравьи.

It's all too bulky to stop.	Мы слишком велики для этого.
That's the first certainty.'	Вот мой первый вывод.

Eh?"	Ну что?
I assented.	Я согласился.
"It is; I've thought it out.	- Вот о чем я подумал прежде всего.
Very well, then--next; at present we're caught as we're wanted.	Ладно, теперь дальше: нас можно ловить как угодно.
A Martian has only to go a few miles to get a crowd on the run.	Марсианину стоит только пройти несколько миль, чтобы наткнуться на целую кучу людей.

And I saw one, one day, out by Wandsworth, picking houses to pieces and routing among the wreckage.	Я видел, как один марсианин в окрестностях Уондсворта разрушал дома и рылся в обломках.
But they won't keep on doing that.	Но-так поступать они будут, недолго.
So soon as they've settled all our guns and ships, and smashed our railways, and done all the things they are doing over there, they will begin catching us systematic, picking the best and storing us in cages and things.	Как только они покончат с нашими пушками и кораблями, разрушат железные дороги и сделают все, что собираются сделать, то начнут ловить нас систематически, отбирать лучших, запирать их в клетки.
That's what they will start doing in a bit.	Вот что они начнут скоро делать.

Lord! They haven't begun on us yet.	Да, они еще не принялись за нас как следует!
Don't you see that?"	Разве вы не видите?
"Not begun!" I exclaimed.	- Не принялись?! - воскликнул я.
"Not begun.	- Нет, не принялись.
All that's happened so far is through our not having the sense to keep quiet--worrying them with guns and such foolery.	Все, что случилось до сих пор, произошло только по нашей вине: мы не поняли, что нужно сидеть спокойно, докучали им нашими орудиями и разной ерундой.
And losing our heads, and rushing off in crowds to where there wasn't any more safety than where we were.	Мы потеряли голову и толпами бросались от них туда, где опасность была ничуть не меньше.

They don't want to bother us yet.	Им пока что не до нас.
They're making their things--making all the things they couldn't bring with them, getting things ready for the rest of their people.	Они заняты своим делом, мастерят все то, что не могли захватить с собой, приготовляются к встрече тех, которые еще должны прибыть.
Very likely that's why the cylinders have stopped for a bit, for fear of hitting those who are here.	Возможно, что и цилиндры на время перестали падать потому, что марсиане боятся попасть в своих же.

And instead of our rushing about blind, on the howl, or getting dynamite on the chance of busting them up, we've got to fix ourselves up according to the new state of affairs.	И вместо того чтобы, как стадо, кидаться в разные стороны или устраивать динамитные подкопы в надежде взорвать их, нам следовало бы приспособиться к новым условиям.
That's how I figure it out.	Вот что я думаю.
It isn't quite according to what a man wants for his species, but it's about what the facts point to.	Это не совсем то, к чему до сих пор стремилось человечество, но зато это отвечает требованиям жизни.
And that's the principle I acted upon.	Согласно с этим принципом я и действовал.

Cities, nations, civilisation, progress--it's all over.	Города, государства, цивилизация, прогресс - все это в прошлом.
That game's up.	Игра проиграна.
We're beat."	Мы разбиты.
"But if that is so, what is there to live for?"	- Но если так, то к чему же тогда жить?
The artilleryman looked at me for a moment.	Артиллерист с минуту смотрел на меня.
"There won't be any more blessed concerts for a million years or so; there won't be any Royal Academy of Arts, and no nice little feeds at restaurants.	- Да, концертов не будет, пожалуй, в течение ближайшего миллиона лет или вроде того; не будет Королевской академии искусств, не будет ресторанов с закусками.

If it's amusement you're after, I reckon the game is[u]p.	Если вы гонитесь за этими удовольствиями, я думаю, что ваша карта бита.
If you've got any drawing-room manners or a dislike to eating peas with a knife or dropping aitches, you'd better chuck 'em away.	Если вы светский человек, не можете есть горошек ножом или сморкаться без платка, то лучше забудьте это.
They ain't no further use."	Это уже никому не нужно.
"You mean—"	- Вы хотите сказать...
"I mean that men like me are going on living--for the sake of the breed.	- Я хочу сказать, что люди, подобные мне, будут жить ради продолжения человеческого рода.
I tell you, I'm grim set on living.	Я лично твердо решил жить.

And if I'm not mistaken, you'll show what insides you've got, too, before long.	И если я не ошибаюсь, вы тоже в скором времени покажете, на что вы способны.
We aren't going to be exterminated.	Нас не истребят.
And I don't mean to be caught either, and tamed and fattened and bred like a thundering ox.	Нет. Я не хочу, чтобы меня поймали, приручили, откармливали и растили, как какого-нибудь быка.
Ugh! Fancy those brown creepers!"	Брр... Вспомните только этих коричневых спрутов.
"You don't mean to say—"	- Вы хотите сказать...
"I do.	- Именно.

I'm going on, under their feet.	Я буду жить. Под их пятой.
I've got it planned; I've thought it out.	Я все рассчитал, обо всем подумал.
We men are beat.	Мы, люди, разбиты.
We don't know enough.	Мы слишком мало знаем.
We've got to learn before we've got a chance.	Мы еще многому должны научиться, прежде чем надеяться на удачу.
And we've got to live and keep independent while we learn.	И мы должны жить и сохранить свою свободу, пока будем учиться.
See!	Понятно?
That's what has to be done."	Вот что нам нужно делать.

I stared, astonished, and stirred profoundly by the man's resolution.	Я смотрел на него с изумлением, глубоко пораженный решимостью этого человека.
"Great God!" cried I. "But you are a man indeed!" And suddenly I gripped his hand.	- Боже мой! - воскликнул я. - Да вы настоящий человек. - Я схватил его руку.
"Eh!" he said, with his eyes shining. "I've thought it out, eh?"	- Правда? - сказал он, и его глаза вспыхнули. - Здорово я все обдумал?
"Go on," I said.	- Продолжайте, - сказал я.
"Well, those who mean to escape their catching must get ready.	- Те, которые хотят избежать плена, должны быть готовы ко всему.
I'm getting ready.	Я готов ко всему.

Mind you, it isn't all of us that are made for wild beasts; and that's what it's got to be.	Не всякий же человек способен преобразиться в дикого зверя.
That's why I watched you.	Потому-то я и присматривался к вам.
I had my doubts.	Я сомневался в вас.
You're slender.	Вы худой, щуплый.
I didn't know that it was you, you see, or just how you'd been buried.	Я ведь еще не знал, что вы тот человек из Уокинга; не знал, что вы были заживо погребены.
All these--the sort of people that lived in these houses, and all those damn little clerks that used to live down that way--they'd be no good.	Все люди, жившие в этих домах, все эти жалкие канцелярские крысы ни на что не годны.

They haven't any spirit in them--no proud dreams and no proud lusts; and a man who hasn't one or the other--Lord!	У них нет мужества, нет гордости, они не умеют сильно желать.
What is he but funk and precautions?	А без этого человек гроша ломаного не стоит.

They just used to skedaddle off to work--I've seen hundreds of 'em, bit of breakfast in hand, running wild and shining to catch their little season-ticket train, for fear they'd get dismissed if they didn't; working at businesses they were afraid to take the trouble to understand; skedaddling back for fear they wouldn't be in time for dinner; keeping indoors after dinner for fear of the back streets, and sleeping with the wives they married, not because they wanted them, but because they had a bit of money that would make for safety in	Они вечно торопятся на работу, - я видел их тысячи, с завтраком в кармане, они бегут как сумасшедшие, думая только о том, как бы попасть на поезд, в страхе, что их уволят, если они опоздают. Работают они, не вникая в дело; потом торопятся домой, боясь опоздать к обеду; вечером сидят дома, опасаясь ходить по глухим улицам; спят с женами, на которых женились не по любви, а потому, что у тех были деньжонки и они надеялись обеспечить свое жалкое существование.

Lives insured and a bit invested for fear of accidents.	Жизнь их застрахована от несчастных случаев.
And on Sundays--fear of the hereafter.	А по воскресеньям они боятся погубить свою душу.
As if hell was built for rabbits!	Как будто ад создан для кроликов!
Well, the Martians will just be a godsend to these.	Для таких людей марсиане будут сущими благодетелями.
Nice roomy cages, fattening food, careful breeding, no worry.	Чистые, просторные клетки, обильный корм, порядок и уход, никаких забот.

After a week or so chasing about the fields and lands on empty stomachs, they'll come and be caught cheerful.	Пробегав на пустой желудок с недельку по полям и лугам, они сами придут и не огорчатся, когда их поймают.
They'll be quite glad after a bit.	А немного спустя даже будут рады.
They'll wonder what people did before there were Martians to take care of them.	Они будут удивляться, как это они раньше жили без марсиан.

And the bar loafers, and mashers, and singers--I can imagine them. I can imagine them," he said, with a sort of sombre gratification. "There'll be any amount of sentiment and religion loose among them.	Представляю себе всех этих праздных гуляк, сутенеров и святош... Могу себе представить, -добавил он с какой-то мрачной усмешкой. - Среди них появятся разные направления, секты.
There's hundreds of things I saw with my eyes that I've only begun to see clearly these last few days.	Многое из того, что я видел раньше, я понял ясно только за эти последние дни.

There's lots will take things as they are--fat and stupid; and lots will be worried by a sort of feeling that it's all wrong, and that they ought to be doing something.	Найдется множество откормленных глупцов, которые просто примирятся со всем, другие же будут мучиться тем, что это несправедливо и что они должны что-нибудь предпринять.
Now whenever things are so that a lot of people feel they ought to be doing something, the weak, and those who go weak with a lot of complicated thinking, always make for a sort of do-nothing religion, very pious and superior, and submit to persecution and the will of the Lord.	Когда большинство людей испытывает потребность в каком-то деле, слабые и те, которые сами себя расслабляют бесконечными рассуждениями, выдумывают религию, бездеятельную и проповедующую смирение перед насилием, перед волей божьей.

Very likely you've seen the same thing.	Вам, наверное, приходилось это наблюдать.
It's energy in a gale of funk, and turned clean inside out.	Это скрытая трусость, бегство от дела.
These cages will be full of psalms and hymns and piety.	В этих клетках они будут набожно распевать псалмы и молитвы.
And those of a less simple sort will work in a bit of--what is it?--eroticism."	А другие, не такие простаки, займутся - как это называется? - эротикой.
He paused.	Он замолчал.

"Very likely these Martians will make pets of some of them; train them to do tricks--who knows?--get sentimental over the pet boy who grew up and had to be killed.	- Быть может, марсиане воспитают из некоторых людей своих любимчиков, обучат их разным фокусам, кто знает! Быть может, им вдруг станет жалко какого-нибудь мальчика, который вырос у них на глазах и которого надо зарезать.
And some, maybe, they will train to hunt us."	Некоторых они, быть может, научат охотиться за нами...
"No," I cried, "that's impossible!	- Нет! - воскликнул я. - Это невозможно.
No human being—"	Ни один человек...

"What's the good of going on with such lies?" said the artilleryman. "There's men who'd do it cheerful.	- Зачем обманывать себя? - перебил артиллерист. -Найдутся люди, которые с радостью будут это делать.
What nonsense to pretend there isn't!"	Глупо думать, что не найдется таких.
And I succumbed to his conviction.	Я не мог не согласиться с ним.

"If they come after me," he said;	- Попробовали бы они за мной поохотиться, -продолжал он. - Боже мой!
"Lord, if they come after me!" and subsided into a grim meditation.	Попробовали бы только! - повторил он и погрузился в мрачное раздумье.
I sat contemplating these things.	Я сидел, обдумывая его слова.

I could find nothing to bring against this man's reasoning.	Я не находил ни одного возражения против доводов этого человека.
In the days before the invasion no one would have questioned my intellectual superiority to his—I, a professed and recognised writer on philosophical themes, and he, a common soldier; and yet he had already formulated a situation that I had scarcely realised.	До вторжения марсиан никто не вздумал бы оспаривать моего интеллектуального превосходства над ним: я известный писатель по философским вопросам, он простой солдат; теперь же он ясно определил положение вещей, которое я еще даже не осознал.
"What are you doing?" I said presently. "What plans have you made?"	- Что же вы намерены делать? - спросил я наконец. - Какие у вас планы?
He hesitated.	Он помолчал.

"Well, it's like this," he said. "What have we to do?	- Вот что я решил, - сказал он. - Что нам остается делать?
We have to invent a sort of life where men can live and breed, and be sufficiently secure to bring the children up.	Нужно придумать такой образ жизни, чтобы люди могли жить, размножаться и в относительной безопасности растить детей.
Yes--wait a bit, and I'll make it clearer what I think ought to be done.	Сейчас я скажу яснее, что, - по-моему, нужно делать.
The tame ones will go like all tame beasts; in a few generations they'll be big, beautiful, rich-blooded, stupid--rubbish!	Те, которых приручат, станут похожи на домашних животных; через несколько поколений это будут большие, красивые, откормленные, глупые твари.

The risk is that we who keep wild will go savage--degenerate into a sort of big, savage rat. . . . You see, how I mean to live is underground.	Что касается нас, решивших остаться вольными, то мы рискуем одичать, превратиться в своего рода больших диких крыс... Вы понимаете, я имею в виду жизнь под землей.
I've been thinking about the drains.	Я много думал относительно канализационной сети.
Of course those who don't know drains think horrible things; but under this London are miles and miles--hundreds of miles--and a few days rain and London empty will leave them sweet and clean.	Понятно, тем, кто не знаком с ней, она кажется ужасной. Под одним только Лондоном канализационные трубы тянутся на сотни миль; несколько дождливых дней - и в пустом городе трубы станут удобными и чистыми.

The main drains are big enough and airy enough for anyone.	Главные трубы достаточно просторны, воздуху в них тоже достаточно.
Then there's cellars, vaults, stores, from which bolting passages may be made to the drains.	Потом есть еще погреба, склады, подвалы, откуда можно провести к трубам потайные ходы.
And the railway tunnels and subways.	А железнодорожные туннели и метрополитен?
Eh?	А?
You begin to see?	Вы понимаете?

And we form a band- able-bodied, clean-minded men.	Мы составим целую шайку из крепких, смышленых людей.

We're not going to pick up any rubbish that drifts in.	Мы не будем подбирать всякую дрянь.
Weaklings go out again."	Слабых будем выбрасывать.
"As you meant me to go?"	- Как хотели выбросить меня?
"Well--I parleyed, didn't I?"	-Так я же вступил в переговоры...
"We won't quarrel about that.	- Не будем спорить об этом.
Go on."	Продолжайте.
"Those who stop obey orders.	- Те, что останутся, должны подчиниться дисциплине.
Able-bodied, clean-minded women we want also--mothers and teachers.	Нам понадобятся также здоровые, честные женщины - матери и воспитательницы.

No lackadaisical ladies--no blasted rolling eyes.	Только не сентиментальные дамы, не те, что строят глазки.
We can't have any weak or silly.	Мы не можем принимать слабых и глупых.
Life is real again, and the useless and cumbersome and mischievous have to die.	Жизнь снова становится первобытной, и те, кто бесполезен, кто является только обузой или -приносит вред, должны умереть.
They ought to die.	Все они должны вымереть.
They ought to be willing to die.	Они должны, сами желать смерти.
It's a sort of disloyalty, after all, to live and taint the race.	В конце концов это нечестно - жить и позорить свое племя.

And they can't be happy.	Все равно они не могут быть счастливы.
Moreover, dying's none so dreadful; it's the funking makes it bad.	К тому же смерть не так уж страшна, это трусость делает ее страшной.
And in all those places we shall gather.	Мы будем собираться здесь.
Our district will be London.	Нашим округом будет Лондон.
And we may even be able to keep a watch, and run about in the open when the Martians keep away.	Мы даже сможем выставлять сторожевые посты и выходить на открытый воздух, когда марсиане будут далеко.
Play cricket, perhaps.	Даже поиграть иногда в крикет .
That's how we shall save the race.	Вот как мы сохраним свой род.

Eh?	Ну как?
It's a possible thing?	Возможно это или нет?
But saving the race is nothing in itself.	Но спасти свой род - этого еще мало.
As I say, that's only being rats.	Для этого достаточно быть крысами.
It's saving our knowledge and adding to it is the thing.	Нет, мы должны спасти накопленные знания и еще приумножить их.
There men like you come in.	Для этого нужны люди вроде вас.

There's books, there's models.	Есть книги, есть образцы.

We must make great safe places down deep, and get all the books we can; not novels and poetry swipes, but ideas, science books.	Мы должны устроить глубоко под землей безопасные хранилища и собрать туда все книги, какие только достанем. Не какие-нибудь романы, стишки и тому подобную дребедень, а дельные, научные книги.
That's where men like you come in.	Тут-то вот и понадобятся люди вроде вас.
We must go to the British Museum and pick all those books through.	Нам нужно будет пробраться в Британский музей и захватить все такие книге.
Especially we must keep up our science--learn more.	Мы но должны забывать нашей науки: мы должны учиться как можно больше.
We must watch these Martians.	Мы должны наблюдать за марсианами.

Some of us must go as spies.	Некоторые из нас должны стать шпионами.
When it's all working, perhaps I will.	Когда все будет налажено, я сам, может быть, пойду в шпионы.
Get caught, I mean.	То есть дам себя словить.
And the great thing is, we must leave the Martians alone.	И самое главное - мы должны оставить марсиан в покое.
We mustn't even steal.	Мы не должны ничего красть у них.
If we get in their way, we clear out.	Если мы окажемся у них на пути, мы должны уступать.
We must show them we mean no harm.	Мы должны показать им, что не замышляем ничего дурного.
Yes, I know.	Да, это так.

But they're intelligent things, and they won't hunt us down if they have all they want, and think we're just harmless vermin."	Они разумные существа и не будут истреблять нас, если у них будет все, что им надо, и если они будут уверены, что мы просто безвредные черви.
The artilleryman paused and laid a brown hand upon my arm.	Артиллерист замолчал и положил свою загорелую руку мне на плечо.
"After all, it may not be so much we may have to learn before--Just imagine this: four or five of their fighting machines suddenly starting off--Heat-Rays right and left, and not a Martian in 'em. Not a Martian in 'em, but men--men who have learned the way how.	- В конце концов нам, может быть, и не так уж много придется учиться, прежде чем... Вы только представьте себе: четыре или пять их боевых треножников вдруг приходят в движение... Тепловой луч направо и налево... И на них не марсиане, а люди, люди, научившиеся ими управлять.

It may be in my time, even--those men.	Может быть, я еще увижу таких людей.
Fancy having one of them lovely things, with its Heat-Ray wide and free! Fancy having it in control!	Представьте, что в вашей власти одна из этих замечательных машин да еще тепловой луч, который вы можете бросать куда угодно.
What would it matter if you smashed to smithereens at the end of the run, after a bust like that?	Представьте, что вы всем этим управляете! Не беда, если после такого опыта взлетишь на воздух и будешь разорван на клочки.

I reckon the Martians'll open their beautiful eyes!	Воображаю, как марсиане выпучат от удивления свои глазищи!
Can't you see them, man?	Разве вы не можете представить это?

Can't you see them hurrying, hurrying--puffing and blowing and hooting to their other mechanical affairs?	Разве не видите, как они бегут, спешат, задыхаясь, пыхтя, ухая, к другим машинам?
Something out of gear in every case.	И вот везде что-нибудь оказывается не в порядке.
And swish, bang, rattle, swish!	И вдруг свист, грохот, гром, треск!
Just as they are fumbling over it, swish comes the Heat-Ray, and, behold! man has come back to his own."	Только они начнут их налаживать, как мы пустим тепловой луч, - и - смотрите! - человек снова овладевает Землей!

For a while the imaginative daring of the artilleryman, and the tone of assurance and courage he assumed, completely dominated my mind.	Пылкое воображение артиллериста, его уверенный тон и отвага произвели на меня громадное впечатление.

I believed unhesitatingly both in his forecast of human destiny and in the practicability of his astonishing scheme, and the reader who thinks me susceptible and foolish must contrast his position, reading steadily with all his thoughts about his subject, and mine, crouching fearfully in the bushes and listening, distracted by apprehension.	Я без оговорок поверил и в его предсказание о судьбе человечества, и в осуществимость его смелого плана. Читатель, который сочтет меня слишком доверчивым и наивным, должен сравнить свое положение с моим: он не спеша читает все это и может спокойно рассуждать, а я лежал, скорчившись, в кустах, истерзанный страхом, прислушиваясь к малейшему шороху.

We talked in this manner through the early morning time, and later crept out of the bushes, and, after scanning the sky for Martians, hurried precipitately to the house on Putney Hill where he had made his lair.	Мы беседовали на эту тему все утро, потом вылезли из кустов и, осмотревшись, нет ли где марсиан, быстро направились к дому на Путни-Хилле, где артиллерист устроил свое логово.

It was the coal cellar of the place, and when I saw the work he had spent a week upon--it was a burrow scarcely ten yards long, which he designed to reach to the main drain on Putney Hill—I had my first inkling of the gulf between his dreams and his powers.	Это был склад угля при доме, и когда я посмотрел, что ему удалось сделать за целую неделю (это была нора ярдов в десять длиной, которую он намеревался соединить с главной сточной трубой Путни-Хилла), я в первый раз подумал, какая пропасть отделяет его мечты от его возможностей.
Such a hole I could have dug in a day.	Такую нору я мог бы вырыть в один день.
But I believed in him sufficiently to work with him all that morning until past midday at his digging.	Но я все еще верил в него и возился вместе с ним над этой норой до полудня.

We had a garden barrow and shot the earth we removed against the kitchen range.	У нас была садовая тачка, и мы свозили вырытую землю на кухню.
We refreshed ourselves with a tin of mock-turtle soup and wine from the neighbouring pantry.	Мы подкрепились банкой консервов - суп из телячьей головы - и вином.
I found a curious relief from the aching strangeness of the world in this steady labour.	Упорная, тяжелая работа приносила мне странное облегчение - она заставляла забывать о чуждом, жутком мире вокруг нас.

As we worked, I turned his project over in my mind, and presently objections and doubts began to arise; but I worked there all the morning, so glad was I to find myself with a purpose again.	Пока мы работали, я обдумывал его проект, и у меня начали возникать сомнения; но я усердно копал все утро, радуясь, что могу заняться каким-нибудь делом.
After working an hour I began to speculate on the distance one had to go before the cloaca was reached, the chances we had of missing it altogether.	Проработав около часу, я стал высчитывать расстояние до центрального стока и соображать, верное ли мы взяли направление.

My immediate trouble was why we should dig this long tunnel, when it was possible to get into the drain at once down one of the manholes, and work back to the house.	Потом я стал недоумевать: зачем, собственно, нам нужно копать длинный туннель, когда можно проникнуть в сеть сточных труб через одно из выходных отверстий и оттуда рыть проход к дому?
It seemed to me, too, that the house was inconveniently chosen, and required a needless length of tunnel.	Кроме того, мне казалось, что и дом выбран неудачно, - слишком длинный нужен туннель.
And just as I was beginning to face these things, the artilleryman stopped digging, and looked at me.	Как раз в этот момент артиллерист перестал копать и посмотрел на меня.

"We're working well," he said. He put down his spade. "Let us knock off a bit" he said. "I think it's time we reconnoitred from the roof of the house."	-Надо малость передохнуть... Я думаю, пора пойти понаблюдать с крыши дома.
I was for going on, and after a little hesitation he resumed his spade; and then suddenly I was struck by a thought.	Я настаивал на продолжении работы; после некоторого колебания он снова взялся за лопату. Вдруг мне пришла в голову странная мысль.
I stopped, and so did he at once.	Я остановился; он сразу перестал копать.
"Why were you walking about the common," I said, "instead of being here?"	- Почему вы разгуливали по выгону, вместо того чтобы копать? - спросил я.

"Taking the air," he said. "I was coming back.	- Просто хотел освежиться, - ответил он. - Я уже шел назад.
It's safer by night."	Ночью безопасней.
"But the work?"	- А как же работа?
"Oh, one can't always work," he said, and in a flash I saw the man plain.	- Нельзя же все время работать, - сказал он, и внезапно я понял, что это за человек.
He hesitated, holding his spade. "We ought to reconnoitre now," he said, "because if any come near they may hear the spades and drop upon us unawares."	Он медлил, держа заступ в руках. - Нужно идти на разведку, - сказал он. - Если кто-нибудь подойдет близко, то может услышать, как мы копаем, и мы будем застигнуты врасплох.
I was no longer disposed to object.	Я не стал возражать.

We went together to the roof and stood on a ladder peeping out of the roof door.	Мы полезли на чердак и, стоя да лесенке, смотрели в слуховое окно.
No Martians were to be seen, and we ventured out on the tiles, and slipped down under shelter of the parapet.	Марсиан нигде не было видно; мы вылезли на крышу и скользнули по черепице вниз, под прикрытие парапета.
From this position a shrubbery hid the greater portion of Putney, but we could see the river below, a bubbly mass of red weed, and the low parts of Lambeth flooded and red.	Большая часть Путни-Хилла была скрыта деревьями, но мы увидели внизу реку, заросшую красной травой, и равнину Ламбета, красную, залитую водой.

The red creeper swarmed up the trees about the old palace, and their branches stretched gaunt and dead, and set with shrivelled leaves, from amid its clusters.	Красные вьюны карабкались по деревьям вокруг старинного дворца; ветви, сухие и мертвые, с блеклыми листьями, торчали среди пучков красной травы.
It was strange how entirely dependent both these things were upon flowing water for their propagation.	Удивительно, что эта трава могла распространяться, только в проточной воде.
About us neither had gained a footing; laburnums, pink mays, snowballs, and trees of arbor-vitae, rose out of laurels and hydrangeas, green and brilliant into the sunlight.	Около нас ее совсем не было. Здесь среди лавров и древовидных гортензий росли золотой дождь, розовый боярышник, калина и вечнозеленые деревья.

Beyond Kensington dense smoke was rising, and that and a blue haze hid the northward hills.	Поднимающийся за Кенсингтоном густой дым и голубоватая пелена скрывали холмы на севере.
The artilleryman began to tell me of the sort of people who still remained in London.	Артиллерист стал рассказывать мне о людях, оставшихся в Лондоне.
"One night last week," he said, "some fools got the electric light in order, and there was all Regent Street and the Circus ablaze, crowded with painted and ragged drunkards, men and women, dancing and shouting till dawn.	- На прошлой неделе какие-то сумасшедшие зажгли электричество. По ярко освещенной Риджент-стрит и Сэркес разгуливали толпы размалеванных, беснующихся пьяниц, мужчины и женщины веселились и плясали до рассвета.

A man who was there told me.	Мне рассказывал об этом один человек, который там был.
And as the day came they became aware of a fighting-machine standing near by the Langham and looking down at them.	А когда рассвело, они заметили, что боевой треножник стоит недалеко от Ленгхема и марсианин наблюдает за ними.
Heaven knows how long he had been there.	Бог знает сколько времени он там стоял.
It must have given some of them a nasty turn. He came down the road towards them, and picked up nearly a hundred too drunk or frightened to run away."	Потом он двинулся к ним и нахватал больше сотни людей - или пьяных, или растерявшихся от испуга.

Grotesque gleam of a time no history will ever fully describe!	Любопытный штрих того времени, о котором вряд ли даст представление история!
From that, in answer to my questions, he came round to his grandiose plans again.	После этого рассказа, подстрекаемый моими вопросами, артиллерист снова перешел к своим грандиозным планам.
He grew enthusiastic.	Он страшно увлекся.
He talked so eloquently of the possibility of capturing a fighting-machine that I more than half believed in him again.	О возможности захватить треножники он говорил так красноречиво, что я снова начал ему верить.

But now that I was beginning to understand something of his quality, I could divine the stress he laid on doing nothing precipitately.	Но поскольку я теперь понимал, с кем имею дело, я уже не удивлялся тому, что он предостерегает от излишней поспешности.
And I noted that now there was no question that he personally was to capture and fight the great machine.	Я заметил также, что он уже не собирается сам захватить треножник и сражаться.
After a time we went down to the cellar.	Потом мы вернулись в угольный погреб.

Neither of us seemed disposed to resume digging, and when he suggested a meal, I was nothing loath.	Ни один из нас не был расположен снова приняться за работу, и, когда он предложил закусить, я охотно согласился.

He became suddenly very generous, and when we had eaten he went away and returned with some excellent cigars.	Он вдруг стал чрезвычайно щедр; после того, как мы поели, он куда-то ушел и вернулся с превосходными сигарами.
We lit these, and his optimism glowed.	Мы закурили, и его оптимизм еще увеличился.
He was inclined to regard my coming as a great occasion.	Он, по-видимому, считал, что мое появление следует отпраздновать.
"There's some champagne in the cellar," he said.	- В погребе есть шампанское, - сказал он.
"We can dig better on this Thames-side burgundy," said I.	- Если мы хотим работать, то лучше ограничиться бургундским, - ответил я.
"No," said he; "I am host today.	- Нет, - сказал он, - сегодня я угощаю.

Champagne!	Шампанское!
Great God!	Боже мой!
We've a heavy enough task before us!	Мы еще успеем наработаться.
Let us take a rest and gather strength while we may.	Перед нами нелегкая задача. Нужно отдохнуть и набраться сил, пока есть время.
Look at these blistered hands!"	Посмотрите, какие у меня мозоли на руках!
And pursuant to this idea of a holiday, he insisted upon playing cards after we had eaten.	После еды, исходя из тех соображений, что сегодня праздник, он предложил сыграть в карты.

He taught me euchre, and after dividing London between us, I taking the northern side and he the southern, we played for parish points.	Он научил меня игре в юкр, и, поделив между собой Лондон, причем мне досталась северная сторона, а ему южная, мы стали играть на приходские участки.
Grotesque and foolish as this will seem to the sober reader, it is absolutely true, and what is more remarkable, I found the card game and several others we played extremely interesting.	Это покажется нелепым и даже глупым, но я точно описываю то, что было, и всего удивительней то, что эта игра меня увлекала.

Strange mind of man! that, with our species upon the edge of extermination or appalling degradation, with no clear prospect before us but the chance of a horrible death, we could sit following the chance of this painted pasteboard, and playing the "joker" with vivid delight.	Странно устроен человек! В то время как человечеству грозила гибель или вырождение, мы, лишенные какой-либо надежды, под угрозой ужасной смерти, сидели и следили за случайными комбинациями разрисованного картона и с азартом "ходили с козыря".
Afterwards he taught me poker, and I beat him at three tough chess games.	Потом он выучил меня играть в покер, а я выиграл у него три партии в шахматы.
When dark came we decided to take the risk, and lit a lamp.	Когда стемнело, мы, чтобы не прерывать игры, рискнули даже зажечь лампу.

After an interminable string of games, we supped, and the artilleryman finished the champagne.	После бесконечной серии игр мы поужинали, и артиллерист допил шампанское.
We went on smoking the cigars.	Весь вечер мы курили сигары.

He was no longer the energetic regenerator of his species I had encountered in the morning.	Это был уже не тот полный энергии восстановитель рода человеческого, которого я встретил утром.
He was still optimistic, but it was a less kinetic, a more thoughtful optimism.	Он был по-прежнему настроен оптимистически, но его оптимизм носил теперь менее экспансивный характер.

I remember he wound up with my health, proposed in a speech of small variety and considerable intermittence.	Помню, он пил за мое здоровье, произнеся при этом не вполне связную речь, в которой много раз повторял одно и то же.
I took a cigar, and went upstairs to look at the lights of which he had spoken that blazed so greenly along the Highgate hills.	Я закурил сигару и пошел наверх посмотреть на зеленые огни, о которых он мне рассказывал, горевшие вдоль холмов Хайгета.
At first I stared unintelligently across the London valley.	Я бездумно всматривался в долину Лондона.

The northern hills were shrouded in darkness; the fires near Kensington glowed redly, and now and then an orange-red tongue of flame flashed up and vanished in the deep blue night.	Северные холмы были погружены во мрак; около Кенсингтона светилось зарево, иногда оранжево-красный язык пламени вырывался кверху и пропадал в темной синеве ночи.
All the rest of London was black.	Лондон был окутан тьмою.
Then, nearer, I perceived a strange light, a pale, violet-purple fluorescent glow, quivering under the night breeze.	Вскоре я заметил вблизи какой-то странный свет, бледный, фиолетово-красный, фосфоресцирующий отблеск, дрожавший на ночном ветру.

For a space I could not understand it, and then I knew that it must be the red weed from which this faint irradiation proceeded.	Сначала я не мог понять, что это такое, потом догадался, что это, должно быть, фосфоресцирует красная трава.
With that realisation my dormant sense of wonder, my sense of the proportion of things, awoke again.	Дремлющее сознание проснулось во мне; я снова стал вникать в соотношение явлений.
I glanced from that to Mars, red and clear, glowing high in the west, and then gazed long and earnestly at the darkness of Hampstead and Highgate.	Я взглянул на Марс, сиявший красным огнем на западе, а потом долго и пристально всматривался в темноту, в сторону Хэмпстеда и Хайгета.

I remained a very long time upon the roof, wondering at the grotesque changes of the day.	Долго я просидел на крыше, вспоминая перипетии этого длинного дня.
I recalled my mental states from the midnight prayer to the foolish card-playing. I had a violent revulsion of feeling.	Я старался восстановить скачки своего настроения, начиная с молитвы прошлой ночи и кончая этой идиотской игрой в карты.
I remember I flung away the cigar with a certain wasteful symbolism.	Я почувствовал отвращение к себе. Помню, как я почти символическим жестом отбросил сигару.
My folly came to me with glaring exaggeration.	Внезапно я понял все свое безумие.

I seemed a traitor to my wife and to my kind; I was filled with remorse.	Мне казалось, что я предал жену, предал человечество. Я глубоко раскаивался.
I resolved to leave this strange undisciplined dreamer of great things to his drink and gluttony, and to go on into London.	Я решил покинуть этого странного, необузданного мечтателя с его пьянством и обжорством и идти в Лондон.

There, it seemed to me, I had the best chance of learning what the Martians and my fellowmen were doing.	Там, мне казалось, я скорее всего узнаю, что делают марсиане и мои собратья - люди.

I was still upon the roof when the late moon rose. CHAPTER EIGHT DEAD LONDON	Когда наконец взошла луна, я все еще стоял да крыше. 8. Мертвый Лондон
After I had parted from the artilleryman, I went down the hill, and by the High Street across the bridge to Fulham.	Покинув артиллериста, я спустился с холма и пошел по Хай-стрит через мост к Ламбету.

The red weed was tumultuous at that time, and nearly choked the bridge roadway; but its fronds were already whitened in patches by the spreading disease that presently removed it so swiftly.	Красная трава в то время еще буйно росла и оплетала побегами весь мост; впрочем, ее стебли уже покрылись беловатым налетом; губительная болезнь быстро распространялась.
At the corner of the lane that runs to Putney Bridge station I found a man lying.	На углу улицы, ведущей к вокзалу Путни-бридж, валялся человек, грязный, как трубочист.
He was as black as a sweep with the black dust, alive, but helplessly and speechlessly drunk.	Он был жив, но мертвецки пьян, так что даже не мог говорить.

I could get nothing from him but curses and furious lunges at my head.	Я ничего не добился от него, кроме брани и попыток ударить меня.
I think I should have stayed by him but for the brutal expression of his face.	Я отошел, пораженный диким выражением его лица.
There was black dust along the roadway from the bridge onwards, and it grew thicker in Fulham.	За мостом, на дороге, лежал слой черной пыли, становившийся все толще по мере приближения к Фулхему.
The streets were horribly quiet.	На улицах мертвая тишина.
I got food--sour, hard, and mouldy, but quite eatable--in a baker's shop here.	В булочной я нашел немного хлеба, правда, он был кислый, черствый и позеленел, но оставался вполне съедобным.

Some way towards Walham Green the streets became clear of powder, and I passed a white terrace of houses on fire; the noise of the burning was an absolute relief.	Дальше к Уолхем-Грину на улицах не было черной пыли, и я прошел мимо горевших белых домов. Даже треск пожара показался мне приятным.
Going on towards Brompton, the streets were quiet again.	Еще дальше, около Бромптона, на улицах опять мертвая тишина.
Here I came once more upon the black powder in the streets and upon dead bodies.	Здесь я снова увидел черную пыль на улицах и мертвые тела.

I saw altogether about a dozen in the length of the Fulham Road.	Всего на протяжении Фулхем-роуд я насчитал около двенадцати трупов.
They had been dead many days, so that I hurried quickly past them. The black powder covered them over, and softened their outlines.	Они были полузасыпаны черной пылью, лежали, очевидно, много дней; я торопливо обходил их.
One or two had been disturbed by dogs.	Некоторые были обглоданы собаками.

Where there was no black powder, it was curiously like a Sunday in the City, with the closed shops, the houses locked up and the blinds drawn, the desertion, and the stillness.	Там, где не было черной пыли, город имел совершенно такой же вид, как в обычное воскресенье: магазины закрыты, дома заперты, шторы спущены, тихо и пустынно.

In some places plunderers had been at work, but rarely at other than the provision and wine shops.	Во многих местах были видны следы грабежа - по большей части в винных и гастрономических магазинах.

A jeweller's window had been broken open in one place, but apparently the thief had been disturbed, and a number of gold chains and a watch lay scattered on the pavement.	В витрине ювелирного магазина стекло было разбито, но, очевидно, вору помешали: золотые цепочки и часы валялись на мостовой.
I did not trouble to touch them.	Я даже не нагнулся поднять их.
Farther on was a tattered woman in a heap on a doorstep; the hand that hung over her knee was gashed and bled down her rusty brown dress, and a smashed magnum of champagne formed a pool across the pavement.	В одном подъезде на ступеньках лежала женщина в лохмотьях, рука, свесившаяся с колена, была рассечена, и кровь залила дешевое темное платье. В луже шампанского торчала большая разбитая бутылка.

She seemed asleep, but she was dead.	Женщина казалась спящей, но она была мертва.
The farther I penetrated into London, the profounder grew the stillness.	Чем дальше я углублялся в Лондон, тем тягостнее становилась тишина.
But it was not so much the stillness of death--it was the stillness of suspense, of expectation.	Но это было не молчание смерти, а скорее тишина напряженного выжидания.

At any time the destruction that had already singed the northwestern borders of the metropolis, and had annihilated Ealing and Kilburn, might strike among these houses and leave them smoking ruins.	Каждую минуту тепловые лучи, спалившие уже северо-западную часть столицы и уничтожившие Илинг и Килберн, могли коснуться и этих домов и превратить их в дымящиеся развалины.
It was a city condemned and derelict. . . .	Это был покинутый и обреченный город...
In South Kensington the streets were clear of dead and of black powder.	В Южном Кенсингтоне черной пыли и трупов на улицах не было.

It was near South Kensington that I first heard the howling.	Здесь я в первый раз услышал вой.
It crept almost imperceptibly upon my senses.	Я не сразу понял, что это такое.
It was a sobbing alternation of two notes,	Это было непрерывное жалобное чередование двух нот:
"Ulla, ulla, ulla, ulla," keeping on perpetually. When I passed streets that ran northward it grew in volume, and houses and buildings seemed to deaden and cut it off again.	"Улла... улла... улла... улла..." Когда я шел по улицам, ведущим к северу, вой становился все громче; строения, казалось, то заглушали его, то усиливали.

It came in a full tide down Exhibition Road.	Особенно гулко отдавался он на Эксибишн-роуд.
I stopped, staring towards Kensington Gardens, wondering at this strange, remote wailing.	Я остановился и посмотрел на Кенсингтонский парк, прислушиваясь к отдаленному странному вою.
It was as if that mighty desert of houses had found a voice for its fear and solitude.	Казалось, все эти опустелые строения обрели голос и жаловались на страх и одиночество.

"Ulla, ulla, ulla, ulla," wailed that superhuman note--great waves of sound sweeping down the broad, sunlit roadway, between the tall buildings on each side.	"Улла... улла... улла... улла..." - раздавался этот нечеловеческий плач, и волны звуков расходились по широкой солнечной улице среди высоких зданий.

I turned northwards, marvelling, towards the iron gates of Hyde Park.	В недоумении я повернул к северу, к железным воротам Гайд-парка.

I had half a mind to break into the Natural History Museum and find my way up to the summits of the towers, in order to see across the park.	Я думал зайти в Естественно-исторический музей, забраться на башню и посмотреть на парк сверху.
But I decided to keep to the ground, where quick hiding was possible, and so went on up the Exhibition Road.	Потом я решил остаться внизу, где можно было легче спрятаться, и зашагал дальше по Эксибишн-роуд.

All the large mansions on each side of the road were empty and still, and my footsteps echoed against the sides of the houses.	Обширные здания по обе стороны дороги были пусты, мои шаги отдавались в тишине гулким эхом.
At the top, near the park gate, I came upon a strange sight--a bus overturned, and the skeleton of a horse picked clean.	Наверху, недалеко от ворот парка, я увидел странную картину - опрокинутый омнибус и скелет лошади, начисто обглоданный.

I puzzled over this for a time, and then went on to the bridge over the Serpentine.	Постояв немного, я пошел дальше к мосту через Серпентайн.
The voice grew stronger and stronger, though I could see nothing above the housetops on the north side of the park, save a haze of smoke to the northwest.	Вой становился все громче и громче, хотя к северу от парка над крышами домов ничего не было видно, только на северо-западе поднималась пелена дыма.

"Ulla, ulla, ulla, ulla," cried the voice, coming, as it seemed to me, from the district about Regent's Park.	"Улла... улла... улла... улла..." - выл голос, как мне каза-лось, откуда-то со стороны Риджент-парка.
The desolating cry worked upon my mind.	Этот одинокий жалобный крик действовал удручающе.
The mood that had sustained me passed.	Вся моя смелость пропала.
The wailing took possession of me.	Мной овладела тоска.

I found I was intensely weary, footsore, and now again hungry and thirsty.	Я почувствовал, что страшно устал, натер ноги, что меня мучат голод и жажда.
It was already past noon.	Было уже за полдень.
Why was I wandering alone in this city of the dead? Why was I alone when all London was lying in state, and in its black shroud?	Зачем я брожу по этому городу мертвых, почему я один жив, когда весь Лондон лежит как труп в черном саване?
I felt intolerably lonely.	Я почувствовал себя бесконечно одиноким.

My mind ran on old friends that I had forgotten for years.	Вспомнил о прежних друзьях, давно забытых.
I thought of the poisons in the chemists' shops, of the liquors the wine merchants stored; I recalled the two sodden creatures of despair, who so far as I knew, shared the city with myself. . . .	Подумал о ядах в аптеках, об алкоголе в погребах виноторговцев; вспомнил о двух несчастных, которые, как я думал, вместе со мною владеют всем Лондоном...

I came into Oxford Street by the Marble Arch, and here again were black powder and several bodies, and an evil, ominous smell from the gratings of the cellars of some of the houses.	Через Мраморную арку я вышел на Оксфорд-стрит. Здесь опять были черная пыль и трупы, из решетчатых подвальных люков некоторых домов доносился запах тления.
I grew very thirsty after the heat of my long walk.	От долгого блуждания по жаре меня томила жажда.

With infinite trouble I managed to break into a public-house and get food and drink.	С великим трудом мне удалось проникнуть в какой-то ресторан и раздобыть еды и питья.
I was weary after eating, and went into the parlour behind the bar, and slept on a black horsehair sofa I found there.	Потом, почувствовав сильную усталость, я прошел в гостиную за буфетом, улегся на черный диван, набитый конским волосом, и уснул.
I awoke to find that dismal howling still in my ears,	Когда я проснулся, проклятый вой по-прежнему раздавался в ушах:

"Ulla, ulla, ulla, ulla." It was now dusk, and after I had routed out some biscuits and a cheese in the bar--there was a meat safe, but it contained nothing but maggots--I wandered on through the silent residential squares to Baker Street--Portman Square is the only one I can name--and so came out at last upon Regent's Park.	"Улла... улла... улла... улла..." Уже смеркалось. Я разыскал в буфете несколько сухарей и сыру - там был полный обед, но от кушаний остались только клубки червей. Я отправился на Бэйкер-стрит по пустынным скверам, - могу вспомнить название лишь одного из них: Портмен-сквер, - и наконец вышел к Риджент-парку.

And as I emerged from the top of Baker Street, I saw far away over the trees in the clearness of the sunset the hood of the Martian giant from which this howling proceeded.	Когда я спускался с Бэйкер-стрит, я увидел вдали над деревьями, на светлом фоне заката, колпак гиганта-марсианина, который и издавал этот вой.
I was not terrified.	Я ничуть не испугался.
I came upon him as if it were a matter of course.	Я спокойно шел прямо на пего.
I watched him for some time, but he did not move.	Несколько минут я наблюдал за ним: он не двигался.
He appeared to be standing and yelling, for no reason that I could discover.	По-видимому, он просто стоял и выл. Я не мог догадаться, что значил этот беспрерывный вой.

I tried to formulate a plan of action.	Я пытался принять какое-нибудь решение.
That perpetual sound of "Ulla, ulla, ulla, ulla," confused my mind.	Но непрерывный вой "улла... улла... улла... улла..." мешал мне сосредоточиться.
Perhaps I was too tired to be very fearful.	Может быть, причиной моего бесстрашия была усталость.
Certainly I was more curious to know the reason of this monotonous crying than afraid.	Мне захотелось узнать причину этого монотонного воя.

I turned back away from the park and struck into Park Road, intending to skirt the park, went along under the shelter of the terraces, and got a view of this stationary, howling Martian from the direction of St. John's Wood.	Я повернул назад и вышел на Парк-роуд, намереваясь обогнуть парк; я пробрался под прикрытием террас, чтобы посмотреть на этого неподвижного воющего марсианина со стороны Сент-Джонс-Вуда.
A couple of hundred yards out of Baker Street I heard a yelping chorus, and saw, first a dog with a piece of putrescent red meat in his jaws coming headlong towards me, and then a pack of starving mongrels in pursuit of him.	Отойдя ярдов на двести от Бэйкер-стрит, я услыхал разноголосый собачий лай и увидел сперва одну собаку с куском гнилого красного мяса в зубах, стремглав летевшую на меня, а потом целую свору гнавшихся за ней голодных бродячих псов.

He made a wide curve to avoid me, as though he feared I might prove a fresh competitor.	Собака сделала крутой поворот, чтобы обогнуть меня, как будто боялась, что я отобью у нее добычу.
As the yelping died away down the silent road, the wailing sound of	Когда лай замер вдали, воздух снова наполнился воем:

"Ulla, ulla, ulla, ulla," reasserted itself.	"Улла... улла... улла... улла..."
I came upon the wrecked handling-machine halfway to St. John's Wood station.	На полпути к вокзалу Сент-Джонс-Вуд я наткнулся на сломанную многорукую машину.
At first I thought a house had fallen across the road.	Сначала я подумал, что поперек улицы лежит обрушившийся дом.

It was only as I clambered among the ruins that I saw, with a start, this mechanical Samson lying, with its tentacles bent and smashed and twisted, among the ruins it had made.	Только пробравшись среди обломков, я с изумлением увидел, что механический Самсон с исковерканными, сломанными и скрюченными щупальцами лежит посреди им же самим нагроможденных развалин.
The forepart was shattered.	Передняя часть машины, была разбита вдребезги.
It seemed as if it had driven blindly straight at the house, and had been overwhelmed in its overthrow.	Очевидно, машина наскочила на дом и, разрушив его, застряла в развалинах.

It seemed to me then that this might have happened by a handling-machine escaping from the guidance of its Martian.	Это могло произойти, только если машину бросили на произвол судьбы.
I could not clamber among the ruins to see it, and the twilight was now so far advanced that the blood with which its seat was smeared, and the gnawed gristle of the Martian that the dogs had left, were invisible to me.	Я не мог взобраться на обломки и потому не видел в наступающей темноте забрызганное кровью сиденье и об-грызенный собаками хрящ марсианина.
Wondering still more at all that I had seen, I pushed on towards Primrose Hill.	Пораженный всем ви-денным, я направился к Примроз-Хиллу.

Far away, through a gap in the trees, I saw a second Martian, as motionless as the first, standing in the park towards the Zoological Gardens, and silent.	Вдалеке сквозь деревья я заметил второго марсианина, такого же неподвижного, как и первый; он молча стоял в парке близ Зоологического сада.
A little beyond the ruins about the smashed handling-machine I came upon the red weed again, and found the Regent's Canal, a spongy mass of dark-red vegetation.	Дальше за развалинами, окружавшими изломанную многорукую машину, я снова увидел красную траву; весь Риджент-канал зарос губчатой темно-красной растительностью.
As I crossed the bridge, the sound of "Ulla, ulla, ulla, ulla," ceased.	Когда я переходил мост, непрекращавшийся вой "улла... улла..." вдруг оборвался.
It was, as it were, cut off.	Казалось, кто-то его остановил.

The silence came like a thunderclap.	Внезапно наступившая тишина разразилась, как удар грома.
The dusky houses about me stood faint and tall and dim; the trees towards the park were growing black.	Со верх сторон меня обступали высокие, мрачные, пустые дома; деревья ближе к парку становились все чернее.
All about me the red weed clambered among the ruins, writhing to get above me in the dimness.	Среди развалин росла красная трава; ее побеги словно подползали ко мне.
Night, the mother of fear and mystery, was coming upon me.	Надвигалась ночь, матерь страха и тайны.

But while that voice sounded the solitude, the desolation, had been endurable; by virtue of it London had still seemed alive, and the sense of life about me had upheld me.	Пока звучал этот голос, я как-то мог выносить уединение, одиночество было еще терпимо; Лондон казался мне еще живым, и я бодрился. И вдруг эта перемена!
Then suddenly a change, the passing of something--I knew not what--and then a stillness that could be felt.	Что-то произошло - я не знал что, - и наступила почти ощутимая тишина.
Nothing but this gaunt quiet.	Мертвый покой.
London about me gazed at me spectrally.	Лондон глядел на меня как привидение.

The windows in the white houses were like the eye sockets of skulls.	Окна в пустых домах походили на глазные впадины черепа.
About me my imagination found a thousand noiseless enemies moving. Terror seized me, a horror of my temerity.	Мне чудились тысячи бесшумно подкрадывающихся врагов, Меня охватил ужас, я испугался своей дерзости.
In front of me the road became pitchy black as though it was tarred, and I saw a contorted shape lying across the pathway.	Улица впереди стала черной, как будто ее вымазали дегтем, и я различил какую-то судорожно искривленную тень поперек дороги.
I could not bring myself to go on.	Я не мог заставить себя идти дальше.

I turned down St. John's Wood Road, and ran headlong from this unendurable stillness towards Kilburn.	Свернув на Сент-Джонс-Вуд-роуд, я побежал к Килберну, спасаясь от этого невыносимого молчания.
I hid from the night and the silence, until long after midnight, in a cabmen's shelter in Harrow Road.	Я спрятался от ночи и тишины в извозчичьей будке на Харроу-роуд. Я просидел там почти всю ночь.
But before the dawn my courage returned, and while the stars were still in the sky I turned once more towards Regent's Park.	Перед рассветом я немного приободрился и под мерцающими звездами пошел к Риджент-парку.

I missed my way among the streets, and presently saw down a long avenue, in the half-light of the early dawn, the curve of Primrose Hill.	Я заблудился и вдруг увидел в конце длинной улицы в предрассветных сумерках причудливые очертания Примроз-Хилла.
On the summit, towering up to the fading stars, was a third Martian, erect and motionless like the others.	На вершине, поднимаясь высоко навстречу бледневшим звездам, стоял третий марсианин, такой же прямой и неподвижный, как и остальные.
An insane resolve possessed me.	Я решился на безумный поступок.
I would die and end it.	Лучше умереть и покончить со всем.

And I would save myself even the trouble of killing myself.	Тогда мне не придется убивать самого себя.
I marched on recklessly towards this Titan, and then, as I drew nearer and the light grew, I saw that a multitude of black birds was circling and clustering about the hood.	И я решительно направился к титану. Подойдя ближе, я увидел в предутреннем свете стаи черных птиц, круживших вокруг колпака марсианина.
At that my heart gave a bound, and I began running along the road.	Сердце у меня забилось, и я побежал вниз по дороге.

I hurried through the red weed that choked St. Edmund's Terrace (I waded breast-high across a torrent of water that was rushing down from the waterworks towards the Albert Road), and emerged upon the grass before the rising of the sun.	Я попал в заросли красной травы, покрывшей Сент-Эдмунд-террас, по грудь в воде перешел вброд поток, стекавший из водопровода к Альберт-роуд, и выбрался оттуда еще до восхода солнца.
Great mounds had been heaped about the crest of the hill, making a huge redoubt of it—it was the final and largest place the Martians had made--and from behind these heaps there rose a thin smoke against the sky.	Громадные кучи земли были насыпаны на гребне холма словно для огромного редута, - это было последнее и самое большое укрепление, построенное марсианами, и оттуда поднимался к небу легкий дымок.

Against the sky line an eager dog ran and disappeared.	Пробежала собака и скрылась.
The thought that had flashed into my mind grew real, grew credible.	Я чувствовал, что моя догадка должна подтвердиться.
I felt no fear, only a wild, trembling exultation, as I ran up the hill towards the motionless monster.	Уже без всякого страха, дрожа от волнения, я взбежал вверх по холму к неподвижному чудовищу.
Out of the hood hung lank shreds of brown, at which the hungry birds pecked and tore.	Из-под колпака свисали дряблые бурые клочья; их клевали и рвали голодные птицы.

In another moment I had scrambled up the earthen rampart and stood upon its crest, and the interior of the redoubt was below me.	Еще через минуту я взобрался по насыпи и стоял на гребне вала - внутренняя площадка редута была внизу, подо мной.
A mighty space it was, with gigantic machines here and there within it, huge mounds of material and strange shelter places.	Она была очень обширна, с гигантскими машинами, грудой материалов и странными сооружениями.

And scattered about it, some in their overturned war-machines, some in the now rigid handling-machines, and a dozen of them stark and silent and laid in a row, were the Martians--dead!--slain by the putrefactive and disease bacteria against which their systems were unprepared; slain as the red weed was being slain; slain, after all man's devices had failed, by the humblest things that God, in his wisdom, has put upon this earth.	И среди этого хаоса на опрокинутых треножниках, на недвижных многоруких машинах и прямо на земле лежали марсиане, окоченелые и безмолвные, - мертвые! - уничтоженные какой-то пагубной бактерией, к борьбе с которой их организм не был приспособлен, уничтоженные так, же, как была потом уничтожена красная трава. После того как все средства обороны человечества были исчерпаны, пришельцы были истреблены ничтожнейшими тварями, которыми премудрый господь населил Землю.

For so it had come about, as indeed I and many men might have foreseen had not terror and disaster blinded our minds.	Все произошло так, как и я, и многие люди могли бы предвидеть, если бы ужас и паника не помрачили наш разум.
These germs of disease have taken toll of humanity since the beginning of things--taken toll of our prehuman ancestors since life began here.	Эти зародыши болезней уже взяли свою дань с человечества еще в доисторические времена, взяли дань с наших прародителей-животных еще тогда, когда жизнь на Земле только что начиналась.

But by virtue of this natural selection of our kind we have developed resisting power; to no germs do we succumb without a struggle, and to many--those that cause putrefaction in dead matter, for instance--our living frames are altogether immune.	Благодаря естественному отбору мы развили в себе способность к сопротивлению; мы не уступаем ни одной бактерии без упорной борьбы, а для многих из них, как, например, для бактерий, порождающих гниение в мертвой материи, наш организм совершенно неуязвим.

But there are no bacteria in Mars, and directly these invaders arrived, directly they drank and fed, our microscopic allies began to work their overthrow.	На Марсе, очевидно, не существует бактерий, и как только явившиеся на Землю пришельцы начали питаться, наши микроскопические союзники принялись за работу, готовя им гибель.

Already when I watched them they were irrevocably doomed, dying and rotting even as they went to and fro.	Когда я впервые увидел марсиан, они уже были осуждены на смерть, они уже медленно умирали и разлагались на ходу.
It was inevitable.	Это было неизбежно.
By the toll of a billion deaths man has bought his birthright of the earth, and it is his against all comers; it would still be his were the Martians ten times as mighty as they are.	Заплатив биллионами жизней, человек купил право жить на Земле, и это право принадлежит ему вопреки всем пришельцам. Оно осталось бы за ним, будь марсиане даже в десять раз более могущественны.
For neither do men live nor die in vain.	Ибо человек живет и умирает не напрасно.

Here and there they were scattered, nearly fifty altogether, in that great gulf they had made, overtaken by a death that must have seemed to them as incomprehensible as any death could be.	Всего марсиан было около пятидесяти; они валялись в своей огромной яме, пораженные смертью, которая должна была им казаться загадочной.
To me also at that time this death was incomprehensible.	И для меня в то время смерть их была непонятна.
All I knew was that these things that had been alive and so terrible to men were dead.	Я понял, только, что эти чудовища, наводившие ужас на людей, мертвы.

For a moment I believed that the destruction of Sennacherib had been repeated, that God had repented, that the Angel of Death had slain them in the night.	На минуту мне показалось, что снова повторилось поражение Сеннахерима , что господь сжалился над нами и ангел смерти поразил их в одну ночь.
I stood staring into the pit, and my heart lightened gloriously, even as the rising sun struck the world to fire about me with his rays.	Я стоял, глядя в яму, и сердце у меня забилось от радости, когда восходящее солнце осветило окружавший меня мир своими лучами.

The pit was still in darkness; the mighty engines, so great and wonderful in their power and complexity, so unearthly in their tortuous forms, rose weird and vague and strange out of the shadows towards the light.	Яма оставалась в тени; мощные машины, такие громадные, сложные и удивительные, неземные даже по своей форме, поднимались, точно заколдованные, из сумрака навстречу свету.
A multitude of dogs, I could hear, fought over the bodies that lay darkly in the depth of the pit, far below me.	Целая стая собак дралась над трупами, валявшимися в глубине ямы.

Across the pit on its farther lip, flat and vast and strange, lay the great flying-machine with which they had been experimenting upon our denser atmosphere when decay and death arrested them.	В дальнем конце ее лежала большая, плоская, причудливых очертаний летательная машина, на которой они, очевидно, совершали пробные полеты в нашей более плотной атмосфере, когда разложение и смерть помешали им.
Death had come not a day too soon.	Смерть явилась как раз вовремя.

At the sound of a cawing overhead I looked up at the huge fighting-machine that would fight no more for ever, at the tattered red shreds of flesh that dripped down upon the overturned seats on the summit of Primrose Hill.	Услыхав карканье птиц, я взглянул наверх; передо мной был огромный боевой треножник, который никогда больше не будет сражаться, красные клочья мяса, с которых капала кровь на опрокинутые скамейки на вершине Примроз-Хилла.
I turned and looked down the slope of the hill to where, enhaloed now in birds, stood those other two Martians that I had seen overnight, just as death had overtaken them.	Я повернулся и взглянул вниз, где у подножия холма, окруженного стаей птиц, стояли застигнутые смертью другие два марсианина, которых я видел вчера вечером.

The one had died, even as it had been crying to its companions; perhaps it was the last to die, and its voice had gone on perpetually until the force of its machinery was exhausted.	Один из них умер как раз в ту минуту, когда передавал что-то своим товарищам; может быть, он умер последним, и сигналы его раздавались, пока не перестал работать механизм.
They glittered now, harmless tripod towers of shining metal, in the brightness of the rising sun.	В лучах восходящего солнца блестели уже безвредные металлические треножники, башни сверкающего металла...
All about the pit, and saved as by a miracle from everlasting destruction, stretched the great Mother of Cities.	Кругом, словно чудом спасенный от уничтожения, расстилался великий отец городов.

Those who have only seen London veiled in her sombre robes of smoke can scarcely imagine the naked clearness and beauty of the silent wilderness of houses.	Те, кто видел Лондон только под привычным покровом дыма, едва ли могут представить себе обнаженную красоту его пустынных, безмолвных улиц.
Eastward, over the blackened ruins of the Albert Terrace and the splintered spire of the church, the sun blazed dazzling in a clear sky, and here and there some facet in the great wilderness of roofs caught the light and glared with a white intensity.	К востоку, над почерневшими развалинами Альберт-террас и расщепленным церковным шпилем, среди безоблачного неба сияло солнце. Кое-где какая-нибудь грань белой кровли преломляла луч и сверкала ослепительным светом.

Northward were Kilburn and Hampsted, blue and crowded with houses; westward the great city was dimmed; and southward, beyond the Martians, the green waves of Regent's Park, the Langham Hotel, the dome of the Albert Hall, the Imperial Institute, and the giant mansions of the Brompton Road came out clear and little in the sunrise, the jagged ruins of Westminster rising hazily beyond.	Солнце сообщало таинственную прелесть даже винным складам вокзала Чок-Фарм и обширным железнодорожным путям, где раньше блестели черные рельсы, а теперь краснели полосы двухнедельной ржавчины. К северу простирались Килбери и Хэмпстед - целый массив домов в синеватой дымке; на западе гигантский город был также подернут дымкой; на юге, за марсианами, уменьшенные расстоянием, виднелись зеленые волны Риджент-парка, Ленгхем-отель, купол Альберт-холла, Королевский институт в огромные здания на Бромптон-роуд, а вдалеке неясно вырисовывались зубчатые развалины Вестминстера.

Far away and blue were the Surrey hills, and the towers of the Crystal Palace glittered like two silver rods.	В голубой дали поднимались холмы Сэррея и блестели, как две серебряные колонны, башни Кристал-Паласа.
The dome of St. Paul's was dark against the sunrise, and injured, I saw for the first time, by a huge gaping cavity on its western side.	Купол собора св. Павла чернел на фоне восхода, -я заметил, что на западной стороне его зияла большая пробоина.

And as I looked at this wide expanse of houses and factories and churches, silent and abandoned; as I thought of the multitudinous hopes and efforts, the innumerable hosts of lives that had gone to build this human reef, and of the swift and ruthless destruction that had hung over it all; when I realised that the shadow had been rolled back, and that men might still live in the streets, and this dear vast dead city of mine be once more alive and powerful, I felt a wave of emotion that was near akin to tears.	Я стоял и смотрел на это море домов, фабрик, церквей, тихих, одиноких и покинутых; я думал о надеждах и усилиях, о бесчисленных жизнях, загубленных на постройке этой твердыни человечества, и о постигшем ее мгновенном, неотвратимом разрушении. Когда я понял, что мрак отхлынул прочь, что люди снова могут жить на этих улицах, что этот родной мне громадный мертвый город снова оживет и вернет свою мощь, я чуть не заплакал от волнения.
The torment was over.	Муки кончились.

Even that day the healing would begin.	С этого же дня начинается исцеление.
The survivors of the people scattered over the country--leaderless, lawless, foodless, like sheep without a shepherd-- the thousands who had fled by sea, would begin to return; the pulse of life, growing stronger and stronger, would beat again in the empty streets and pour across the vacant squares.	Оставшиеся в живых люди, рассеянные по стране, без вождей, без законов, без еды, как стадо без пастуха, тысячи тех, которые отплыли за море, снова начнут возвращаться; пульс жизни с каждым мгновением все сильнее и сильнее снова забьется на пустынных улицах и площадях.
Whatever destruction was done, the hand of the destroyer was stayed.	Как ни страшен был разгром, разящая рука остановлена. Остановлена разящая рука.

All the gaunt wrecks, the blackened skeletons of houses that stared so dismally at the sunlit grass of the hill, would presently be echoing with the hammers of the restorers and ringing with the tapping of their trowels.	Эти горестные руины, почерневшие скелеты домов, мрачно торчащие на солнечном холме, скоро огласятся стуком молотков, звоном инструментов.
At the thought I extended my hands towards the sky and began thanking God.	Тут я воздел руки к небу а стал благодарить бога.
In a year, thought I--in a year. . .	Через какой-нибудь год, думал я, через год...

With overwhelming force came the thought of myself, of my wife, and the old life of hope and tender helpfulness that had ceased for ever. CHAPTER NINE WRECKAGE	Потом, словно меня что-то ударило, я вдруг вспомнил о себе, о жене, о нашей былой счастливой жизни, которая никогда уже не возвратится. 9. На обломках прошлого
And now comes the strangest thing in my story.	Теперь я должен сообщить вам один удивительный факт.
Yet, perhaps, it is not altogether strange.	Впрочем, это, может быть, и не так удивительно.
I remember, clearly and coldly and vividly, all that I did that day until the time that I stood weeping and praising God upon the summit of Primrose Hill.	Я помню ясно, живо, отчетливо все, что делал в тот день до того момента, когда, я стоял на вершине Примроз-Хилла и со слезами на глазах благодарил бога.

And then I forget.	А потом в памяти моей пробел...
Of the next three days I know nothing.	Я не помню, что произошло в течение следующих трех дней.
I have learned since that, so far from my being the first discoverer of the Martian overthrow, several such wanderers as myself had already discovered this on the previous night.	Мне говорили после, что я не первый открыл гибель марсиан, что несколько таких же, как я, скитальцев узнали о ней еще ночью.

One man--the first--had gone to St. Martin's-le-Grand, and, while I sheltered in the cabmen's hut, had contrived to telegraph to Paris.	Первый из обнаруживших это отправился к Сент-Мартинес-ле-Гран и в то время, когда я сидел в извозчичьей будке, умудрился послать телеграмму в Париж.

Thence the joyful news had flashed all over the world; a thousand cities, chilled by ghastly apprehensions, suddenly flashed into frantic illuminations; they knew of it in Dublin, Edinburgh, Manchester, Birmingham, at the time when I stood upon the verge of the pit.	Оттуда радостная весть облетела весь мир; тысячи городов, оцепеневших от ужаса, мгновенно осветились яркими огнями иллюминаций. Когда я стоял на краю ямы, о гибели марсиан было уже известно в Дублине, Эдинбурге, Манчестере, Бирмингеме.

Already men, weeping with joy, as I have heard, shouting and staying their work to shake hands and shout, were making up trains, even as near as Crewe, to descend upon London.	Люди плакали и кричали от радости, бросали работу, обнимались и жали друг другу руки; поезда, идущие в Лондон, были переполнены уже у Крю.
The church bells that had ceased a fortnight since suddenly caught the news, until all England was bell-ringing.	Церковные колокола, молчавшие целых две недели, трезвонили по всей Англии.

Men on cycles, lean-faced, unkempt, scorched along every country lane shouting of unhoped deliverance, shouting to gaunt, staring figures of despair.	Люди на велосипедах, исхудалые, растрепанные, носились по проселочным дорогам, громко крича, сообщая изможденным, отчаявшимся беженцам о нежданном спасении.
And for the food!	А продовольствие?
Across the Channel, across the Irish Sea, across the Atlantic, corn, bread, and meat were tearing to our relief.	Через Ла-Манш, по Ирландскому морю, через Атлантику спешили к нам на помощь корабли, груженые зерном, хлебом и мясом.
All the shipping in the world seemed going Londonward in those days.	Казалось, все суда мира стремились та Лондону.

But of all this I have no memory.	Обо всем этом я ничего не помню.
I drifted--a demented man.	Я не выдержал испытания, и мои разум помутился.
I found myself in a house of kindly people, who had found me on the third day wandering, weeping, and raving through the streets of St. John's Wood.	Очнулся я в доме каких-то добрых людей, которые подобрали меня на третий день; я бродил по улицам Сент-Джонс-Вуда в полном исступлении, крича и плача.
They have told me since that I was singing some insane doggerel about	Они рассказывали мне, что я нараспев выкрикивал бессмысленные слова:
"The Last Man Left Alive! Hurrah!	"Последний человек, оставшийся в живых, ура!

The Last Man Left Alive!"	Последний человек, оставшийся в живых!"
Troubled as they were with their own affairs, these people, whose name, much as I would like to express my gratitude to them, I may not even give here, nevertheless cumbered themselves with me, sheltered me, and protected me from myself.	Обремененные своими собственными заботами, эти люди (я не могу назвать их здесь по имени, хотя очень хотел бы выразить им свою благодарность) все-таки не бросили меня на произвол судьбы, приютили у себя и оказали мне всяческую помощь.
Apparently they had learned something of my story from me during the days of my lapse.	Вероятно, они узнали кое-что о моих приключениях в течение тех дней, когда я лежал без памяти.

Very gently, when my mind was assured again, did they break to me what they had learned of the fate of Leatherhead.	Когда я пришел в сознание, они осторожно сообщили мне все, что им было известно о судьбе Лезерхэда.
Two days after I was imprisoned it had been destroyed, with every soul in it, by a Martian.	Через два дня после того, как я попал в ловушку в развалинах дома, он был уничтожен вместе со всеми жителями одним из марсиан.
He had swept it out of existence, as it seemed, without any provocation, as a boy might crush an ant hill, in the mere wantonness of power.	Марсианин смел город с лица земли без всякого повода - так мальчишка разоряет муравейник.

I was a lonely man, and they were very kind to me.	Я был одинок, и они были очень внимательны ко мне.
I was a lonely man and a sad one, and they bore with me.	Я был одинок и убит горем, и они горевали вместе со мной.
I remained with them four days after my recovery.	Я оставался у них еще четыре дня после своего выздоровления.
All that time I felt a vague, a growing craving to look once more on whatever remained of the little life that seemed so happy and bright in my past.	Все это время я испытывал смутное желание - оно все усиливалось - взглянуть еще раз на то, что осталось от былой жизни, которая казалась мне такой счастливой и светлой.

It was a mere hopeless desire to feast upon my misery.	Это было просто безотрадное желание справить тризну по своему прошлому.
They dissuaded me.	Они отговаривали меня.
They did all they could to divert me from this morbidity.	Они изо всех сил старались заставить меня отказаться от этой идеи.

But at last I could resist the impulse no longer, and, promising faithfully to return to them, and parting, as I will confess, from these four-day friends with tears, I went out again into the streets that had lately been so dark and strange and empty.	Но я не мог больше противиться непреодолимому влечению; обещав вернуться к ним, я со слезами на глазах простился с моими новыми друзьями и побрел по улицам, которые еще недавно были такими темными и пустынными.
Already they were busy with returning people; in places even there were shops open, and I saw a drinking fountain running water.	Теперь улицы стали людными, кое-где даже были открыты магазины; я заметил фонтан, из которого била вода.

I remember how mockingly bright the day seemed as I went back on my melancholy pilgrimage to the little house at Woking, how busy the streets and vivid the moving life about me.	Я помню, как насмешливо ярок казался мне день, когда я печальным паломником отправился к маленькому домику в Уокинге; вокруг кипела возрождающаяся жизнь.

So many people were abroad everywhere, busied in a thousand activities, that it seemed incredible that any great proportion of the population could have been slain.	Повсюду было так много народа, подвижного, деятельного, и не верилось, что погибло столько жителей.

But then I noticed how yellow were the skins of the people I met, how shaggy the hair of the men, how large and bright their eyes, and that every other man still wore his dirty rags.	Потом я заметил, что лица встречных желты, волосы растрепаны, широко открытые глаза блестят лихорадочно и почти все они одеты в лохмотья.
Their faces seemed all with one of two expressions--a leaping exultation and energy or a grim resolution.	Выражение на всех лицах было одинаковое: либо радостно-оживленное, либо странно сосредоточенное.

Save for the expression of the faces, London seemed a city of tramps.	Если бы не это выражение глаз, лондонцев можно было бы принять за толпу бродяг.

The vestries were indiscriminately distributing bread sent us by the French government.	Во всех приходах даром раздавали хлеб, присланный французским правительством.
The ribs of the few horses showed dismally.	У немногих уцелевших лошадей из-под кожи проступали ребра.
Haggard special constables with white badges stood at the corners of every street.	На всех углах стояли изможденные констебли с белыми значками.
I saw little of the mischief wrought by the Martians until I reached Wellington Street, and there I saw the red weed clambering over the buttresses of Waterloo Bridge.	Следов разрушения, причиненных марсианами, я почти не заметил, пока не дошел до Веллингтон-стрит, где красная трава еще взбиралась по устоям Ватерлооского моста.

At the corner of the bridge, too, I saw one of the common contrasts of that grotesque time--a sheet of paper flaunting against a thicket of the red weed, transfixed by a stick that kept it in place.	У самого моста я заметил лист бумаги, приколотый сучком к густой заросли красной, травы, - любопытный гротеск того необычайного времени.
It was the placard of the first newspaper to resume publication--the Daily Mail.	Это было объявление первой вновь вышедшей газеты "Дейли мейл".
I bought a copy for a blackened shilling I found in my pocket.	Я дал за газету почерневший шиллинг, оказавшийся в кармане.

Most of it was in blank, but the solitary compositor who did the thing had amused himself by making a grotesque scheme of advertisement stereo on the back page. The matter he printed was emotional; the news organisation had not as yet found its way back.	Она была почти вся в пробелах. На месте объявлений, на последнем листе, наборщик, выпустивший газету единолично, набрал прочувствованное обращение к читателю.
I learned nothing fresh except that already in one week the examination of the Martian mechanisms had yielded astonishing results.	Я не узнал ничего нового, кроме того, что осмотр механизмов марсиан в течение недели уже дал удивительные результаты.

Among other things, the article assured me what I did not believe at the time, that the "Secret of Flying," was discovered.	Между прочим, сообщалось - в то время я не поверил этому, - что "тайна воздухоплавания" раскрыта.
At Waterloo I found the free trains that were taking people to their homes.	У вокзала Ватерлоо стояли три готовых к отходу поезда.
The first rush was already over.	Наплыв публики, впрочем, уже ослабел.
There were few people in the train, and I was in no mood for casual conversation.	Пассажиров в поезде было немного, да и я был но в таком настроении, чтобы заводить случайный разговор.

I got a compartment to myself, and sat with folded arms, looking greyly at the sunlit devastation that flowed past the windows.	Я занял один целое купе, скрестил руки и мрачно глядел на освещенные солнцем картины ужасного опустошения, мелькавшие за окнами.
And just outside the terminus the train jolted over temporary rails, and on either side of the railway the houses were blackened ruins.	Сразу после вокзала поезд перешел на временный путь; по обеим сторонам полотна чернели развалины домов.

To Clapham Junction the face of London was grimy with powder of the Black Smoke, in spite of two days of thunderstorms and rain, and at Clapham Junction the line had been wrecked again; there were hundreds of out-of-work clerks and shopmen working side by side with the customary navvies, and we were jolted over a hasty relaying.	До Клэпхемской узловой станции Лондон был засыпан черной пылью, которая еще не исчезла, несмотря на два бурных дождливых дня. У Клэпхема на поврежденном полотне бок о бок с землекопами работали сотни оставшихся без дела клерков и приказчиков, и поезд перевели на поспешно проложенный временный путь.

All down the line from there the aspect of the country was gaunt and unfamiliar; Wimbledon particularly had suffered.	Вид окрестностей был мрачный, странный; особенно сильно пострадал Уимблдон.
Walton, by virtue of its unburned pine woods, seemed the least hurt of any place along the line.	Уолтон благодаря своим уцелевшим сосновым лесам казался менее разрушенным.
The Wandle, the Mole, every little stream, was a heaped mass of red weed, in appearance between butcher's meat and pickled cabbage.	Уэндл, Моул, даже мелкие речонки поросли красной травой и казались наполненными не то сырым мясом, не то нашинкованной красной капустой.

The Surrey pine woods were too dry, however, for the festoons of the red climber.	Сосновые леса Сэррея оказались слишком сухими для красного вьюна.
Beyond Wimbledon, within sight of the line, in certain nursery grounds, were the heaped masses of earth about the sixth cylinder.	За Уимблдоном на огородах виднелись кучи земли вокруг шестого цилиндра.
A number of people were standing about it, and some sappers were busy in the midst of it.	В середине что-то рыли саперы, вокруг стояли любопытные.
Over it flaunted a Union Jack, flapping cheerfully in the morning breeze.	На шесте развевался британский флаг, весело похлопывая под утренним бризом.

The nursery grounds were everywhere crimson with the weed, a wide expanse of livid colour cut with purple shadows, and very painful to the eye.	Огороды были красные от травы. Глазам больно было смотреть на это красное пространство, пересеченное пурпурными тенями.
One's gaze went with infinite relief from the scorched greys and sullen reds of the foreground to the blue- green softness of the eastward hills.	Было приятно перевести взгляд от мертвенно-серого и красного цвета переднего плана пейзажа к голубовато-зеленым тонам восточных холмов.

The line on the London side of Woking station was still undergoing repair, so I descended at Byfleet station and took the road to Maybury, past the place where I and the artilleryman had talked to the hussars, and on by the spot where the Martian had appeared to me in the thunderstorm.	У станции Уокинг железнодорожное сообщение еще не было восстановлено; поэтому я вышел на станцию Байфлит и направился к Мэйбэри мимо того места, где мы с артиллеристом разговаривали с гусарами, и того места, где я во время грозы увидел марсианина.

Here, moved by curiosity, I turned aside to find, among a tangle of red fronds, the warped and broken dog cart with the whitened bones of the horse scattered and gnawed.	Из любопытства я свернул в сторону и увидел в красных зарослях свою опрокинутую и разбитую тележку рядом с побелевшим, обглоданным лошадиным скелетом.
For a time I stood regarding these vestiges. . . .	Я остановился и осмотрел эти останки...
Then I returned through the pine wood, neck-high with red weed here and there, to find the landlord of the Spotted Dog had already found burial, and so came home past the College Arms.	Потом я прошел через сосновый лес; заросли красной травы кое-где доходили мне до шеи; труп хозяина "Пятнистой собаки", вероятно, уже похоронили: я нигде не обнаружил его. Миновав военный колледж, я увидел свой дом.

A man standing at an open cottage door greeted me by name as I passed.	Какой-то человек, стоявший на пороге своего коттеджа, окликнул меня по имени, когда я проходил мимо.
I looked at my house with a quick flash of hope that faded immediately.	Я взглянул на свой дом со смутной надеждой, которая тотчас же угасла.
The door had been forced; it was unfast and was opening slowly as I approached. It slammed again.	Замок был взломан, и дверь отворялась и захлопывалась на ветру.

The curtains of my study fluttered out of the open window from which I and the artilleryman had watched the dawn.	То окно моего кабинета, из которого мы с артиллеристом смотрели тогда на рассвете, было распахнуто, занавески в нем развевались.
No one had closed it since.	С тех пор никто не закрывал окна.
The smashed bushes were just as I had left them nearly four weeks ago.	Сломанные кусты остались такими же, как в день моего бегства, почти четыре недели назад.
I stumbled into the hall, and the house felt empty.	Я вошел в дом, он был пуст.

The stair carpet was ruffled and discoloured where I had crouched, soaked to the skin from the thunderstorm the night of the catastrophe.	Коврик на лестнице был сбит и потемнел в том месте, где я сидел, промокнув до костей под грозой, в ночь катастрофы.
Our muddy footsteps I saw still went up the stairs.	На лестнице остались следы грязных ног.

I followed them to my study, and found lying on my writing-table still, with the selenite paper weight upon it, the sheet of work I had left on the afternoon of the opening of the cylinder.	Я пошел по этим следам в свой кабинет; на письменном столе все еще лежал под селенитовым пресс-папье исписанный лист бумаги, который я оставил в тот день, когда открылся первый цилиндр.

For a space I stood reading over my abandoned arguments. It was a paper on the probable development of Moral Ideas with the development of the civilising process; and the last sentence was the opening of a prophecy:	Я постоял, перечитывая свою недоконченную статью о развитии нравственности в связи с общим прогрессом цивилизации.
"In about two hundred years," I had written, "we may expect—" The sentence ended abruptly.	"Возможно, что через двести лет, - писал я, -наступит..." Пророческая фраза осталась недописанной.

I remembered my inability to fix my mind that morning, scarcely a month gone by, and how I had broken off to get my Daily Chronicle from the newsboy.	Я вспомнил, что никак не мог сосредоточиться в то утро, и, бросив писать, пошел купить номер "Дейли кроникл", у мальчишки-газетчика.
I remembered how I went down to the garden gate as he came along, and how I had listened to his odd story of "Men from Mars."	Помню, как я подошел к садовой калитке и с удивлением слушал его странный рассказ о "людях с Марса".

I came down and went into the dining room. There were the mutton and the bread, both far gone now in decay, and a beer bottle overturned, just as I and the artilleryman had left them.	Я сошел вниз в столовую и там увидел баранину и хлеб, уже сгнившие, и опрокинутую пивную бутылку. Все было так, как мы с артиллеристом оставили.
My home was desolate.	Мой дом был пуст.
I perceived the folly of the faint hope I had cherished so long.	Я понял все безумие тайной надежды, которую лелеял так долго.
And then a strange thing occurred.	И вдруг снаружи раздался чей-то голос:

"It is no use," said a voice.	- Это бесполезно.
"The house is deserted.	Дом необитаем.
No one has been here these ten days.	Тут, по крайней мере, десять дней никого не было.
Do not stay here to torment yourself.	Не мучьте себя напрасно.
No one escaped but you."	Вы спаслись одни...
I was startled.	Я был поражен.
Had I spoken my thought aloud?	Уж не я ли сам высказал вслух свои мысли?.
I turned, and the French window was open behind me.	Я обернулся... Балконная дверь была открыта настежь.

I made a step to it, and stood looking out.	Я шагнул к ней и выглянул.
And there, amazed and afraid, even as I stood amazed and afraid, were my cousin and my wife--my wife white and tearless.	В саду, изумленные и испуганные не меньше, чем я, стояли мой двоюродный брат и моя жена, бледная, без слез.
She gave a faint cry.	Она слабо вскрикнула.
"I came," she said. "I knew--knew—"	-Я пришла,- пробормотала она,- я знала... знала...
She put her hand to her throat--swayed.	Она поднесла руки к горлу и покачнулась.
I made a step forward, and caught her in my arms. CHAPTER TEN THE EPILOGUE	Я бросился к ней и подхватил ее на руки. Эпилог

I cannot but regret, now that I am concluding my story, how little I am able to contribute to the discussion of the many debatable questions which are still unsettled.	Теперь, в конце моего рассказа, мне остается только пожалеть о том, как мало могу я способствовать разрешению многих спорных вопросов.
In one respect I shall certainly provoke criticism.	В этом отношении меня, несомненно, будут строго критиковать.
My particular province is speculative philosophy.	Моя специальность - умозрительная философия.

My knowledge of comparative physiology is confined to a book or two, but it seems to me that Carver's suggestions as to the reason of the rapid death of the Martians is so probable as to be regarded almost as a proven conclusion.	Мое знакомство со сравнительной физиологией ограничивается одной или двумя книгами, но мне кажется, что предположение Карвера о причинах быстрой смерти марсиан настолько правдоподобно, что его можно принять как доказанное.
I have assumed that in the body of my narrative.	Я уже изложил его в своем повествовании.
At any rate, in all the bodies of the Martians that were examined after the war, no bacteria except those already known as terrestrial species were found.	Во всяком случае, в трупах марсиан, исследованных после войны, найдены были только известные нам бактерии.

That they did not bury any of their dead, and the reckless slaughter they perpetrated, point also to an entire ignorance of the putrefactive process.	То обстоятельство, что марсиане не хоронили своих убитых товарищей, а также их безрассудное уничтожение людей доказывают, что они незнакомы с процессом разложения.
But probable as this seems, it is by no means a proven conclusion.	Однако это лишь гипотеза, правда, весьма вероятная.

Neither is the composition of the Black Smoke known, which the Martians used with such deadly effect, and the generator of the Heat-Rays remains a puzzle.	Состав черного газа, которым с такими губительными последствиями пользовались марсиане, до сих пор неизвестен; генератор теплового луча тоже остается рока загадкой.
The terrible disasters at the Ealing and South Kensington laboratories have disinclined analysts for further investigations upon the latter.	Страшные катастрофы в лабораториях Илинга и Южного Кенсингтона заставили ученых прекратить свои опыты.

Spectrum analysis of the black powder points unmistakably to the presence of an unknown element with a brilliant group of three lines in the green, and it is possible that it combines with argon to form a compound which acts at once with deadly effect upon some constituent in the blood.	Спектральный анализ черной пыли указывает на присутствие неизвестного нам элемента: отмечались четыре яркие линии в голубой части спектра; возможно, что этот элемент дает соединение с аргоном, которое действует разрушительно на составные части крови.

But such unproven speculations will scarcely be of interest to the general reader, to whom this story is addressed.	Но эти недоказанные предположения едва ли заинтересуют того широкого читателя, для которого написана моя повесть.
None of the brown scum that drifted down the Thames after the destruction of Shepperton was examined at the time, and now none is forthcoming.	Ни одна частица бурой накипи, плывшей вниз по Темзе после разрушения Шеппертона, в то время не была подвергнута исследованию; теперь это уже невозможно.

The results of an anatomical examination of the Martians, so far as the prowling dogs had left such an examination possible, I have already given.	О результате анатомического исследования трупов марсиан (насколько такое исследование оказалось возможным после вмешательства прожорливых собак) я уже сообщал.

But everyone is familiar with the magnificent and almost complete specimen in spirits at the Natural History Museum, and the countless drawings that have been made from it; and beyond that the interest of their physiology and structure is purely scientific.	Вероятно, все видели великолепный и почти нетронутый экземпляр, заспиртованный в Естественноисторическом музее, и бесчисленные снимки с него. Физиологические и анатомические детали представляют интерес только для специалистов.
A question of graver and universal interest is the possibility of another attack from the Martians.	Вопрос более важный и более интересный - это возможность нового вторжения марсиан.

I do not think that nearly enough attention is being given to this aspect of the matter.	Мне кажется, что на эту сторону дела едва ли обращено достаточно внимания.
At present the planet Mars is in conjunction, but with every return to opposition I, for one, anticipate a renewal of their adventure.	В настоящее время планета Марс удалена от нас, но я допускаю, что они могут повторить свою попытку в период противостояния.
In any case, we should be prepared.	Во всяком случае, мы должны быть к этому готовы.

It seems to me that it should be possible to define the position of the gun from which the shots are discharged, to keep a sustained watch upon this part of the planet, and to anticipate the arrival of the next attack.	Мне кажется, можно было бы определить положение пушки, выбрасывающей цилиндры; надо зорко наблюдать, за этой частью планеты и предупредить попытку нового вторжения.

In that case the cylinder might be destroyed with dynamite or artillery before it was sufficiently cool for the Martians to emerge, or they might be butchered by means of guns so soon as the screw opened.	Цилиндр можно уничтожить динамитом или артиллерийским огнем, прежде чем он достаточно охладится и марсиане будут в состоянии вылезти из него; можно также перестрелять их всех, как только отвинтится крышка.

It seems to me that they have lost a vast advantage in the failure of their first surprise.	Мне кажется, они лишились большого преимущества из-за неудачи первого внезапного нападения.

Possibly they see it in the same light.	Возможно, что они сами это поняли.
Lessing has advanced excellent reasons for supposing that the Martians have actually succeeded in effecting a landing on the planet Venus.	Лессинг привел почти неопровержимые доказательства в пользу того, что марсианам уже удалось произвести высадку на Венеру.
Seven months ago now, Venus and Mars were in alignment with the sun; that is to say, Mars was in opposition from the point of view of an observer on Venus.	Семь месяцев назад Венера и Марс находились на одной прямой с Солнцем; другими словами, Марс был в противостоянии с точки зрения наблюдателя с Венеры.

Subsequently a peculiar luminous and sinuous marking appeared on the unillumined half of the inner planet, and almost simultaneously a faint dark mark of a similar sinuous character was detected upon a photograph of the Martian disk.	И вот на неосвещенной половине планеты появился странный светящийся след; почти одновременно фотография Марса обнаружила чуть заметное темное извилистое пятно.
One needs to see the drawings of these appearances in order to appreciate fully their remarkable resemblance in character.	Достаточно видеть фотографии обоих этих явлений, чтобы понять их взаимную связь.

At any rate, whether we expect another invasion or not, our views of the human future must be greatly modified by these events.	Во всяком случае, грозит ли нам вторичное вторжение или нет, наш взгляд на будущность человечества, несомненно, сильно изменился благодаря всем этим событиям.
We have learned now that we cannot regard this planet as being fenced in and a secure abiding place for Man; we can never anticipate the unseen good or evil that may come upon us suddenly out of space.	Теперь мы знаем, что нельзя считать нашу планету вполне безопасным убежищем для человека; невозможно предвидеть тех незримых врагов или друзей, которые могут явиться к нам из бездны пространства.

It may be that in the larger design of the universe this invasion from Mars is not without its ultimate benefit for men; it has robbed us of that serene confidence in the future which is the most fruitful source of decadence, the gifts to human science it has brought are enormous, and it has done much to promote the conception of the commonweal of mankind.	Быть может, вторжение марсиан не останется без пользы для людей; оно отняло у нас безмятежную веру в будущее, которая так легко ведет к упадку, оно подарило нашей науке громадные знания, оно способствовало пропаганде идеи о единой организации человечества.

It may be that across the immensity of space the Martians have watched the fate of these pioneers of theirs and learned their lesson, and that on the planet Venus they have found a securer settlement.	Быть может, там, из бездны пространства, марсиане следили за участью своих пионеров, приняли к сведению урок и при переселении на Венеру поступили более осторожно.
Be that as it may, for many years yet there will certainly be no relaxation of the eager scrutiny of the Martian disk, and those fiery darts of the sky, the shooting stars, will bring with them as they fall an unavoidable apprehension to all the sons of men.	Как бы то ни было, еще в течение многих лет, наверное, будут продолжаться внимательные наблюдения за Марсом, а огненные небесные стрелы - падающие метеоры - долго еще будут пугать людей.

The broadening of men's views that has resulted can scarcely be exaggerated.	Кругозор человечества вследствие вторжения марсиан сильно расширился.
Before the cylinder fell there was a general persuasion that through all the deep of space no life existed beyond the petty surface of our minute sphere.	До падения цилиндра все были убеждены, что за крошечной поверхностью нашей сферы, в глубине пространства, нет жизни.

Now we see further.	Теперь мы стали более дальнозорки.

If the Martians can reach Venus, there is no reason to suppose that the thing is impossible for men, and when the slow cooling of the sun makes this earth uninhabitable, as at last it must do, it may be that the thread of life that has begun here will have streamed out and caught our sister planet within its toils.	Если марсиане смогли переселиться на Венеру, то почему бы не попытаться сделать это и людям? Когда постепенное охлаждение сделает нашу Землю необитаемой - а это в конце концов неизбежно, - может быть, нить жизни, начавшейся здесь, перелетит и охватит своей сетью другую планету.

Dim and wonderful is the vision I have conjured up in my mind of life spreading slowly from this little seed bed of the solar system throughout the inanimate vastness of sidereal space.	Сумеем ли мы бороться и победить? Передо мной встает смутное видение: жизнь с этого парника солнечной системы медленно распространяется по всей безжизненной неизмеримости звездного пространства.
But that is a remote dream.	Но это пока еще только мечта.
It may be, on the other hand, that the destruction of the Martians is only a reprieve.	Может быть, победа над марсианами только временная.
To them, and not to us, perhaps, is the future ordained.	Может быть, им, а не нам принадлежит будущее.

I must confess the stress and danger of the time have left an abiding sense of doubt and insecurity in my mind.	Я должен сознаться, что после всех пережитых ужасов у меня осталось чувство сомнения и неуверенности.
I sit in my study writing by lamplight, and suddenly I see again the healing valley below set with writhing flames, and feel the house behind and about me empty and desolate.	Иногда я сижу в своем кабинете и пищу при свете лампы, и вдруг мне кажется, что цветущая долина внизу вся в пламени, а дом пуст и покинут.

I go out into the Byfleet Road, and vehicles pass me, a butcher boy in a cart, a cabful of visitors, a workman on a bicycle, children going to school, and suddenly they become vague and unreal, and I hurry again with the artilleryman through the hot, brooding silence.	Я иду по Байфлит-роуд, экипажи проносятся мимо, мальчишка-мясник с тележкой, кэб с экскурсантами, рабочий на велосипеде, дети, идущие в школу, - и вдруг все становится смутным, призрачным, и я снова крадусь с артиллеристом в жаркой мертвой тишине.
Of a night I see the black powder darkening the silent streets, and the contorted bodies shrouded in that layer; they rise upon me tattered and dog-bitten.	Ночью мне снится черная пыль, покрывающая безмолвные улицы, и исковерканные трупы; они поднимаются, страшные, обглоданные собаками.

They gibber and grow fiercer, paler, uglier, mad distortions of humanity at last, and I wake, cold and wretched, in the darkness of the night.	Они что-то бормочут, беснуются, тускнеют, расплываются - искаженные подобия людей, и я просыпаюсь в холодном поту во мраке ночи.
I go to London and see the busy multitudes in Fleet Street and the Strand, and it comes across my mind that they are but the ghosts of the past, haunting the streets that I have seen silent and wretched, going to and fro, phantasms in a dead city, the mockery of life in a galvanised body.	Если я еду в Лондон и вижу оживленную толпу на Флит-стрит и Стрэнде, мне приходит в голову, что это лишь призраки минувшего, двигающиеся по улицам, которые я видел такими безлюдными и тихими; что это лишь тени мертвого города, мнимая жизнь в гальванизированном трупе.

And strange, too, it is to stand on Primrose Hill, as I did but a day before writing this last chapter, to see the great province of houses, dim and blue through the haze of the smoke and mist, vanishing at last into the vague lower sky, to see the people walking to and fro among the flower beds on the hill, to see the sight-seers about the Martian machine that stands there still, to hear the tumult of playing children, and to recall the time when I saw it all bright and clear	Так странно стоять на Примроз-Хилле - я был там за день перед тем, как написал эту последнюю главу, - видеть на горизонте сквозь серо-голубую пелену дыма и тумана смутные очертания огромного города, расплывающиеся во мглистом небе, видеть публику, разгуливающую по склону среди цветочных клумб; толпу зевак вокруг неподвижной машины марсиан, так и оставшейся здесь; слышать возню играющих детей и вспоминать то время, когда я видел все это разрушенным, пустынным в лучах рассвета великого последнего дня...

And strangest of all is it to hold my wife's hand again, and to think that I have counted her, and that she has counted me, among the dead.	Но самое странное - это держать снова в своей руке руку жены и вспоминать о том, как мы считали друг друга погибшими.